Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 60, август 2021
No. 60, August 2021

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2021

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тебекин Алексей Васильевич, д-р. экон. наук, д-р техн.наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professo
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Экономические науки

Карвицкая Г. В.
Участие бизнеса в сохранении культурного наследия территории (стр. 12-21)

Минеева Н. Н.
Конкурентные преимущества агропродовольственной системы Уральского федерального округа в условиях импортозамещения (стр. 22-39)

Паневина О. А.
Актуальные проблемы кадрового обеспечения в здравоохранении (стр. 40-50)

Трофимова Н. Н.
Структурные преобразования и особенности эффективного управления предприятиями в условиях посткризисного восстановления российской экономики (стр. 51-59)

Хмелев А. Г., Хмелева А. В.
Нейросетевое моделирование в бюджетной системе промышленных предприятий регионального уровня (стр. 60-74)

Хорунженко Т. А.
Роль и место менеджмента в ведомственной медицинской организации (стр. 75-86)

Чумаков А. С.
Перспективы экономического развития транспортной инфраструктуры на территории полуэксклава (стр. 87-96)

Шумнов И. А., Церцеил Ю. С. (научный руководитель)
Анализ теоретико-методологических подходов к оценке синергетического эффекта и влияния сделок слияний и поглощений на стоимость компании с учетом зарубежного опыта (стр. 97-109)

Юридические науки

Биккинин И. А., Поезжалов В. Б., Поезжалов А. В.
О регламентации соучастия в преступлении в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь (стр. 110-124)

Галуева В. О.
Штраф как мера наказания по законодательству Российской Федерации (стр. 125-134)

Живодрова Н. А.
Зарубежный опыт противодействия коррупции (стр. 135-148)

Ковалев О. Г., Семенова Н. В., Скипидаров А. А.
Криминологические аспекты классификации подходов обеспечения кибербезопасности развитых зарубежных государств (стр. 149-158)

Кононыхина Т. С.
Некоторые аспекты женской преступности в дореволюционной России (стр. 159-171)

Лагуткина В. А.
Проблемы квалификации преступлений, связанных с деятельностью медицинских работников (стр. 172-183)

Николаева Т. Г., Нечаева Е. В. (научный руководитель)
Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: уголовно-правое исследование (стр. 184-196)

Ситникова М. П.
Противодействие религиозному экстремизму в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказания России (стр. 197-213)

Тарасов А. В.
Использование цифровой информации в доказывании при расследовании преступлений (стр. 214-223)

Хлус А. М., Петрова М. И.
Криминалистическая характеристика и материальная структура акта терроризма (стр. 224-235)

Хлус А. М., Присяжнюк И. А.
Уголовно-правовые и криминалистические аспекты деяний, инспирирующих самоубийство, в Республике Беларусь (стр. 236-250)

Чернышев Д. Б.
Использование криптовалюты в преступных целях: уголовно-правовой аспект (стр. 251-259)

Яковец Е. В.
Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений как «интрузивное» оперативно-розыскное мероприятие (стр. 260-279)

Table of Contents

Economics

Karvitskaya G. V.
Business participation in preserving the cultural heritage of the territory (pp. 12-21)

Mineeva N. N.
Competitive advantages of APS UrFD in the context of import substitution (pp. 22-39)

Panevina O. A.
Actual problems of staffing in health care (pp. 40-50)

Trofimova N. N.
Structural transformations and features of effective enterprise management in the post-crisis recovery of the Russian economy (pp. 51-59)

Khmelov A. G., Khmelova A. V.
Neural network modeling in the budgetary system of industrial enterprises at the regional level (pp. 60-74)

Khorunzhenko T. A.
The role and place of management in a departmental medical organization (pp. 75-86)

Chumakov A. S.
Prospects for the economic development of transport infrastructure in the territory of the semi-exclave (pp. 87-96)

Shumnov I. A., Tsertseil Yu. S. (scientific advisor)
The analysis of theoretical and methodological approaches to assessing the synergistic effect and the impact of mergers and acquisitions on the company's value, taking into account foreign experience (pp. 97-109)

Law

Bikkinin I. A., Poezzhalov V. B., Poezzhalov A. V.
About regulation of complicity in a crime in the legislation of Russia and Belarus (pp. 110-124)

Galueva V. O.
Fine as a measure of punishment under the legislation of Russian Federation (pp. 125-134)

Zhivodrova N. A.
Foreign experience in combating corruption (pp. 135-148)

Kovalev O. G., Semenova N. V., Skipidarov A. A.
Criminological aspects of classification of approaches to ensuring cybersecurity in developed foreign countries (pp. 149-158)

Kononykhina T. S.
Some aspects of Women's Crime in Pre-revolutionary Russia (pp. 159-171)

Lagutkina V. A.
Problems of qualification of crimes related to the activities of medical workers (pp. 172-183)

Nikolayeva T. G., Nechaeva Ye. V. (scientific advisor)
Placement of a minor in a special educational institution of a closed type: criminal law research (pp. 184-196)

Sitnikova M. P.
Countering religious extremism in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia (pp. 197-213)

Tarasov A. V.
Digital information in evidence in the investigation of crimes (pp. 214-223)

Khlus A. M., Petrova M. I.
Forensic characteristics and material structure of an act of terrorism (pp. 224-235)

Khlus A. M., Prisyazhnyuk I. A.
Criminal and criminalistic aspects of acts instigating suicide (pp. 236-250)

Chernyshev D. B.
The use of cryptocurrency for criminal purposes: the criminal-legal aspect (pp. 251-259)

Yakovets E. N.
Control of mail, telegraph and other messages as an "intrusive"operational search activity (pp. 260-279)

УДК/UDC 351.853

Участие бизнеса в сохранении культурного наследия территории

Карвицкая Галина Владиславовна
кандидат экономических наук, доцент
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
г. Рязань, Россия
e-mail: g.karvitskaya@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 2879-8260

Аннотация

В статье обосновывается повышение интереса к сохранению культурного наследия страны и конкретной территории, показывается его место в социально-экономическом пространстве региона, рассматривается предпринимательский потенциал исследуемой сферы. На примере Рязанской области дается анализ основных форм участия предпринимательства в деятельности по сохранению материальных и духовных памятников истории и культуры: производственно-торговая деятельность, государственно-частное партнерство, действия компаний в рамках социальной ответственности. Выявляются сложности ведения бизнеса в данной сфере: обременения, накладываемые на предпринимателей при использовании ими объектов культурного наследия, необходимость долгосрочных инвестиций при неопределенности перспектив, недостаточная активность региональных и городских властей и пр. Особо подчеркивается необходимость взаимодействия всех заинтересованных сторон в сохранении историко-культурного наследия территории.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, культурное наследие, музеи, народные промыслы, органы власти, предпринимательство, регион, социальная ответственность, туризм.

Business participation in preserving the cultural heritage of the territory

Karvitskaya Galina Vladislavovna
Candidate of Economics, assistant professor
Ryazan State University
Ryazan, Russia
e-mail: g.karvitskaya@365.rsu.edu.ru
SPIN Code: 2879-8260

Abstract

The article substantiates an increase in interest in preserving the cultural heritage of the country and a specific territory, shows its place in the socio-economic space of the region, examines the entrepreneurial potential of the studied area. On the example of the Ryazan region, an analysis of the main forms of participation of entrepreneurship in the preservation of material and spiritual monuments of history and culture is given: production and trade activities, public-private partnerships, actions of companies in the framework of social responsibility. The difficulties of doing business in this area are revealed: the burdens imposed on entrepreneurs when they use cultural heritage objects, the need for long-term investments with uncertain prospects, insufficient activity of regional and city authorities, etc. The need for interaction of all interested parties in preserving the historical and cultural heritage of the territory is emphasized.

Key words: public-private partnership, cultural heritage, museums, handicrafts, authorities, entrepreneurship, region, social responsibility, tourism.

Доминирующие тенденции развития современного предпринимательства связаны с цифровизацией всех бизнес-процессов, технологиями искусственного интеллекта, инновационными стартапами, а также с глобализацией и унификацией культуры. Однако в последние десятилетия все больший интерес бизнеса привлекает проблема сохранения культурного наследия. Это связано с усилением интереса к культурно-историческим объектам, сохранению национальной самобытности, регионального своеобразия и неповторимости. Особую значимость эта проблема приобретает в России, при этом центр тяжести ее решения смеща-

ется в сторону регионов, т. к. объекты культурного наследия локализованы в конкретных территориальных образованиях.

Исследование проблематики сохранения культурного достояния Российской Федерации и ее регионов традиционно было объектом внимания культурологов, этнографов, историков, археологов, регионоведов. Представляется, что рассматриваемая сфера должна стать объектом исследования с экономических позиций, т. к. здесь все острее обозначаются вопросы источников и процесса финансирования, разделения экономических полномочий федерального центра и региональных органов власти, моделей хозяйствования и поведения хозяйствующих субъектов. Одним из экономических аспектов является определение потенциала предпринимательства в сохранении культурного наследия региона.

Известно, что к объектам культурного наследия относят материальные и духовные ценности, созданные в прошлом и имеющие значение для сохранения самобытности и вклада в мировую культуру. К материальным объектам недвижимости относят памятники (здания, сооружения, мемориальные квартиры и пр.), ансамбли, достопримечательные места. Эти объекты материального культурного наследия включаются в Единый государственный реестр объектов культурного наследия в порядке, определенном законом, и подлежат государственной охране. К материальным объектам также можно отнести такие артефакты, как народные промыслы, кухонную утварь, игрушки, ковры, мебель и пр. В качестве духовных ценностей выступают разнообразные объекты нематериальной культуры: обряды, традиции, язык, диалекты, поговорки, игры и др.

Анализ публикаций по данной тематике позволяет сделать вывод о том, что культурное наследие в наши дни рассматривается многими учеными как существенный фактор социально-экономического развития регионов. Так, Е. Е. Свешникова рассматривает его как важную составляющую бренда региона (города), основанного на неповторимой характеристике каждой территории, прямо или косвенно влияющей на ее экономические успехи и инвестиционную привлекательность [1, с. 57].

С. Д. Бакулина отмечает, что «объекты культурно-исторического наследия - это важный актив современных регионов, он может приносить прибыль и существенно влиять на экономическое развитие территорий» [2, с. 177]. Е. С. Штанько подчеркивает, что «бренд территории не может быть создан, эффективно и успешно сконструирован без учета имеющегося культурного достояния местности» [3, с. 381]. В соответствии с этой позицией ученых следует признать необходимость интеграции культурно-исторического наследия в социально-экономическое пространство современного региона. При этом несомненно, что в продвижении территориального бренда не менее других субъектов заинтересованы предпринимательские структуры, базирующиеся в данном территориальном образовании.

В то же время, как показывает практика последних лет, усилий только государственных органов власти на федеральном и региональном уровнях явно недостаточно для сохранения объектов культурного наследия для нынешнего и грядущих поколений. И речь идет не только о нехватке финансовых средств, выделяемых из бюджетов всех уровней, в т. ч. на целевые программы, но и некой синергетической энергии, продуцируемой различными экономически заинтересованными и социально ответственными сторонами. Как отмечают исследователи, «необходимо привлечение к совместной работе институтов гражданского общества, бизнес-сообщества, науки, образования и культуры» [4, с. 76].

Рассмотрим возможности участия предпринимательских структур, работающих в регионе, в сохранения культурного наследия территории на примере Рязанской области. Деятельность бизнес-структур региона по сохранению памятников истории и культуры в настоящее время весьма разнообразна и уже начала приобретать системный характер. Можно выделить три основных форм участия бизнеса в сохранении культурного наследия:

1) производственно-торговая деятельность,
2) государственно-частное партнерство,

3) действия бизнеса в рамках социально ответственного поведения.

Начнем с предпринимательских структур, исторически специализирующихся на поддержании и развитии традиционных народных промыслов. Это прежде всего существовавшие еще в советское время предприятия, такие как ЗАО «Скопинская художественная керамика» и ООО «Скопинский сувенир» (керамические изделия) в г. Скопине, фабрика ЗАО «Труженица» в г. Михайлове (традиционный кружевной промысел), ООО «Кадомский вениз» в р. п. Кадоме (русская вышивка: скатерти, салфетки, рушники, воротнички и пр.), ООО «Шиловская лоза» в пгт Шилове (изготовление из ивового прута оригинальной плетеной мебели — кресел-качалок, диванов и стульчиков, предметов для украшения интерьера) [5]. Помимо этого, в Рязанской области предприятиями малого бизнеса и индивидуальными предпринимателями производится огромное количество сувениров, тематически ориентированных на типичные образцы культурного достояния территории (статуэтки «Грибы с глазами», «Рязанский косопуз», «Рязанская баба», леденцы «Рязанский петушок», изделия из лозы и пр.).

Весомые возможности торгово-сервисного обслуживания с привлечением частного бизнеса открывают популярные не только у рязанцев, но и у иногородних и иностранных туристов музеи: Государственный музей-заповедник С. А. Есенина в с. Константиново, природно-ландшафтный музей-заповедник «Усадьба С. Н. Худекова» в с. Ерлино, музей-усадьба академика И. П. Павлова в г. Рязань и др. К этим возможностям можно отнести организацию общественного питания, прокат исторических костюмов, спортивного и туристического инвентаря, интерактивные экскурсии, сувенирные магазины, фотостудии и пр.

Все заметнее проявляется тенденция создания и развития частных музеев, изначально ориентированных на сохранение культурного достояния региона. Это музеи колоколов и русского самовара в г. Касимове, Мещерский музей деревянного зодчества имени В. П. Грошева, музей истории рязанского леденца, интерактивный музей сказок «Забава», фабрика

игрушек, музей холодного оружия в областном центре и пр. Реализуется интересный проект в области общественного питания - историческая кухмистерская «Хлебная площадь». Местонахождение этого ресторана в историческом центре города, элементы декора, наличие «красного» и «белого» зала, музыкальное сопровождение, необычные блюда по старинным рецептам, экскурсионная программа призваны сформировать у гостей состояние погружения в тот или иной мир начала прошлого века.

Все упомянутые бизнес-структуры так или иначе вовлечены в туристский оборот региона. Так, продукция народно-художественных промыслов обычно представлена на всех событийных мероприятиях, на их базе проходят международные фестивали, проводятся мастер-классы. Сформированы туристские маршруты: «Золотые руки России», «Скопин - город гончаров» (посещение фабрики с демонстрацией работы гончара); «Михайлов - родина кружевоплетения (посещение музея при фабрике «Михайловские кружева» с мастер-классом и чаепитием) [5]. В маршруты культурно-познавательного туризма включено также посещение частных музеев, выставок сувениров, кафе, ресторанов, буфетов и пр.

При этом, рассматривая эти ниши предпринимательской деятельности, следует признать наличие объективно существующего противоречия между финансовыми целями бизнеса и его участием в сохранении историко-культурного достояния территории.

В определенной мере смягчить это противоречие может развитие государственно-частного партнерства в исследуемой сфере. Как отмечают специалисты, «. . . на сегодняшний день используется преимущественно три его [государственно-частного партнерства] формы: доверительное управление на длительный период, налоговые преференции и наложение охранных обязательств по сохранению объекта культурного наследия» [6, с. 192].

Так, в Рязанской области при финансовой поддержке федерального центра на основе государственно-частного партнерства возводятся объекты туристско-рекреационного кластера «Рязанский». Частные

инвесторы вложили в туркластер «Рязанский» к концу 2018 г. более 3 млрд рублей. В рамках проекта в регионе появились гостинично-развлекательные комплексы «Окская жемчужина» и «В некотором царстве», комплексы «Рыбацкая деревня» и «Старый город». К 2025 г. в Рязанской области планируется формирование туристско-рекреационного кластера «Касимовский», включающий объекты культурного наследия исторического поселения - г. Касимова. [7]

В ближайшее время должен быть реализован проект реконструкции и восстановления Торгового городка в г. Рязани, который в 50-е гг. XX в. имел неофициальный статус «Рязанская ВДНХ», а место это было символом огромных возможностей, будущего. После присвоения Торговому городку статуса достопримечательного места правительство области планирует превратить его в центр культуры, туризма и фермерской торговли. К работе над проектом привлечены эксперты в сфере градостроения, туризма, ресторанного и музейного дела. Одна из идей этого проекта состоит в том, чтобы создать в Торговом городке пространства, где будет представлена продукция фермеров районов области с параллельным запуском интернет-магазина. Планируется проводить здесь также культурные события под открытым небом и в помещениях, сотрудничать с городской станцией юных натуралистов, которая действует напротив комплекса.

Еще одной формой участия бизнеса в сохранении различных элементов культурного наследия территории является ориентация крупных компаний региона на действия в направлении социально-ответственного поведения. Так, на начало 2020 г. Прио-Внешторгбанком был проведен или профинансирован ряд мероприятий для населения Рязанской области, в т. ч. волонтерский проект, связанный с сохранением культурного наследия Мещеры, участие в проведении фестиваля «Рязанский валенок», организация общегородского праздника Масленица, благотворительные акции (конкурс «Сохраняя традиции», юбилейная историческая выставка и т. д.).

Строительная компания «Триумф» возвела для городских нужд два объекта историко-культурного значения: памятник Герою Советского Союза В. Ф. Маргелову и композицию для парка «А у нас в Рязани - грибы с глазами».

Холдинг «Рельеф-центр» профинансировал деятельность областной школы экскурсоводов и волонтерского отряда «Юный экскурсовод». Последний принял активное участие в крупных мероприятиях региона, таких как «Форум древних городов», «Рязань — новогодняя столица». Компания активно поддерживает Межрегиональные фестивали изобразительного искусства «Мой край, задумчивый и нежный. . . », предоставляя все необходимые для создания творческих работ материалы: качественные краски, кисти, палитры.

Проводимые мероприятия позволяют поддерживать деловую репутацию и имидж этих бизнес-структур. Это, в свою очередь, влияет на их конкурентоспособность, отношения с партнерами, укрепление позиций на рынке, построение доброжелательных отношений с местным сообществом, а главное - дает импульс для дальнейшего внутреннего развития организации.

Как видим, рассмотренные нами формы участия регионального предпринимательства в сохранении культурного наследия страны и конкретной территории весьма многообразны и продуктивны. В то же время проведенный анализ показал, что в этой сфере существуют серьезные сложности ведения бизнеса. К наиболее существенным можно отнести высокие арендные платежи и обременения, накладываемые на предпринимателей при использовании ими объектов культурного наследия, необходимость долгосрочных инвестиций, недостаточную заинтересованность региональных и городских властей в инженерном обеспечении объектов наследия, неопределенность перспектив и риски бизнеса и пр.

В этом смысле заслуживает внимания основательное изучение опыта успешных в деле сохранения культурного достояния территории регионов и городов, сопоставимых с Рязанью по социально-экономическим и культурно-историческим параметрам. Объектом изучения и анализа

должны стать факторы, позволяющие более полно привлечь в эту сферу предпринимательский потенциал, а также способы поддержки бизнеса региональными и муниципальными органами власти. При этом следует получить ответы на следующие вопросы: практикуется ли субсидирование бизнеса, инвестируют ли власти в сохранение и использование культурного наследия, под какие государственные программы попадают проекты, в каких форматах осуществляется диалог предпринимательства с властью и пр.

Таким образом, проведенный нами анализ основных форм участия бизнеса в сохранении историко-культурного наследия региона показал возможные рыночные ниши для развития предпринимательства в данной сфере. Между тем объективно цели бизнеса требуют мер по монетизации культурного наследия, чему препятствуют многочисленные экономические и административные барьеры. Для баланса интересов всех заинтересованных в сохранении культурного достояния сторон требуется системное и регулярное взаимодействие бизнеса, власти, науки, общественности.

В условиях глобализации и нивелирования культурных различий, высоких темпов технологических изменений усиливается интерес к проблеме сохранения историко-культурного наследия. Однако, как показывает практика последних лет, усилий только органов власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях явно недостаточно для сохранения объектов культурного достояния для нынешнего и грядущих поколений. В этом смысле весьма значимым становится многогранное участие предпринимательских структур в сохранении и использовании культурного наследия региона, поиск путей взаимодействия и компромисса между всеми заинтересованными сторонами.

Список литературы

1. Свешникова Е. Е. Традиционная реклама и культурное наследие край в брендинге территорий // Вестник ОРЕЛГИЭТ. 2017. № 4 (42). С. 55–59.

2. Бакулина С. Д. Специфика и способы интеграции культурно-исторического наследия в жизнь современного региона // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 7. С. 176–178.

3. Штанько Е. С., Калашникова Н. Н., Ефремова Н. В. Региональные культурные бренды как способ продвижения и социально-культурного развития территории// Современные наукоемкие технологии. 2019. № 10-2. С. 381–386.

4. Никифорова А. А. Опыт сохранения памятников культурного наследия в регионах ресурсного типа // Дискуссия. 2011. № 4 (12). С. 72–76.

5. Рязанская область. Отдых в Рязанской области. URL: https://ryazantourism.ru/ (дата обращения: 15.05.2021).

6. Лукашенко Д. О., Шаброва Н. В. Государственно-частное партнерство как механизм включения бизнес в процесс сохранения объектов культурного наследия // Современный город: власть, управление, экономика. Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 2017. Т. 1. С. 187–194.

7. Туристско-рекреационный кластер «Рязанский» // Карта кластеров России. URL: https://map.cluster.hse.ru/cluster/186 (дата обращения: 15.05.2021).

References

1. Sveshnikova E. E. Traditional advertising and cultural heritage of the region in the branding of territories // Vestnik ORELGIET. 2017. No. 4 (42). Pp. 55–59.

2. Bakulina S. D. Specificity and methods of integrating cultural and historical heritage into the life of a modern region // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities research. 2015. No. 7. Pp. 176–178.

3. Shtanko E. S., Kalashnikova N. N., Efremova N. V. Regional cultural brands as a way to promote and socio-cultural development of the territory // Modern high technologies. 2019. No. 10-2. Pp. 381–386.

4. Nikiforova A. A. Experience of preserving monuments of cultural heritage in resource-type regions // Discussion. 2011. No. 4 (12). Pp. 72–76.

5. Ryazan region. Rest in the Ryazan region. URL: https://ryazantourism.ru/ (date of access: 15.05.2021).

6. Lukashenko D. O., Shabrova N. V. Public-private partnership as a mechanism for business inclusion in the process of preserving cultural heritage objects // Modern city: power, management, economics. Perm National Research Polytechnic University. 2017. Vol. 1. Pp. 187–194.

7. Tourist and recreational cluster "Ryazan"// Map of Russian clusters. URL: https://map.cluster.hse.ru/cluster/186 (date of access: 15.05.2021).

УДК/UDC 338.439

Конкурентные преимущества агропродовольственной системы Уральского федерального округа в условиях импортозамещения

Минеева Наталья Николаевна
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: 9220350757@mail.ru
SPIN-код: 7591-7051

Аннотация

В статье приводится анализ конкурентных преимуществ агропродовольственной системы Уральского федерального округа в условиях импортозамещения за 2010–2020 гг. Анализ конкурентных преимуществ проведен на основе концептуальной увязки двух глобальных экономических категорий региона: воспроизводственный потенциал и конкурентоспособность. В отношении продовольственного рынка в данном исследовании конкурентные преимущества рассматриваются как объективно присущие агропродовольственной системе свойства, определяющие уровень конкурентоспособности продукции, а также потенциальные возможности для производства продукции, связанные прежде всего с эффективным использованием ресурсов: природных (включая земельные), материальных, трудовых и финансовых. В заключении автор приходит к выводу, что, несмотря на сложные природно-климатические условия для производства продуктов питания, продукция, производимая в Уральском федеральном округе, имеет ряд конкурентных преимуществ по сравнению с продукцией, импортируемой в настоящее время на территорию округа.

Ключевые слова: агропродовольственная система, продовольственная безопасность, сельские территории, дифференцированный подход, конкурентные преимущества.

Competitive advantages of APS UrFD in the context of import substitution

Mineeva Natalya Nikolayevna
Candidate of Law, senior researcher
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
e-mail: 9220350757@mail.ru
SPIN Code: 7591-7051

Abstract

The article provides an analysis of the competitive advantages of the agri-food system of the Ural Federal District in the context of import substitution for 2010–2020. The analysis of competitive advantages is carried out on the basis of a conceptual link between two global economic categories of the region: reproductive potential and competitiveness. With regard to the food market, in this study, competitive advantages are considered as properties objectively inherent in the agri-food system that determine the level of competitiveness of products, as well as potential opportunities for product production, associated primarily with the efficient use of resources: natural (including land), material, labor and financial. In conclusion, the author comes to the conclusion that, despite the difficult natural and climatic conditions for food production, the products manufactured in the Ural Federal District have a number of competitive advantages over the products currently imported into the territory of the district..

Key words: agri-food system, food security, rural areas, differentiated approach, competitive advantages.

В условиях импортозамещения на рынке продовольствия и укрепления экономической безопасности России путем снижения зависимости от импорта наиболее актуальным вопросом защиты внутреннего рынка продуктов питания и сельскохозяйственного сырья является усиление конкурентных позиций отечественного агропроизводства [1]. Под агропродовольственной системой (далее по тексту - АПС) в данном исследовании понимается совокупность объектов и процессов, взаимосвязанных

и взаимодействующих в целях обеспечения продовольственной безопасности страны.

Ведущим в структуре экономики Уральского федерального округа (далее по тексту - УрФО) является промышленное производство. Доля сельского хозяйства в экономике округа в целом составляет лишь 2,5% (около 1% в ХМАО-Югра и ЯНАО, а в Курганской области - почти 16%), в два раза уступая среднероссийскому показателю [2], но при этом в УрФО производится примерно 7% всей продукции сельского хозяйства России.

В исследуемый период значительно увеличились объемы производства продукции во всех категориях хозяйств, и в этом плане показатели динамики в регионах УрФО вполне сопоставимы с общероссийскими значениями, хотя и традиционно ниже (табл. 1).

Продукция сельского хозяйства, произведенная в различных категориях хозяйств УрФО [3]

Регион	2010	2020	Изменение за период	
			Млн руб.	%
Российская Федерация	2587751	5908152	3320401	228
УрФО - всего	173650	347968	174318	200
Курганская область	20783	46410	25627	223
Свердловская область	44464	92295	47831	207
Тюменская область	48208	84882	36674	176
Челябинская область	60195	124381	64186	207

Таблица 1

Положительная динамика этих показателей несколько превышает уровень инфляции за период, что указывает на наличие реального роста объемов производства в сельском хозяйстве.

Вместе с тем финансовые показатели деятельности в ведущих отраслях сельского хозяйства в исследуемый период не имеют таких значимых изменений (табл. 2).

Собственные источники финансовых ресурсов в агропромышленном комплексе УрФО [3]

Регион	Сумма, млн руб.		Изменение за период	
	2010 г.	2020 г.	+/-	%
1. Сальдированный финансовый результат в растениеводстве				
Российская Федерация	14586	101748	87162	698
УрФО - всего	-66	-912	-846	1382
Курганская область	-81	103	184	127
Свердловская область	222	197	-25	89
Тюменская область	91	160	69	176
Челябинская область	-298	-1372	-1074	460
2. Сальдированный финансовый результат в животноводстве				
Российская Федерация	50107	102932	52825	205
УрФО - всего	6093	7721	1628	127
Курганская область	18	209	191	1161
Свердловская область	2137	3709	1572	174
Тюменская область	2501	2210	-300	88
Челябинская область	1437	1593	156	111

Таблица 2

Животноводческие хозяйства производят около 60%, а растениеводческие - примерно 40% продукции сельского хозяйства. При этом, в отличие от общероссийских показателей, отрасль растениеводства попрежнему является в основном убыточной, а динамики прибыли в животноводстве практически не отмечается, что связано прежде всего с неблагоприятными природно-климатическими условиями Уральского региона. Таким образом, финансовые ресурсы сельского хозяйства УрФО не имеют тенденций значительного роста, равно как и база основных ресурсов [4].

УрФО входит в число территорий с низкой обеспеченностью сельскохозяйственными угодьями и пахотными землями. В настоящее время площадь сельскохозяйственных угодий в УрФО составляет 13,9 млн га (около 8% от общероссийского показателя), из них около 1/3 - посевные площади. Регион имеет высокий потенциал развития сельского хозяйства - здесь находится около 20% всех залежных земель Российской Федерации, которые могут быть задействованы в долгосрочной перспекти-

ве. Однако в исследуемый период посевные площади во всех категориях хозяйств УрФО, в отличие от общероссийской тенденции, несколько сократились (табл. 3), что косвенно указывает на отсутствие возможностей роста производственного потенциала за счет земельных ресурсов.

Посевные площади в хозяйствах всех категорий УрФО [3]

Регион	Площадь, тыс. га		Изменение за период	
	2010 г.	2020 г.	+/-	%
Российская Федерация	74861	79881	5020	106
УрФО - всего	5330	5126	-204	96
Курганская область	1357	1328	-29	98
Свердловская область	852	808	-44	95
Тюменская область	1086	1050	-36	97
Челябинская область	2035	1940	-95	95

Таблица 3

Таким образом, природный потенциал, оказывающий первостепенное влияние на отрасли сельского хозяйства, не только не имеет тенденций укрепления, но и ослабляется в некоторой степени.

Кроме того, не имеют какой-либо значимой положительной динамики и показатели наличия энергетических мощностей на 100 га посевной площади (энергообеспеченность), и энерговооруженности труда каждого работника (табл. 4). Несмотря на значительные достижения в технической оснащенности российской экономики, в отрасли сельскохозяйственного производства по-прежнему около 30% работ выполняется только вручную, еще 10–20% работ имеют крайне низкую степень механизации [5].

Поэтому любое повышение производительности труда является следствием непосредственного увеличения физической нагрузки на персонал.

Энергообеспеченность и энерговооруженность труда в сельскохозяйственных организациях УрФО [3]

Регион	2010 г.	2020 г.	Изменение за период	
			+/-	%
Энергообеспеченность труда сельскохозяйственных организаций, л.с.				
Российская Федерация	227	199	-28	88
УрФО - всего	187	202	15	108
Курганская область	156	138	-18	88
Свердловская область	267	274	7	103
Тюменская область	191	242	51	127
Челябинская область	155	164	9	106
Энерговооруженность труда сельскохозяйственных организаций, л.с.				
Российская Федерация	67	75	8	112
УрФО - всего	67	83	16	124
Курганская область	86	119	33	138
Свердловская область	62	65	3	105
Тюменская область	62	86	24	139
Челябинская область	67	53	-14	79

Таблица 4

В отличие от материально-технической базы сельского хозяйства, имеющей четкую отраслевую принадлежность, человеческие ресурсы более мобильны и объединены в большей степени территориально, нежели профессионально. В исследуемый период показатель численности сельского населения неуклонно сокращался и в 2020 г. в целом в России достиг 37,8 млн чел., или 26% общей численности населения страны. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в УрФО. Регионы, входящие в состав УрФО, относятся к урбанизированным, поскольку более 80% населения округа составляют городские жители. В УрФО доля сельского населения несколько ниже (19%), чем в Российской Федерации в целом (26%), и также имеет тенденцию снижения по причине естественной убыли населения, которая обусловлена как снижением рождаемости, так и увеличением смертности, а также миграционными процессами. На сегодняшний день численность сельского населения УрФО превышает 2 млн чел. [6].

Сокращение численности сельского населения приводит к уменьшению количества сельских населенных пунктов, что особенно характерно для северных регионов Урала - Тюменская область, ХМАО-Югра, ЯНАО. В Свердловской области в течение исследуемого периода наблюдается увеличение сельского населения с одновременным ростом доли сельского населения в общей численности (табл. 5).

Численность городского и сельского населения УрФО [3]

Регион	Население, млн чел.					
	Всего		Городское		Сельское	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Российская Федерация	142,8	146,7	105,3	109,5	37,5	37,2
УрФО - всего	12,1	12,4	9,7	10,1	2,4	2,3
Курганская область	0,9	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3
Свердловская область	4,3	4,3	3,6	3,7	0,7	0,6
Тюменская область	3,4	3,8	2,7	3,0	0,7	0,8
Челябинская область	3,5	3,5	2,8	2,9	0,7	0,6

Таблица 5

На размещение экономически активного населения на городских и сельских территориях УрФО влияют следующие факторы:

1) уровень оплаты труда;
2) уровень занятости (безработицы);
3) качество, направления и размеры социальной поддержки;
4) качество и доступность бытовой и социальной инфраструктуры.

Несмотря на сокращение численности работоспособного населения, на сельских территориях УрФО отмечается превышение предложения рабочей силы над спросом, что вызвано сокращением объемов традиционных производств на сельских территориях, отсутствием вакантных рабочих мест, слабым развитием несельскохозяйственных отраслей экономики. Уровень безработицы в 2020 г. в целом по Российской Федерации составил 5,3%, практически такое же значение имеет этот показатель и по УрФО, а в Курганской области он почти в 2 раза выше - 8,0%. Наблюдается превышение уровня безработицы среди сельских жителей по

сравнению с уровнем безработицы среди городских жителей в 1,7 раза. Одновременно с уменьшением численности сельского населения наблюдается переход части экономически активного населения в категорию нестандартно, частично или альтернативно занятых (табл. 6).

Основные индикаторы качества жизни трудоспособного населения [7]

Регион	Уровень безработицы, %		Расходы бюджета на душу населения, тыс. руб./чел.	
	2010	2020	2010	2020
Российская Федерация	7,5	5,3	70,9	123,1
УрФО - всего	6,6	4,6	36,2	54,3
Курганская область	8,8	8,0	33,7	56,6
Свердловская область	6,6	4,3	36,3	59,9
Тюменская область	4,7	2,8	41,8	51,3
Челябинская область	6,4	4,9	31,4	50,3

Таблица 6

Сопоставляя данные о расходах бюджета на душу населения, следует отметить, что среди субъектов УрФО стабильно низкие показатели имеет Челябинская область, а замедление динамики наблюдается в Тюменской области, что не лучшим образом сказывается на уровне жизни населения региона.

Другой проблемой сельского рынка труда является несоответствие качественных характеристик рабочей силы условиям труда, организационно-техническому оснащению и квалификационным требованиям предприятий, а также уровню предлагаемой оплаты труда.

Так, номинальная заработная плата работников сельского хозяйства примерно на 40% ниже средней заработной платы в стране (табл. 7).

Оплата труда в УрФО

Регион	Оплата труда, тыс.руб.		Изменение за период	
	2010 г.	2020 г.	+/-	%
Российская Федерация	251	511	260	204
УрФО - всего	195	398	203	204

Курганская область	66	242	176	367
Свердловская область	201	325	124	162
Тюменская область	236	314	78	133
Челябинская область	197	296	99	150

Таблица 7

В общем объеме произведенной продукции сельского хозяйства в УрФО доля производства Челябинской области составляет свыше 30%, в Тюменской области производится около 25% (в т. ч. ХМАО-Югра и ЯНАО в совокупности составляют около 4%), в Свердловской области - 20%. В Курганской области, имеющей наиболее благоприятные природно-климатические условия ведения сельского хозяйства и самый высокий уровень безработицы сельского населения, производится не более 15% всего объема продовольствия.

При этом большая часть продукции производится в сельскохозяйственных организациях (СХО), однако доля личных подсобных хозяйств (ЛПХ) является весьма значительной, в то время как малые экономические субъекты - крестьянские фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели (КФХ и ИП) производят не более четверти всего объема (табл. 8). Следовательно, конкурентные преимущества в производстве сельскохозяйственной продукции и сырья в условиях Урала социально и экономически эффективны именно в таких формах ведения.

Структура производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств УрФО (в среднем 2010–2020 гг.)

Регион	По категориям хозяйств, %		
	СХО	ЛПХ	КФХ и ИП
Российская Федерация	52,7	34,6	12,7
УрФО - всего	53,3	36,9	9,8
Курганская область	36,8	44,9	18,3
Свердловская область	62,7	30,8	6,5
Тюменская область	47,9	44,7	7,4
Челябинская область	57,7	32,3	10,0

Таблица 8

Из результатов проведенного анализа следует, что основным ресурсом сельского хозяйства в настоящее время является труд, а природно-климатические и материально-технические факторы становятся менее значимыми. Подобная тенденция является признаком общей трансформации экономики округа, при которой распределение земельных, трудовых и производственных ресурсов происходит в пределах экономического оборота территории, а не конкретной отрасли (в частности, сельского хозяйства), имеющей существенные риски развития.

Это также означает, что все имеющиеся на сегодняшний день конкурентные преимущества, равно как и другие достижения сельского хозяйства, обеспечиваются за счет избыточного использования труда и повышенной эксплуатации человеческого капитала: при росте производства продукции практически в два раза и при снижении влияния других факторов оплата труда в сельском хозяйстве выросла незначительно и так и не достигла среднего уровня по экономике. Также недостаточными считаются и другие индикаторы качества жизни населения сельских территорий: условия труда, денежные доходы, жилищные условия, демографические показатели, социально-культурная инфраструктура, экологические условия и личная безопасность.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день базовые условия развития производства продуктов питания и сельскохозяйственного сырья являются недостаточными [7] и нормы обеспечения населения продовольствием за счет внутреннего производства не исполняются (табл. 9).

Уровень самообеспеченности УрФО основными видами продуктов питания

Показатель	Объем по нормам потребления	Среднегодовой объем производства	Уровень самообеспечения, %
Зерно, тыс.т	3701,0	2176,7	58,8
Картофель, тыс.т	3701,0	4083,2	110,3
Овощи, тыс.т	4811,3	1040,0	21,6
Фрукты и ягоды, тыс. т	3701,0	297,9	8,0

Мясо, тыс.т	2775,8	2076,2	74,8
Молоко, тыс.т	12213,3	4595,1	37,6
Яйца, млн шт.	9622,6	12276,5	127,6

Таблица 9

В целях обеспечения населения основными видами продовольствия округ вынужден импортировать продукты питания, а также экспортировать отдельные виды сельскохозяйственной продукции и сырья для сохранения платежного баланса. Так, наибольшую долю в структуре импорта занимает молочная продукция (свыше 30%), а также какао и какао-продукты, фрукты, овощи и орехи (около 20% в совокупности). Экспортируется в основном зерно и растительное масло [8].

В связи с этим АПС УрФО становится участником аграрного рынка во внешнеэкономических отношениях. В подобной ситуации вопросы формирования конкурентных преимуществ и сохранения собственного сельскохозяйственного производства получают особую значимость.

Введение Россией продуктового эмбарго для АПС УрФО имело ряд как положительных, так и отрицательных последствий.

Так, в исследуемый период наблюдается общий экономический спад из-за санкций. Для продовольственного рынка УрФО это выражается также в снижении объемов оборота. Соотношение реальных располагаемых доходов населения и индекса цен свидетельствует о сокращения платежеспособного спроса населения. Согласно проведенным опросам 84% потребителей сократили потребление продуктов питания как в физическом выражении (уменьшив свою продуктовую корзину), так и монетарно (за счет перехода на более дешевые аналоги).

Политика импортозамещения ограничила доступ на продовольственные рынки товаров из европейских стран, ценовая конкуренция с которыми была крайне затруднительной для субъектов АПС России [9]. Основная причина - особенности климатических условий, которые на Урале ведут к увеличенному потреблению энергоресурсов, из-за чего затраты на энергоносители в среднем в три раза выше, чем аналогич-

ные расходы европейских производителей. Благодаря этому (вместе с иными факторами) себестоимость внутреннего производства продовольственной продукции примерно на 20–30% выше, чем импортного, а закупочные цены позволяют окупать только 30% затрат. Проблема соотношения цены и себестоимости была решена отечественными субъектами продовольственного рынка путем снижения качества продукции, и это вызвало новые проблемы в обеспечении продовольственной безопасности.

Отсутствие полного и четкого регулирования качества продуктов привело к заполнению продовольственного рынка России продукцией иностранных производителей, непригодной для экспорта в развитые страны. Такая ситуация создала для отечественных производителей продуктов питания беспрецедентные конкурентные преимущества, которые были использованы достаточно цинично. Вместо того, чтобы заполнять рынок собственной качественной продукцией, с которой импортным товарам невозможно было бы конкурировать, отечественные производители решили играть против потребителя. Значительное превышение спроса над предложением, отсутствие жестких требований к качеству продуктов питания и недостаточный контроль позволили недобросовестным участникам продовольственного рынка продавать продукцию не только некачественную, но и опасную [10]. Так, по данным Роспотребнадзора фальсифицированными и с несоответствующим заявленному составом признаны почти 50% проверенных образцов молочной продукции, более 20% хлеба и хлебобулочных изделий, практически 100% колбасных изделий и мясопродуктов и т. д. Все эксперты продовольственного рынка однозначно указывают, что только 10% можно назвать качественными. Причем с каждым годом доля недоброкачественных товаров по большинству проверяемых позиций неизменно растет, а общий уровень качества продуктов питания за исследуемый период упал в шесть раз [11].

При этом наблюдается парадоксальная ситуация: производителями первичной продукции и сельскохозяйственного сырья фальсификат изготавливается с целью сокращения себестоимости, но для конечного по-

требителя в торговых сетях цены не только не снизились, но и возросли. Таким образом, результаты даже такого сомнительного конкурентного преимущества в виде дополнительной добавочной стоимости получили не столько субъекты АПС, сколько торговые сети.

Следовательно, потенциально имеющиеся конкурентные преимущества АПС до настоящего времени экономическими субъектами не были использованы в полной мере или их реализация не имела целью укрепление продовольственной безопасности страны и ее отдельных регионов. Механизмы свободного рыночного регулирования не принесли ожидаемых результатов. Соответственно, процесс формирования конкурентных преимуществ АПС должен иметь другую основу.

Опыт развитых европейских стран, чей климат или структура экономики сходны с российскими (Финляндия, Норвегия, Германия), показывает, что оптимальными средствами формирования конкурентных преимуществ в условиях внешней экспансии являются в основном меры государственной поддержки местных производителей через регламентацию технических и технологических процессов, кредитные ставки, компенсации и тарифную политику, а также высокие стандарты качества. Следует отметить, что меры государственной поддержки являются эффективными в том случае, если они направлены не на лоббирование и защиту интересов отрасли или ее отдельных субъектов, а на прямое повышение интенсивности производства, рациональную организацию и размещение основных экономических субъектов АПС с учетом природно-климатических и других специфических условий территории [12].

Различие природно-климатических условий, часовые пояса и другие особенности регионов России обуславливают уникальность каждой территориальной АПС регионов - одновременно и обособленной, и взаимосвязанной с сетью АПС других регионов, составляющих АПС страны в целом. Этим обуславливаются территориальные конкурентные преимущества регионов, входящих в УрФО.

Свердловская область - промышленный регион. К основным конкурентным преимуществам аграрного производства можно отнести следующие:

1) относительно стабильный высокий платежеспособный спрос на продукты питания;
2) достаточные площади для ведения сельского хозяйства;
3) наличие специализированных научных и учебных учреждений, занимающихся научными разработками в аграрной сфере, а также бизнес-единиц, реализующих инновационные стратегии;
4) наличие областных программ, направленных на поддержку реконструкции сельскохозяйственных объектов, модернизацию отраслей АПК.

Тюменская область характеризуется высокой эффективностью сельского хозяйства. Например, производство сельхозпродукции на душу населения в Тюменской области почти в два раза больше, чем в УрФО в целом, и в 1,3 раза больше, чем в среднем по стране. Компании - агропроизводители области неоднократно становились победителями по различным показателям урожайности и продуктивности. Собственное агропроизводство в Тюменской области на 90% обеспечивает потребности населения в овощах, на 97% - в мясопродуктах и мясе, полностью удовлетворяет в молочных продуктах хлебопродуктах, картофеле и яйце.

Конкурентные преимущества северных территорий УрФО - ХМАО-Югра и ЯНАО - для ведения сельского хозяйства достаточно ограничены и связаны с особенностями климата, географического положения, приоритетом развития нефтегазовых отраслей экономики:

1) большой и труднодоступный для других поставщиков рынок с высоким платежеспособным спросом на продукты питания;
2) возможности развития овощеводства закрытого грунта на основе современных технологий и источников дешевого тепла (утилизация попутного газа при разработке месторождений);

3) развитие звероводства, для которого северный климат является наиболее благоприятным.

Основным конкурентным преимуществом Курганской области являются наиболее благоприятные для ведения сельского хозяйства природно-климатические условия (по сравнению с другими регионами УрФО), а также хорошо развитое элитное семеноводство. Курганская область может обеспечить традиционными продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем не только свои потребности, но и соседние регионы.

С точки зрения подходящих природно-климатических условий для ведения сельского хозяйства в УрФО лидером также является Челябинская область. Несмотря на очевидную промышленную направленность экономики, регион обладает оптимальными условиями для развития мясного животноводства, включая птицеводство. Здесь также успешно действуют такие бренды российского и международного уровня в пищевой промышленности, как «Макфа», «Ариант», «Равис», «Союзпищепром», «Увелка».

Таким образом, несмотря на сложные природно-климатические условия для производства продуктов питания, продукция, производимая в УрФО, имеет ряд конкурентных преимуществ по сравнению с продукцией, импортируемой в настоящее время на территорию округа.

Здесь следует обратить внимание на пример Финляндии, агропроизводство которой с 2002 г. конкурирует с более теплыми странами. Такая конкуренция в конечном итоге привела к тотальному повышению качества производимой продукции, основой которого стала ее натуральность и экологичность. В настоящее время сельское хозяйство Финляндии не только полностью обеспечивает потребности страны в молочной продукции, хлебопродукции, продуктах животноводства и птицеводства, но и успешно экспортирует отдельные виды продукции пищевой промышленности - при том, что в сельском хозяйстве занято не более 1,5% общей численности населения страны. И это результат не только частных усилий фермеров и их объединений, но и жесткого и последовательно-

го государственного регулирования функционирования всей агропродовольственной системы страны: ограничения на применение минеральных удобрений, требования к чистоте и гигиеничности производства (в т. ч. содержания скота), постоянный контроль показателей качества продукции на каждом этапе ее производства.

Список литературы

1. О стратегии национальной безопасности: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 17.06.2021).

2. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2011 № 1715-р // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120672/ (дата обращения: 17.06.2021).

3. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 17.06.2021).

4. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38809 (дата обращения: 17.06.2021).

5. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы: Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 № 996 // СПС «Гарант». URL: http://garant.ru/product/ipo/prime/doc/56599536 (дата обращения: 17.06.2021).

6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 17.06.2021).

7. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федераци: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // Официальный сайт Президента России. URL: http:// kremlin.ru/events/president/news/6752 (дата обращения: 17.06.2021).

8. Об утверждении Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2016 № 1364-р // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200636 (дата обращения: 17.06.2021).

9. О внесении изменений в Стратегию развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года: // Распоряжение Правительства РФ от 30.06.2016 № 1378-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4766.

10. Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.06.2016 № 1364-р: Распоряжение Правительства РФ от 19.04.2017 № 738-р // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215997 (дата обращения: 17.06.2021).

11. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года. Минсельхоз России; НИУ Высшая школа экономики. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 140 с.

12. Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы. М.: ФГБНУ ВНИЭСХ. 2015. 447 с.

References

1. On the strategy of national security: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (date of access: 17.06.2021).

2. On the approval of the Strategy of socio-economic development of the Ural Federal District until 2020: Order of the Government of the Russian Federation dated 06.10.2011 No. 1715-r // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120672/ (date of access: 17.06.2021).

3. Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru (date of access: 17.06.2021).

4. On the application of certain special economic measures to ensure the security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 06.08.2014 No. 560 // Official site of the President of Russia. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38809 (date of access: 17.06.2021).

5. On the approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture for 2017–2025: Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2017 No. 996 // Garant. URL: http://garant.ru/product/ipo/prime/doc/56599536 (date of access: 17.06.2021).

6. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period of 2024: Decree of the President of the Russian

Federation of 07.05.2018 No. 204 // Official website of the President of Russia. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (date of access: 17.06.2021).

7. On the approval of the Doctrine of food security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 // Official website of the President of Russia. URL: http: // kremlin.ru/events/president/news/6752 (date of access: 17.06.2021).

8. On the approval of the Strategy for improving the quality of food products in the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of June 29, 2016 No. 1364-r // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200636 (date of access: 17.06.2021).

9. On amendments to the Strategy for the development of the food and processing industry of the Russian Federation for the period up to 2020: // Order of the Government of the Russian Federation of June 30, 2016 No. 1378-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 28. Art. 4766.

10. On the approval of the action plan for the implementation of the Strategy for improving the quality of food products in the Russian Federation until 2030, approved. By the Order of the Government of the Russian Federation of June 29, 2016 No. 1364-r: Order of the Government of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 738-r // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215997 (date of access: 17.06.2021).

11. Forecast of scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030. Ministry of Agriculture of Russia; National Research University Higher School of Economics. M.: NRU HSE, 2017. 140 p.

12. Import substitution in the agro-industrial complex of Russia: problems and prospects. M.: FGBNU VNIESKH. 2015. 447 p.

УДК/UDC 614.2

Актуальные проблемы кадрового обеспечения в здравоохранении

Паневина Ольга Александровна
старшая медицинская сестра
Филиал № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России
г. Красногорск, Россия
e-mail: olg-panevina@mail.ru

Аннотация

Проблема кадрового обеспечения учреждений здравоохранения является общемировой. Даже в случае достаточного числа медицинских работников их неравномерное территориальное распределение и диспропорции в соотношении числа медицинских работников различных специальностей присутствуют в большинстве стран мира. В Российской Федерации также остро стоят проблемы кадров в здравоохранении, основными из которых являются: территориальный дисбаланс в обеспеченности учреждений здравоохранения врачами и средним медицинским персоналом, диспропорции в составе кадров, невысокий профессиональный уровень части медицинского персонала, низкая мотивация специалистов, неэффективное использование рабочего времени медицинских работников, низкая материально-техническая база и неудовлетворительные условия труда медицинских работников. Для решения этих проблем на государственном уровне разработан и реализуется Федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», целью которого является ликвидация кадрового дефицита в отрасли и повышение престижа медицинского работника.

Ключевые слова: здравоохранение, кадры, кадровое обеспечение, медицинский работник, врач, средний медицинский персонал.

Actual problems of staffing in health care

Panevina Olga Aleksandrovna
Senior Nurse
Branch No. 1 of the Federal State Budgetary Institution «3 Vishnevsky Central Clinical Hospital» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Krasnogorsk, Russia
e-mail: olg-panevina@mail.ru

Abstract

The problem of staffing health care institutions is worldwide. Even in the case of a sufficient number of medical workers, their uneven territorial distribution and imbalances in the ratio of the number of medical workers of various specialties are present in most countries of the world. In the Russian Federation, there are also acute problems of personnel in healthcare, the main of which are: territorial imbalance in the provision of healthcare institutions with doctors and nurses, disparities in the composition of personnel, low professional level of some medical personnel, low motivation of specialists, ineffective use of the working time of medical workers , low material and technical base and unsatisfactory working conditions of medical workers. To solve these problems at the state level, the Federal project "Providing medical organizations of the health care system with qualified personnel"has been developed and is being implemented, the purpose of which is to eliminate the personnel shortage in the industry and increase the prestige of a medical worker.

Key words: healthcare, personnel, staffing, medical worker, doctor, paramedical staff.

Проблема кадров в здравоохранении является общемировой, о чем свидетельствует доклад Всемирной организации здравоохранения (далее по тексту - ВОЗ) 2013 г. «A Universal Truth: No health without a workforce» («Всеобщая реальность: без трудовых ресурсов нет здоровья»). Согласно этому докладу к 2035 г. в мире будет не хватать 12,9 млн работников здравоохранения, а на сегодняшний день нехватка составляет 7,2 млн человек. Если не принять меры сейчас, то грядут серьезные последствия для здоровья миллиардов людей во всех регионах мира [1].

Основные причины нехватки медицинских кадров в мире следующие [1]:

1) старение и выход на пенсию работников здравоохранения или их переход на более высокооплачиваемую работу и отсутствие других работников здравоохранения, приходящих на их место;
2) недостаточное число молодых людей, выбирающих профессию медика или получающих медицинское образование;
3) повышение спроса на медицинских специалистов, связанное с ростом численности населения мира, подвергающегося возрастающим рискам развития неинфекционных заболеваний (например, рака, болезней сердца, инсульта и т. д.);
4) внутренняя и международная миграция работников здравоохранения усугубляет дисбаланс между регионами.

ВОЗ предлагает определенную стратегию для решения кадровых проблем в здравоохранении:

1) усиление политического и технического лидерства в странах в поддержку усилий по развитию кадровых ресурсов в долгосрочной перспективе;
2) сбор надежных данных и усиление кадровых ресурсов для баз данных в области здравоохранения;
3) максимальное усиление роли работников среднего уровня и отдельных сообществ для улучшения доступности и приемлемости медико-санитарных услуг первой линии;
4) удержание работников здравоохранения в странах с наиболее острой их нехваткой и более уравновешенное географическое распределение работников здравоохранения;
5) обеспечение механизмов, предусматривающих голос, права и обязанности работников здравоохранения при разработке и осуществлении политики и стратегий достижения всеобщего охвата медико-санитарными услугами.

По расчетам ВОЗ базовый уровень численности трудовых ресурсов здравоохранения составляет 23 квалифицированных специалиста на 10

тыс. человек населения. В 83 странах этот уровень все еще не достигнут, при этом наблюдаются значимые различия между странами, например количество врачей на 10 тыс. населения в Объединенной республике Танзания - 0,1 человек, в Монако - 70,6 человек (рис. 1).

Соотношение медицинских кадров и населения в 186 странах [1]

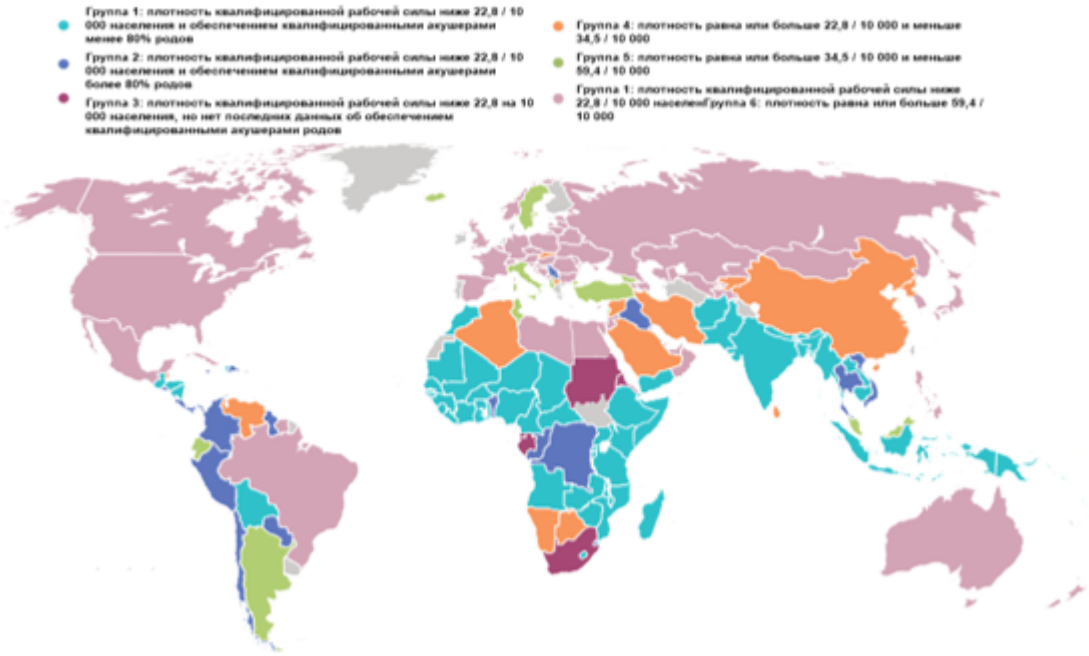

Рисунок 1

Различия в пространственной доступности медицинских услуг - неотъемлемая черта и проблема большинства стран, независимо от уровня их экономического развития. Сокращение дисбаланса в географическом распределении работников здравоохранения является важной политической целью государств. Имеется множество инструментов политики для более справедливого распределения кадров здравоохранения. Они варьируются от предоставления финансовых стимулов медицинским работникам, находящимся в удаленных регионах, обеспечения возможности их непрерывного профессионального развития и обучения за пределами городских районов до предоставления нефинансовых стимулов, таких как бесплатное жилье, лучшие диагностические возможности, безопасность и доступ к бесплатному медицинскому обслуживанию. В лю-

бом случае для устойчивого улучшения необходим многогранный, всеобъемлющий и гибкий подход. Технологические достижения в области географических информационных систем, картографических технологий и географии здоровья могут дать дополнительную информацию для будущих действий в области кадровых ресурсов здравоохранения и всеобщего охвата услугами здравоохранения [1].

В Российской Федерации также остро стоит проблема медицинских кадров. Так, несмотря на то, что на каждые 10 тыс. россиян приходится 43,1 медик с высшим образованием, присутствует территориальный дисбаланс в обеспеченности учреждений здравоохранения врачами и средним медицинским персоналом - различия в обеспеченности регионов России врачами достигают 30%, а в обеспеченности сестринском персоналом составляют около 20% [2]. Кроме того, существуют такие проблемы, как:

1) диспропорции в составе кадров,
2) невысокий профессиональный уровень части медицинского персонала,
3) низкая мотивация специалистов,
4) неэффективное использование рабочего времени медицинских работников,
5) низкая материально-техническая база и неудовлетворительные условия труда медицинских работников [3].

Дефицит медицинских работников в России по большей части связан с отсутствием мотивации к получению медицинской специальности в связи с длительным и сложным периодом обучения и низкой заработной платой. Уровень оплаты труда врачей на протяжении длительного периода времени составлял 100–120% от средней заработной платы по региону. Лишь в последние годы в результате реализации майского Указа Президента размер заработной платы врачей и среднего медицинского персонала вырос, но не везде, до целевых 200% от средней заработной платы по региону [3; 4]. Низкий уровень оплаты труда медицинских работников в нашей стране нередко компенсируется не всегда оправданным совмещением рабочих мест. Так, по данным И. М. Шеймана [5], число

штатных должностей в лечебных учреждениях на 10% превышает число занятых должностей. Данную проблему призван решить переход на эффективный контракт, который должен обеспечивать более высокий уровень оплаты труда при работе на одну ставку, когда работнику платят не за количество отработанного времени на нескольких ставках, а за сложность выполняемых работ, расширение функциональных обязанностей, эффективное использование медицинской техники и за результаты клинической деятельности [5].

Еще одной проблемой отечественного здравоохранения являются кадровые диспропорции:

1) между врачами стационаров (профицит этих врачей) и поликлиник (дефицит);
2) между врачами отдельных специальностей (дефицит одних специальностей сосуществует с избытком других - прежде всего тех, которые ориентированы на платежеспособный спрос);
3) между численностью врачей в городской и сельской местности;
4) между врачами и средним медперсоналом [5].

Многие годы в России государственная кадровая политика в сфере здравоохранения была направлена то, чтобы кадровое обеспечение соответствовало расчетным нормам планирования числа должностей, которые рассчитываются по численности населения, показателям его здоровья и в первую очередь по заболеваемости, а также по числу и мощности учреждений здравоохранения на расчетный год или планируемый период [2]. Исторически численность работников, занятых в системе здравоохранения, увеличивается за счет постоянно растущих потребностей в обеспечении населения медицинской помощью, а также за счет того, что повышение качества диагностики и лечения требуют все больших трудовых затрат. Оснащение лечебно-профилактических учреждений новым медицинским оборудованием требует привлечения специалистов смежных отраслей - инженеров, техников, физиков, химиков, программистов и др. Кроме того, за счет развития медицинского страхования и роста рынка медицинских услуг в здравоохранении растет потребность в спе-

циалистах экономического профиля, менеджерах. Эффективное функционирование системы здравоохранения и достижение высокого качества медицинской помощи невозможно без достаточного числа квалифицированного среднего медицинского персонала, дефицит которого присутствует практически во всех учреждениях здравоохранения в Российской Федерации. Проблемой является обеспеченность медицинскими кадрами учреждений здравоохранения в сельской местности, т. к. все показатели обеспеченности врачами и сестринским персоналом сельского населения всегда были значительно ниже, чем в городах, и сохраняют стойкую тенденцию к дальнейшему снижению [2].

Еще одной проблемой кадрового обеспечения в медицине в России является система медицинского образования, основная задача которой заключается в подготовке квалифицированных медицинских работников. Данная система на протяжении многих лет не претерпевала принципиальных изменений, что сделало ее уязвимой в современных реалиях, когда медицинская наука и практика находятся в постоянном развитии. Специалисты, окончившие высшие медицинские и фармацевтические учебные заведения, имели право заниматься определенными видами деятельности после прохождения полного курса обучения в соответствии с программой послевузовского профессионального образования (ординатура, аспирантура, докторантура) или дополнительного образования (интернатура) и получения сертификата специалиста. Специалисты, окончившие средние медицинские и фармацевтические учебные заведения, могли осуществлять профессиональную деятельность на основании диплома о профессиональном образовании, а на занятие определенными видами деятельности, требующими дополнительной подготовки, было возможно после прохождения курса специализации и получения сертификата специалиста. Кроме того, специалисты могут в дальнейшем по желанию пройти аттестацию, по результатам которой им присваивается квалификационная категория, переаттестация на подтверждение имеющейся квалификационной категории проводится каждые 5 лет. К аттестации на квалификационную категорию допускаются лица, имею-

щие высшее медицинское (фармацевтическое) образование и получившие право на занятие медицинской и фармацевтической деятельностью в учреждениях здравоохранения независимо от форм их собственности [2]. В настоящее время проводится реформа медицинского образования в Российской Федерации, включающая переход на систему непрерывного медицинского образования.

Таким образом, проблемы в кадровом обеспечении системы здравоохранения в России существуют, как и во всем мире. И эти проблемы диктуют необходимость принятия мер в данном направлении на государственном уровне. В связи с этим в национальный проект «Здравоохранение» включен Федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами». Целью данного проекта является ликвидация кадрового дефицита в отрасли, повышение престижа медицинского работника. В рамках реализации проекта планируется:

1) практически полностью ликвидировать дефицит врачей и среднего медперсонала в поликлиниках - благодаря реализации проекта эти должности будут укомплектованы на 95% к 2024 г.;
2) к концу 2024 г. увеличить численность врачей в России на 10%;
3) внедрить меры дополнительной социальной поддержки медработников в регионах: выделение жилой площади, страхование жизни и здоровья, доплаты медицинским работникампенсионерам, а также медикам, живущим в сельской местности [6].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» планируется увеличение численности медицинских работников. Это позволит повысить укомплектованность врачебных должностей и должностей среднего медицинского персонала в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, до 95% к концу 2024 г., достичь обеспеченности врачами и средним медицинским персоналом к концу 2024 г. до 41,7 и

94,8 специалистов на 10 тыс. населения соответственно, а также обеспеченности врачами, работающими в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, до 22,5 специалистов на 10 тыс. населения [7].

Указанные цели планируется достичь посредством выполнения ряда мероприятий, включающих:

1) ежегодное определение реальной потребности субъектами Российской Федерации в медицинских кадрах в разрезе каждой медицинской организации и каждой медицинской специальности с учетом специфики конкретного региона;
2) формирование контрольных цифр приема на подготовку специалистов с учетом реальной потребности в медицинских кадрах;
3) разработку и актуализацию федеральных государственных образовательных стандартов и примерных основных и дополнительных образовательных программ;
4) развитие системы целевого обучения;
5) реализацию мер социальной поддержки медицинских работников на федеральном и региональном уровнях;
6) повышение престижа профессии;
7) внедрение процедуры аккредитации специалистов.

Таким образом, кадровое обеспечение учреждений здравоохранения, призванное осуществить всеобщий охват услугами здравоохранения, - непростая задача. Очевидно, что сохранение статуса-кво в развитии кадровых ресурсов здравоохранения на сегодняшний день не приведет к ожидаемым результатам. Для решения кадровых проблем в здравоохранении необходимо отказаться от разрозненных подходов и краткосрочных решений; только долгосрочные действия, подкрепленные политической приверженностью и адекватными инвестициями, приведут к позитивным изменениям, необходимым для достижения устойчивых результатов в развитии кадров здравоохранения. Именно с этой целью руководство России инициировало разработку Федерального проекта «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифи-

цированными кадрами», результаты реализации которого можно будет проанализировать в ближайшие годы.

Список литературы

1. A universal truth: no health without a workforce // World Health Organization. URL: https://www.who.int/workforcealliance/knowledge/resources/GHWA-a_universal_-truth_report.pdf?ua=1 (дата обращения: 10.06.2021).

2. Лисицын Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 512 с.

3. Слепцова Е. В., Гапеева В. О. Современные проблемы кадровой политики в сфере здравоохранения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 5-2. С. 64–67.

4. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70170950/ (дата обращения: 10.06.2021).

5. Шейман И. М., Шевский В. И. Кадровая политика в здравоохранении: сравнительный анализ Российской и международной практики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 143–167.

6. Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами: Федеральный проект // Национальные проекты Российской Федерации. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/zdravookhranenie/podgotovka_vrachey (дата обращения: 10.06.2021).

7. Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами: Федеральный проект // Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/kadry (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. A universal truth: no health without a workforce // World Health Organization. URL: https://www.who.int/workforcealliance/knowledge/resources/GHWA-a_universal_-truth_report.pdf?ua=1 (date of access: 10.06.2021).

2. Lisitsyn Yu. P. Public health and health care: textbook. 2nd ed. M.: GEOTAR-Media, 2010. 512 p.

3. Sleptsova E. V., Gapeeva V. O. Modern problems of personnel policy in the health sector // Economics and business: theory and practice. 2018. No. 5-2. Pp. 64–67.

4. On measures for the implementation of state social policy, Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2012 No. 597 // Garant. URL: https://base.garant.ru/70170950/ (date of access: 10.06.2021).

5. Sheiman I. M., Shevsky V. I. Personnel policy in health care: a comparative analysis of Russian and international practice // Questions of state and municipal management. 2015. No. 1. Pp. 143–167.

6. Providing medical organizations of the healthcare system with qualified personnel: Federal project // National projects of the Russian Federation. URL: https://nationalprojects.rf/projects/zdravookhranenie/podgotovka_vrachey (date of access: 10.06.2021).

7. Provision of medical organizations of the health care system with qualified personnel: Federal project // Ministry of Health of the Russian Federation. URL: https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/kadry (date of access: 10.06.2021).

УДК/UDC 338.1

Структурные преобразования и особенности эффективного управления предприятиями в условиях посткризисного восстановления российской экономики

Трофимова Наталья Николаевна
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: tnn04@mail.ru
SPIN-код: 8895-5323

Аннотация

В результате пандемии COVID-19 не только увеличился уровень безработицы, когда рынок труда потерял миллионы работников, но и множество предприятий были вынуждены приостановить или полностью прекратить свою деятельность. Все это в результате привело к прогрессирующему росту бедности и неравенства в стране. В статье предлагаются актуальные направления структурных преобразований, ориентированные на восстановление российской экономики после кризиса пандемии COVID-19. В ходе исследования подчеркнуто, что необходимо более активно продвигать эффективные модели равного доступа к обучению, профориентации и информационно-разъяснительной работе. С помощью методов обобщения и систематизации собранной информации автором предложено для обеспечения структурных преобразований и эффективного управления предприятиями в условиях посткризисного восстановления российской экономики оказывать финансовую поддержку предприятиям для поддержания непрерывности бизнеса и для сохранения внутренних и глобальных цепочек поставок, предоставлять работодателям стимулы для удержания работников, принимать меры по поддержанию ликвидности предприятий, разрабатывать стимулирующие меры для поддержания рабочих мест.

Ключевые слова: структурные преобразования, эффективное управление предприятиями, устойчивость, социально-экономическая защита, посткризисное восстановление.

Structural transformations and features of effective enterprise management in the post-crisis recovery of the Russian economy

Trofimova Natalya Nikolayevna
Candidate of Economics, assistant professor of the Department of Management
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
St. Petersburg, Russia
e-mail: tnn04@mail.ru
SPIN Code: 8895-5323

Abstract

As a result of the COVID-19 pandemic, not only did the unemployment rate increase, when the labor market lost millions of workers, but also many enterprises were forced to suspend or completely stop their activities. As a result, all this has led to a progressive increase in poverty and inequality in the country. The article suggests current directions of structural transformations aimed at restoring the Russian economy after the crisis of the COVID-19 pandemic. The study emphasized that it is necessary to more actively promote effective models of equal access to training, career guidance and awareness-raising work. Using the methods of generalization and systematization of the collected information, the author suggests to ensure structural transformations and effective management of enterprises in the conditions of post-crisis recovery of the Russian economy, to provide financial support to enterprises to maintain business continuity and to preserve domestic and global supply chains, provide incentives to employers to retain employees, take measures to maintain the liquidity of enterprises, develop incentive measures to maintain jobs.

Key words: structural transformations, effective management of enterprises, sustainability, socio-economic protection, post-crisis recovery.

Учитывая неопределенность текущей ситуации, уже сегодня необходимо вкладывать денежные средства в ориентированное на человека восстановление российской экономики после кризиса пандемии COVID-19 и сосредоточиться на достижении устойчивости предприятий через стремление к социально-экономической справедливости. Для этого так-

же требуются структурные преобразования, связанные со следующими направлениями:

1) регулярным инвестированием в развитие российского рынка труда;
2) укреплением социальных институтов для обеспечения адекватной сложившейся ситуации защиты всех работников;
3) содействием максимально полной занятости и высокой производительности труда за счет масштабных инвестиций в цифровую, «зеленую» и циркулярную экономику.

При этом диалог между правительственными структурами, руководителями предприятий и работниками будет иметь важное значение для достижения эффективного управления в условиях посткризисного восстановления российской экономики, поскольку без всеобъемлющих и согласованных социально-экономических и политических усилий существует вполне реальный риск того, что кризис COVID-19 оставит в наследство еще большее экономическое неравенство и социальную несправедливость в обществе [1].

Чтобы этого не происходило, необходимо срочно принимать безотлагательные и комплексные меры, которые касаются не только в целом российской экономики, но также всех предприятий и работников. Поддержание подобной адаптивной политики будет иметь ключевое значение для стимулирования экономического роста и создания новых рабочих мест.

Для обеспечения структурных преобразований и эффективного управления предприятиями в условиях посткризисного восстановления российской экономики на уровне государства следует:

1. Оказывать финансовую поддержку предприятиям для поддержания непрерывности бизнеса, особенно для секторов, наиболее пострадавших от пандемии COVID-19, и для сохранения внутренних и глобальных цепочек поставок.
2. Предоставлять работодателям стимулы для удержания работников, несмотря на сокращение деловой активности в связи с

кризисом, включая разделение работы и сокращение рабочих недель, поддерживаемые схемами сохранения занятости и субсидиями на заработную плату [2].

3. Принимать меры по поддержанию ликвидности предприятий посредством временной приостановки налоговых сборов и отчислений на социальное страхование.
4. Разрабатывать пакеты стимулов, обеспечивающие предоставление государственных программ для поддержания рабочих мест и необходимых средств к существованию в период кризиса.

Стимулирование инвестиций в секторы с интенсивной занятостью, включая устойчивую инфраструктуру, «зеленую», циркулярную и цифровую экономику, а также устранение дефицита финансирования социально-экономической защиты имеют центральное значение для достижения ориентированного на человека повышения устойчивости в условиях посткризисного восстановления российской экономики [3]. Однако эти инвестиции в инклюзивный и устойчивый рост экономики должны обязательно подкрепляться финансовыми вложениями в работников, чтобы обеспечить их способность извлекать выгоду из возможностей меняющегося рынка труда.

Таким образом, структурные преобразования, базирующиеся на потребностях людей в условиях посткризисного восстановления российской экономики, должны быть в приоритете. На предприятиях необходимо создавать финансовые условия для инвестирования в образование и совершенствование навыков, переподготовку и повышение квалификации работников, чтобы подготовить их к функционированию в новых экономических условиях [4].

При этом отметим, что равные возможности доступа к развитию навыков и обучению на протяжении всей жизни являются ключевыми факторами инклюзивного и устойчивого развития в посткризисный период. Тогда как закрытие учебных центров, инфраструктурные разрывы и прочие экономические последствия кризиса еще больше усугубляют

неравенство в доступе к образованию и обучению среди молодых людей внутри страны и за рубежом.

Отсутствие доступа к информационно-коммуникационной сети «Интернет» и цифровых устройств лишает малоимущие группы населения возможности к дистанционному обучению и ограничивает их возможности улучшить свои навыки или получить новые. Потенциальные работники данной категории в сложившихся кризисных условиях испытывают трудности в использовании цифрового контента, технологий и ресурсов, что ставит под угрозу их возможности трудоустройства.

Таким образом, цифровой разрыв в обществе в результате пандемии COVID-19 рискует еще больше увеличится. Улучшение доступа и перехода к цифровизации для достижения эффективного управления в условиях посткризисного восстановления российской экономики для всех требует координации и комплексных мер на основе сотрудничества между правительством, работодателями и работниками.

По мере того, как пути перехода к новым экономическим условиям, обусловленным пандемией COVID-19, становятся более сложными, социально-экономические и политические меры должны расширяться для поддержки людей трудоспособного возраста с помощью более широкого разнообразия вариантов, таких как:

1) инклюзивные учебные среды и программы;
2) гибкие варианты обучения, включая информационные и коммуникационные технологии, мобильное и смешанное обучение;
3) профессиональная ориентация и повышение квалификации;
4) обеспечение прав на обучение всем категориям граждан;
5) активная адаптивная политика на рынке труда;
6) комплексная социальная защита и поддержка в кризисных условиях.

Развитие профессиональных навыков критически важно для обеспечения структурных преобразований и эффективного управления предприятиями в условиях посткризисного восстановления российской экономики, ориентированного на человека. Уже сегодня удовлетворение суще-

ствующих и возникающих потребностей в профессиональных навыках, а также повышение способности образовательных систем реагировать на них имеет решающее значение для решения глобальных социально-экономических проблем, для повышения качества и оперативности производственных процессов, а также для обеспечения адекватных возможностей обучения и повышения квалификации работников предприятий [5].

Необходимо более активно продвигать эффективные модели равного доступа к обучению, профориентации и информационно-разъяснительной работе. Механизмы финансирования и структуры стимулов должны быть пересмотрены, чтобы обеспечить комплексный подход, связывающий непрерывное обучение на протяжении всей жизни с социальной защитой и экономической политикой. Нефинансовые стимулы, техническая и административная поддержка должны быть широкодоступны, чтобы помочь предприятиям стратегически успешно использовать имеющиеся возможности. В то же время государственные и частные провайдеры обучения должны нести ответственность за эффективность своих образовательных программ за счет осуществления финансирования, ориентированного на результат.

Итак, укрепление систем социально-экономической защиты работников имеет решающее значение для достижения эффективного управления в условиях посткризисного восстановления российской экономики. Меры поддержки в этой области должны быть сосредоточены на следующих направлениях:

1. Создание систем комплексной и адекватной социально-экономической защиты, что требует использования импульса, созданного COVID-19, для перехода от краткосрочных чрезвычайных мер к устойчивым управленческим решениям.
2. Устранение дефицита финансирования, обеспечение устойчивого и справедливого финансирования мер социальной поддержки работников и предприятий. В посткризисных условиях важно:

2.1. Обеспечить участие отраслевых ведомств в решении вопросов финансирования и поддержки предприятий.

2.2. Использовать весь имеющийся потенциал для дальнейшего расширения схем социальной и финансовой защиты работников.

3. Подготовка к дальнейшим возможным кризисам, вызванным пандемией COVID-19, путем усиления существующих систем социально-экономической защиты в целях повышения их потенциала и устойчивости. Это крайне важно для быстрого и адекватного реагирования, адаптации перехода экономики в свете технологического прогресса и цифровых преобразований, в т. ч. путем усиления поддержки работников, потерявших работу, за счет возможности их легкой переквалификации и перехода на новую работу.

Сегодня в России есть возможность объединить усилия в борьбе с последствиями пандемии COVID-19 вокруг общей парадигмы, которая признает как ценность, так и безотлагательность инвестиций в системы социально-экономической защиты на уровне предприятий. Необходимость повышения эффективности управления предприятиями в условиях посткризисного восстановления российской экономики требует еще более тесного сотрудничества между министерствами и ведомствами, отвечающими за защиту работников и работодателей.

Кроме этого, крайне важно укреплять институты труда для обеспечения адекватной защиты всех работников путем соблюдения обязанностей по выплате заработной платы. Последствия кризиса пандемии COVID-19 для экономики, вероятно, продолжат оказывать сильное давление на уровень оплаты труда [6]. Но улучшение правовой защиты в области регулирования уровня заработной платы может снизить неравенство доходов в посткризисных условиях. Соответствующие корректировки заработной платы потребуются для сохранения рабочих мест и в то же время защиты доходов работников.

В заключение можно добавить, что еще одним немаловажным аспектом структурных преобразований и эффективного управления предприятиями в условиях восстановления российской экономики является обеспечение безопасности и гигиены труда на рабочем месте. Укрепление систем безопасности и гигиены труда может спасти миллионы жизней и повысить устойчивость предприятий в период выхода из кризиса пандемии COVID-19. Человеческие издержки ненадлежащей техники безопасности и гигиены труда огромны, а их экономические последствия беспрецедентны. Кризис COVID-19 подчеркнул кардинальную важность защиты здоровья и безопасности на рабочем месте. Все проекты развития предприятий должны стремиться к обеспечению надежного предотвращения очередного обострения ситуации с пандемией.

Таким образом, достижение согласованных многосторонних действий, ориентированных на работника, требует глобальных ответных мер и многостороннего сотрудничества для обеспечения скорейшего экономического восстановления российских предприятий после кризиса пандемии COVID-19.

Список литературы

1. Коренная К. А. Концептуальный базис стратегического и оперативного управления промышленными предприятиями в условиях нестабильности // Вестник ЮУрГУ. 2021. № 2. С.167–172.

2. Федорищева О. В., Цыганова И. Ю. Концептуальные основы экономического управления предприятием // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4 (93). С. 35–43.

3. Дмитриев Н. Д. Тенденции инновационного развития отечественных предприятий // Сборник тезисов докладов участников I Международной научно-практической конференции «Инновационные направления интеграции науки, образования и производства». Под общ. ред.Е. П. Масюткина. 2020. С. 322–324.

4. Сизова О. В., Махалкина Е. С. Повышение эффективности управления промышленным предприятием в условиях цифровизации российской экономики // Известия ВУЗов ЭФиУП. 2021. №1 (47). С. 140–151.

5. Трофимова Н. Н. Современные тенденции корпоративного риск-менеджмента в системе обеспечения экономической устойчивости промышленных предприятий // Управление. 2020. Т. 8. №2. С. 30–38.

6. Бурханов О. Ю., Потемкин В. К. Социально-экономические проблемы занятости работников предприятий в период общественных трансформаций // Телескоп. 2021. № 2. С. 45–56.

References

1. Korennaya K. A. Conceptual basis of strategic and operational management of industrial enterprises in conditions of instability // Bulletin of SUSU. 2021. No. 2. Pp. 167–172.

2. Fedorishcheva O. V., Tsyganova I. Yu. Conceptual foundations of economic enterprise management // Society: politics, economics, law. 2021. No. 4 (93). Pp. 35–43.

3. Dmitriev N. D. Tendencies of innovative development of domestic enterprises // Collection of abstracts of the participants of the I International scientific-practical conference "Innovative directions of integration of science, education and production."Under total. ed. E. P. Masyutkina. 2020. Pp. 322–324.

4. Sizova O. V., Makhalkina E. S. Improving the efficiency of industrial enterprise management in the context of digitalization of the Russian economy // Izvestiya VUZov EFiUP. 2021. No. 1 (47). Pp. 140–151.

5. Trofimova N. N. Modern trends in corporate risk management in the system of ensuring the economic sustainability of industrial enterprises // Management. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 30–38.

6. Burkhanov O. Yu., Potemkin V. K. Socio-economic problems of employment of employees of enterprises in the period of social transformations // Teleskop. 2021. No. 2. Pp. 45–56.

УДК/UDC 519.86

Нейросетевое моделирование в бюджетной системе промышленных предприятий регионального уровня

Хмелев Александр Геннадиевич
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической информатики
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: akhmelev@gmail.com

Хмелева Ангелина Владимировна
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры программного обеспечения информационных технологий
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: avkhmeleva@gmail.com
SPIN-код: 6715-1210

Аннотация

В статье рассмотрен подход к разработке бюджетов на современном промышленном предприятии с использованием искусственных нейронных сетей и нечетких моделей. Отмечается, что использование искусственных нейронных сетей для прогнозирования ключевых параметров производства является перспективным направлением в моделировании сложных экономических систем и имеет определенные преимущества по сравнению с классическими методами. Преимущество методов на основе искусственных нейронных сетей заключается в том, что обычно нет необходимости в математической спецификации модели. Это особенно ценно при прогнозировании в задачах, плохо обусловленных наблюдаемыми данными, к которым можно отнести и бюджетирование. В работе авторами предложена структура модели бюджетирования, произведена математическая формулировка задачи. Обосновано применение искусственных нейронных сетей для прогнозирования и нечеткой математики для расчетов и оценки системы бюджетов.

Ключевые слова: бюджет, бюджетирование, искусственные нейронные сети, математическая модель, менеджмент, нечеткая логика.

Neural network modeling in the budgetary system of industrial enterprises at the regional level

Khmelov Aleksandr Gennadiyevich
Doctor of Economics, assistant professor, professor of the Department of Economic Informatics
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: akhmelev@gmail.com

Khmelova Angelina Vladimirovna
Candidate of Technical Sciences, assistant professor, assistant professor of the Department of Information Technology Software
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: avkhmeleva@gmail.com
SPIN Code: 6715-1210

Abstract

The article discusses an approach to developing budgets in a modern industrial enterprise using artificial neural networks and fuzzy models. It is noted that the use of artificial neural networks to predict key production parameters is a promising direction in modeling complex economic systems and has certain advantages over classical methods. The advantage of methods based on artificial neural networks is that there is usually no need for mathematical specification of the model. This is especially valuable when forecasting in tasks that are poorly conditioned by observable data, which includes budgeting. In the work, the authors proposed the structure of the budgeting model, made a mathematical formulation of the problem. The use of artificial neural networks for forecasting and fuzzy mathematics for calculating and evaluating the budget system has been substantiated.

Key words: budget, budgeting, artificial neural networks, mathematical model, management, fuzzy logic.The text of the abstract.

Бюджетирование представляет собой мощный инструмент оперативного контроллинга, позволяющий оптимизировать распределение ресурсов, осуществлять контроль выполнения производственно-сбытовых функций организации. При составлении бюджетов специалисты предприятия сталкиваются с рядом проблем, вызванных неопределенностью: неоднозначность либо недостаточность информации о будущих объемах производства и сбыта, ценах на сырье и ресурсы и, соответственно, о будущих расходах; неопределенность будущих условий хозяйствования - о составе и величине налогов, состоянии конкурентной среды, условиях предоставления банковских кредитов и т. д. [1]. При составлении бюджетов специалисты решают комплекс взаимосвязанных задач, связанных с прогнозированием, расчетами и анализом.

В настоящее время исследователи стали разделять неопределенность на два вида: вероятность и нечеткость [2]. Первый вид отражает случайный характер событий и учитывается в эконометрических, игровых и имитационных моделях. Второй вид неопределенности позволяет учитывать возможность получения того или иного показателя.

Использование искусственных нейронных сетей (далее по тексту - ИНС) для прогнозирования ключевых параметров производства является перспективным направлением в моделировании сложных экономических систем и имеет определенные преимущества по сравнению с классическими методами. Подробно рассмотрим причины повышенного интереса исследователей в настоящее время к широкому применению ИНС.

Эффективность ИНС высока при решении неформализованных или плохо формализованных экономических задач. Из всего спектра положительных свойств методов на основе ИНС особо стоит отметить самое привлекательное - как правило, нет необходимости в математической спецификации модели, это в особенности ценно при прогнозировании в задачах, плохо обусловленных наблюдаемыми данными, к которым можно отнести и бюджетирование. В то же время известно, что большинство

финансовых задач, задач бизнеса и других подобных плохо формализуется именно в силу неполной управляемости и наблюдаемости.

Производительность ИНС проявляется при обработке больших объемов противоречивой информации, т. е. ИНС будут предпочтительнее в тех сферах, где существует большое количество анализируемых данных и в которых существуют скрытые закономерности. В таком случае автоматически учитываются также всевозможные нелинейные взаимодействия между влияющими наблюдаемыми величинами. Это весьма важно, в частности для предварительного анализа или отбора исходных данных, выявления «выпадающих фактов» или грубых ошибок при принятии решений.

ИНС относительно устойчивы к периодическим изменениям среды, т. е. преимущества ИНС становятся заметными, если изменяются «правила игры»: модифицируется гиперпространство, в котором существует прогнозируемая величина, а также изменяется характер возмущающих факторов. Поэтому ИНС, как правило, подходят для решений таких задач, как прогнозирование показателей сложных экономических систем, которые характеризуются влиянием целого набора постоянно изменяющихся факторов.

Наконец, ИНС результативны в условиях функционирования с неполной или «зашумленной» информацией, а также в тех задачах, для которых характерны интуитивные решения.

Постановка задачи прогнозирования на прикладном уровне бюджетирования промышленных предприятий в общем случае может быть представлена как оценка ожидаемых значений упорядоченных во времени данных на основе нейросетевого анализа уже существующих значениях, а также (при необходимости) тенденции изменения влияющих факторов. Прогнозируемой величиной являются значения временного ряда на интервале $[T(n+1), T(n+f)]$, где T(n) - текущий момент времени, а f - интервал прогнозирования. Иногда возникает необходимость не в прогнозе значений временного ряда на заданном интервале, а в прогнозе вероятности того, что они будут вести себя тем или иным об-

разом (возрастать, убывать, находиться в некоторых пределах и т. д.). Хорошо проработанный математический аппарат [3] синтеза структуры ИНС, разработанные алгоритмы обучения классических и сверточных нейросетей, наличие богатого выбора инструментальных средств должны, казалось бы, перевести задачу прогнозирования из разряда научных в разряд чисто прикладных. Однако этого не происходит; точность ИНС часто оказывается весьма низкой, и это небеспричинно. На рис. 1 представлена одна из возможных классических схем для обучения ИНС в задачах прогнозирования.

В различных вариациях данная схема используется во многих исследованиях. Следует отметить, что главным недостатком подобного подхода к моделированию является тот факт, что исследуемый временной ряд является одновременно и целью прогнозирования, и единственным источником информации. Подобный подход декларируется как работоспособный во многих отечественных и зарубежных исследованиях, однако на практике далеко не всегда может позволить получить требуемую точность прогнозирования. Основной причиной этого явления является умозрительный выбор наипростейшего из возможных входного обучающего массива без требуемого в подобных случаях анализа.

Действительно, на динамику прогнозируемой величины влияет значительное количество различных как микроэкономических, так и макроэкономических факторов. Любая адекватная объекту модель по идее должна обязательно включать в себя в том или ином виде эти факторы, и ИНС не являются исключением.

Схема нейросетевого прогнозирования одиночной ИНС

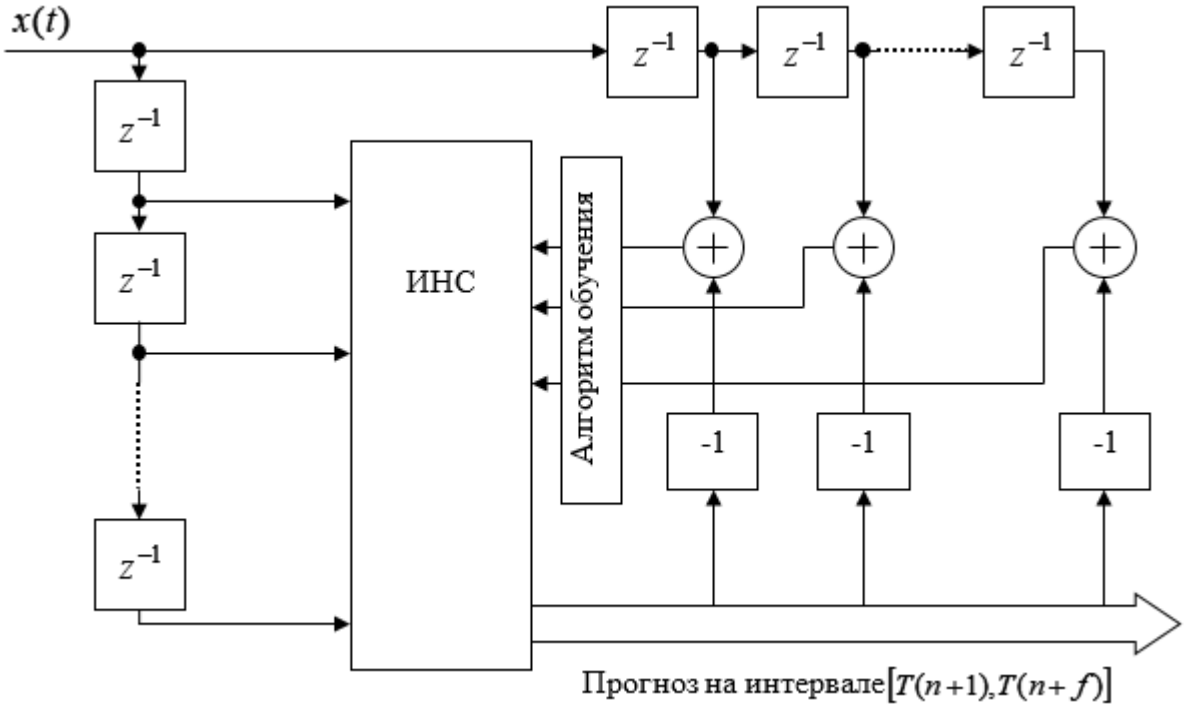

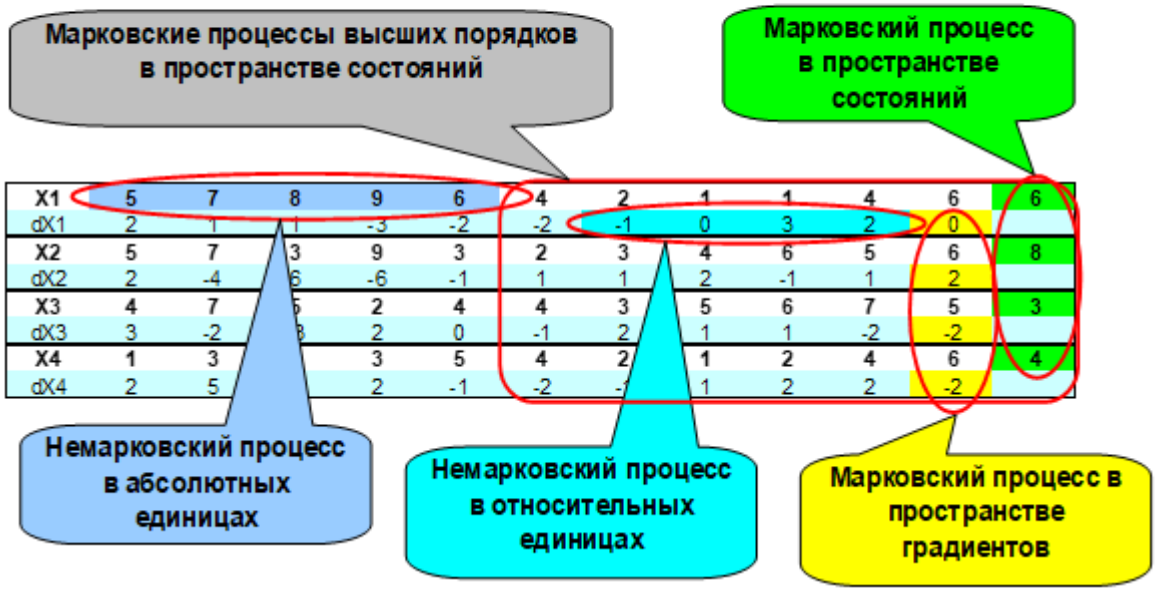
Рисунок 1

Только наличие статистически значимого объема данных, включающее максимально возможно число влияющих на прогнозируемую величину факторов во входном и выходном массиве, позволяет выполнить корректное обучение ИНС, моделирующей поведение исследуемого объекта. В зависимости от характера данных в информационных каналах возможны различные способы формирования обучающих выборок (множеств).

На рис. 2 показаны различные способы формирования одиночного входного вектора для обучающего множества (если прогнозируемая величина не скаляр, то выходной вектор выбирается по аналогичным принципам).

Способы формирования обучающих выборок для входной матрицы X

$$X = \begin{bmatrix} x_1 & x_2 & x_3 & \dots & x_n \end{bmatrix}^T$$ вектор наблюдаемых величин

X1	5	7	8	9	6	4	2	1	1	4	6	6
dX1	2	1	1	-3	-2	-2	-1	0	3	2	0	
X2	5	7	3	9	3	2	3	4	6	5	6	8
dX2	2	-4	6	-6	-1	1	1	2	-1	1	2	
X3	4	7	5	2	4	4	3	5	6	7	5	3
dX3	3	-2	3	2	0	-1	2	1	1	-2	-2	
X4	1	3		3	5	4	2	1	2	4	6	4
dX4	2	5		2	-1	-2	-1	1	2	2	-2	

Рисунок 2

Выбор среза данных целесообразно выполнить после следующих видов предварительного экспертного анализа:

1) является ли исследуемый процесс марковским, т. е. в какой степени эволюция процесса после любого заданного значения временного параметра t независима от эволюции, предшествовавшей t, при условии, что значение процесса в этот момент фиксировано;
2) какие изменения объекта являются наиболее существенными для определения конечной цели моделирования - абсолютные или относительные;
3) относятся ли отдельные временные ряды к одному исследуемому (суб)объекту или к различным;
4) какова размерность предполагаемого пространства состояний исследуемого объекта.

Верный выбор среза данных является одним из наиболее значимых факторов построения адекватной нейросетевой модели, по этой причине игнорирование перечисленных видов анализа вполне способно привести к негативному результату при проверке полученных нейросетевых моделей на адекватность.

После выбора представления входных и выходных данных следует один из наиболее важных этапов подготовки обучающего множества - предобработка данных. В фундаментальной работе С. Хайкина [4] отмечается, что даже при корректном источнике данных для отражения генеральной совокупности прогнозируемой величины игнорирование данного этапа в 80% случаев приводит к негативным или серьезно ухудшенным результатам нейросетевого моделирования.

Наиболее важными методами предобработки являются:

1) кодирование входов-выходов: ИНС могут работать только с числами, поэтому кодирование может быть как количественным (для преобразования лингвистических значений в числовые в этом случае используют нечеткую логику), так и качественным (в таком случае каждой кодируемой лингвистической категории соответствует бинаризованный вход или выход сети);
2) нормализация данных: результаты нейроанализа не должны зависеть от выбора единиц измерения, кроме того, диапазон возможных значений на входах и выходах ИНС зависит от типов используемых нейронов, что делает этот шаг обязательным (в некоторых работах данный метод предобработки данных иногда представлен в виде дополнительного слоя линейных нейронов с управляемым смещением их индуцированного локального поля на входе и/или выходе ИНС, что приводит к громоздким схемам получаемых ИНС, но не меняет математической сущности процесса нормализации);
3) модификация плотности обучающих данных во времени: обычно состояние объекта в текущее или последнее время важнее более давних данных, поэтому в динамических процессах ча-

сто имеет смысл уплотнение исторических данных ближе к моменту перехода ИНС в экстраполирующий режим (или режим прогнозирования);

4) предобработка данных: удаление регулярностей - излишне частых повторений из данных облегчает ИНС выявление нетривиальных закономерностей, впрочем, данная мера может быть как предварительной, так и применяемой непосредственно при обучении - так называемый пропуск обратного хода при малых значениях ошибки;
5) восстановление пропущенных значений: для решения этой задачи обычно используются классические методы интерполяции и регрессии.

Перечисленных мер достаточно, чтобы (как минимум) улучшить точность прогнозирования. Как нами было показано в другой работе [3], использование ИНС при соблюдении описанных выше требований является законченным математическим решением для оптимизации системы бюджетов крупных промышленных предприятий.

Однако еще одной существенной проблемой может оказаться тот факт, что во входном или выходном массиве не вся информация представлена в детерминированном числовом виде. В таких случаях совместно с ИНС целесообразно использовать аппарат нечеткой математики.

Предлагается структура модели для составления и анализа системы бюджетов предприятия, представленная на рис. 3.

Структура модели бюджетирования

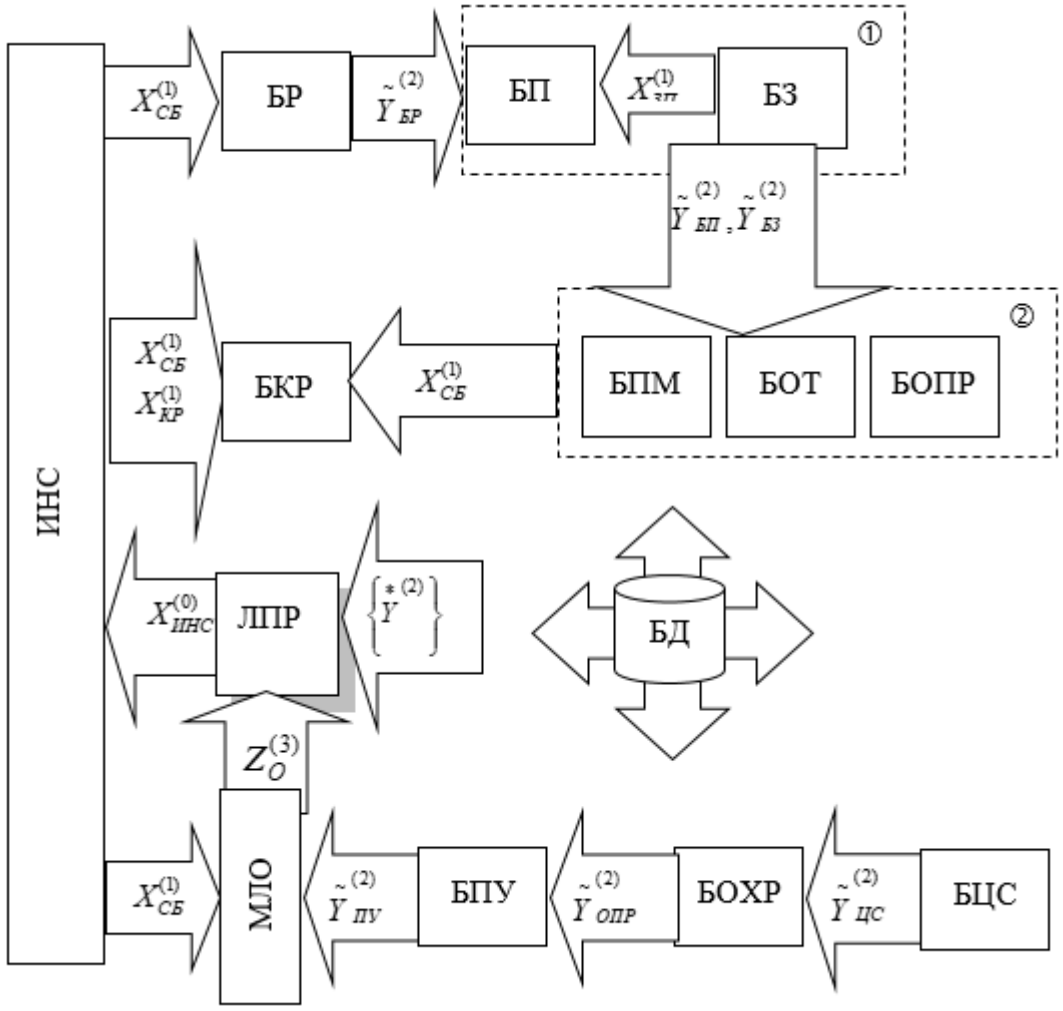

Рисунок 3

Здесь приняты следующие обозначения: ЛПР - лицо, принимающее решения; БД - база данных; ИНС - искусственная нейронная сеть; БКР - модуль составления бюджета реализации; БП - модуль составления бюджета производства продукции; БЗ - модуль составления бюджета переходящих запасов; БПМ - модуль составления бюджета потребности в материалах; БОТ - модуль составления бюджета прямых затрат на оплату труда; БОПР - модуль составления бюджета общепроизводственных расходов; БЦС - модуль составления бюджета цеховой себестоимости; БОХР - модуль составления бюджета общехозяйственных расходов; БПУ - модуль составления бюджета прибылей и убытков; МЛО - модуль

лингвистических оценок; 1 - модуль составления бюджета производства; 2 - модуль составления бюджета затрат на производство.

ЛПР, используя данные из БД, выбирает данные для составления системы бюджетов $X_{INS}^{(0)}$, которые подаются на входы ИНС. В ряде случаев функции ЛПР могут быть переданы информационной системе управления. В качестве исходных данных целесообразно использовать: спрос на продукцию (по видам), производственную мощность предприятия, собственные цены и цены конкурентов, объем рынка, который занимает предприятие, налоги и отчисления.

Спрос на продукцию, цены конкурентов, объем рынка - статистические данные. Мощность предприятия и собственные цены - точные данные. Активность конкурентов, налоги - экспертные оценки. ИНС осуществляет преобразования множества исходных данных $X_{INS}^{(0)}$ во множество оценок $X^{(0)}$, состоящее из подмножества оценок сбыта продукции $X_{SB}^{(1)}$ и коммерческих расходов $X_{KR}^{(1)}$:

$$Net : X_{INS}^{(0)} \to X^{(1)}, X_{SB}^{(1)} \subset X^{(1)}, X_{KR}^{(1)} \subset X^{(1)}. \quad (1)$$

Полученные оценки используются для составления всех бюджетов. Первым на основании $X_{SB}^{(1)}$ составляется бюджет реализации. При этом числовые оценки из $X_{SB}^{(1)}$ преобразуются в нечеткие треугольные числа вида $\tilde{X} = (x_L; x_M; x_H)$, функция принадлежности которого приведена на рис. 4.

Параметры нечеткого треугольного числа

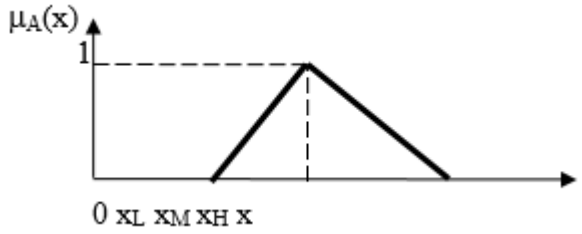

Рисунок 4

При $x_L < x_M < x_H$ такое нечеткое число можно трактовать как «приблизительно равно x_M», при $x_L = x_M < x_H$ нечеткое число трактуется как «более чем x_M», при $x_L < x_M = x_H$ - «менее чем x_M».

Для построения бюджета производства продукции и рационального распределения средств бюджета между структурными подразделениями (цехами) выделим основные влияющие факторы [1]:

1) материальные расходы цеха на производство единицы конкретной марки продукции;
2) расходы времени цеха на производство единицы конкретной марки продукции;
3) ограничение общего времени функционирования конкретного цеха с учетом плановых простоев, ремонтов и реконструкции;
4) учет запасов продукции на начало периода и планируемых запасов на конец периода;
5) учет бюджетного ограничения расхода сырья.

Общее количество продукции для производства цехами определяем на основании соответствующей оценки из :

$$\tilde{Z}p_m = \sum \tilde{P}z_m, m = 1, ..., k, \quad (2)$$

где

$\tilde{Z}p_m$ - количество продукции в заявке на производство продукции марки m;

$\tilde{P}z_m$ - прогноз заявок на объем выпуска продукции марки m, полученный от ИНС;

k - количество марок продукции.

Плановое количество продукции к производству определяем по формуле:

$$\tilde{V}p_m = \tilde{Z}p_m - \tilde{O}pn_m + \tilde{O}pk_m, \quad (3)$$

Где

$\tilde{V}p_m$ - выпуск продукции марки m;

$\tilde{O}pn_m$ - остатки продукции марки m на начало планового периода;

$\tilde{O}pk_m$ - планируемый запас продукции марки m на конец планового периода.

Общее время работы оборудования в планируемом периоде определяем, исходя из количества рабочих дней в месяце с учетом простоев на плановый ремонт по формуле:

$$\tilde{T}pn_n = \tilde{T}o - \tilde{P}n_n, \ (4)$$

где

$\tilde{T}pn_n$ - время работы производственного цеха n в планируемом периоде;

$\tilde{T}o$ - общее время работы оборудования в планируемом периоде;

$\tilde{P}n_n$ - общее время простоев оборудования за счет ремонтов в планируемом периоде.

Поскольку фактический расход сырья на одну и ту же марку продукции из-за физического износа оборудования и изменения качества сырья постоянно меняется, его также целесообразно представить нечетким треугольным числом. Учтем это ограничение следующим образом:

$$\sum_{n=1}^{r} \sum_{m=1}^{k} \tilde{Z}s_{nm} \cdot \tilde{C}s \cdot \tilde{V}p_{nm} \leq \tilde{Z}, \ (5)$$

где

$\tilde{C}s$ - цена единицы расхода сырья;

$\tilde{Z}s_{nm}$ - прогнозируемый расход сырья цехом n на производство продукции m.

Плановый выпуск должен быть больше или равен $\sum_{t=1}^{m} \tilde{Z}p_m$. Учитывая остатки продукции на начало планового периода и планируемый запас продукции на конец планового периода, получим:

$$\tilde{Z}p_m - \tilde{O}pn_m + \tilde{O}pk_m \leq \sum_{n=1}^{r} \tilde{V}p_{nm}, m = 1, ..., k. \ (6)$$

Учитывая план простоев оборудования и план ремонтов, задаем количество времени на производство за плановый период в виде ограничения:

$$\frac{\tilde{V}p_{nm}}{\tilde{V}m_{nm}} \leq \tilde{T}o - \tilde{P}n_n, m = 1, 2, ..., k, n = 1, 2, ..., r, \ (7)$$

где

$\tilde{V}m_{nm}$ - плановая мощность (тонн в час, единиц в час) цеха n, производящего продукцию марки m;

$\tilde{T}o$ - общее количество времени производства на плановый период;

$\tilde{P}n_n$ - план простоев цеха n.

При составлении бюджетов целесообразно минимизировать затраты на покупку сырья для производства, тем самым рационализируя распределение производственных мощностей в бюджете производства:

$$\tilde{C}s \sum_{n=1}^{r} \sum_{m=1}^{k} \tilde{Z}s_{nm} \cdot \tilde{V}p_{nm} \to min \ , \ (8)$$

где

$\tilde{C}s$ - закупочная стоимость сырья на данный период.

Таким образом, математическая формулировка задания составления бюджетов состоит в расчете по формулам (2) – (7) с учетом ограничения (8). Расчеты с нечеткими треугольными числами производятся по формуле:

$$\mu_{AopB}(y) = v_{y=x1opx2}[\mu_A(x1), \mu_B(x2)], \forall x1, x2 \in R, \ (9)$$

где

A,B - нечеткие треугольные числа;

op - операция (+, -, / или ·);

$\mu_A(x1), \mu_B(x2)$ - функции принадлежности A,B.

На завершающем этапе производится дефаззификация, в результате которой получено множество бюджетов. Модуль лингвистической оценки производит расчет отклонений величины выручки из $X_{SB}^{(1)}$ и $\tilde{Y}_{PU}^{(2)}$ и преобразование их в лингвистическую форму [5]. Бюджеты и лингвистические оценки $Z_{KR}^{(3)}$ поступают к ЛПР, которое принимает решение о завершении процесса разработки бюджетов или же вносит коррекции и повторяет процесс бюджетирования.

Список литературы

1. Ананькина Е. А., Данилочкин С. В., Данилочкина Н. Г. и др. Контроллинг как инструмент управления предприятием / Под ред. Н. Г. Данилочкиной. М.: ЮНИТИ, 2002. 279 с.

2. Левицкий С. И., Лысенко Ю. Г., Филиппов А. В. и др. Модели управления проектами в нестабильной экономической среде: монография, изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. Ю. Г. Лысенко. Донецк: Юго-Восток, 2009. 354 с.

3. Хмелев А. Г., Лютянская Л. А. Нейросетевые модели идентификации и оптимизации системы бюджетирования крупных промышленных предприятий. // Научный информационный журнал «Бизнес информ». 2010. № 4(2) С. 103–106.

4. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. М.: Вильямс, 2006. 1104 с.

5. Птускин А. С. Нечеткие модели и методы в менеджменте: учебное пособие. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. 216 с.

References

1. Anankina E. A., Danilochkin S. V., Danilochkina N. G. and others. Controlling as a tool for enterprise management / Ed. N. G. Danilochkina. Moscow: YUNITI, 2002. 279 p.

2. Levitsky S. I., Lysenko Yu. G., Filippov A. V. and others. Models of project management in an unstable economic environment: monograph, ed. 2nd, rev. and add. / Ed. Yu G. Lysenko. Donetsk: Yugo-Vostok, 2009. 354 p.

3. Khmelev A. G., Lyutyanskaya L. A. Neural network models for identification and optimization of the budgeting system of large industrial enterprises. // Scientific information journal "Business Inform". 2010. No. 4 (2). Pp. 103–106.

4. Haykin S. Neural networks: a complete course. M.: Williams, 2006. 1104 p.

5. Ptuskin A. S. Fuzzy models and methods in management: a tutorial. M.: Publishing house of MSTU named after N. E. Bauman, 2008. 216 p.

УДК/UDC 614.254

Роль и место менеджмента в ведомственной медицинской организации

Хорунженко Татьяна Анатольевна
главная медицинская сестра
Филиал № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России
г. Красногорск, Россия
e-mail: t.horunzhenko@mail.ru

Аннотация

Менеджмент - это система управления предприятием (учреждением, организацией), ориентированная на удовлетворение общественных потребностей посредством производства товаров и услуг в условиях рыночного хозяйствования. Менеджмент подразумевает эффективное использование и координацию таких ресурсов, как капитал, здания, материалы и труд для достижения заданных целей с максимальной эффективностью. Цель менеджмента в здравоохранении - снижение потерь общества от заболеваемости, инвалидности и смертности населения при имеющихся ресурсах. В статье рассмотрено организационное управление ведомственной медицинской организацией как вид внутрикорпоративного управления, целью которого является обеспечение соответствия структуры организации и ее работы характеру производства, составу и видам выпускаемой продукции и услуг, технологии производства, его масштабу и типу, уровню технологической оснащенности. Несмотря на существенную специфику производственной деятельности ведомственных госпиталей, а также особый характер ее продуктов, управление ведомственными госпиталями в целом подчиняется общим закономерностям, описанным в теории управления.

Ключевые слова: менеджмент, организационное управление, методы управления, принятие управленческих решений, маркетинг, здравоохранение, госпиталь.

The role and place of management in a departmental medical organization

Khorunzhenko Tatyana Anatolyevna
Chief Nurse
Branch No. 1 of the Federal State Budgetary Institution «3 Vishnevsky Central Clinical Hospital» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Krasnogorsk, Russia
e-mail: t.horunzhenko@mail.ru

Abstract

Management is an enterprise (institution, organization) management system focused on meeting social needs through the production of goods and services in a market economy. Management involves the efficient use and coordination of resources such as capital, buildings, materials and labor to achieve specified goals with maximum efficiency. The goal of management in health care is to reduce losses to society from morbidity, disability and mortality of the population with the available resources. The article examines the organizational management of a departmental medical organization as a type of internal corporate management, the purpose of which is to ensure that the structure of the organization and its work correspond to the nature of production, the composition and types of products and services, production technology, its scale and type, and the level of technological equipment. Despite the significant specifics of the production activities of departmental hospitals, as well as the special nature of its products, the management of departmental hospitals as a whole obeys the general laws described in the theory of management.

Key words: management, organizational management, management methods, management decision making, marketing, healthcare, hospital.

В условиях трансформационного этапа становления отечественной экономики развитие здравоохранения как экономической системы происходит в закономерном соответствии с экономическими и социальными процессами, отражающими общие тенденции формирования рыночных отношений в России. Возникшее несоответствие между реальными потребностями системы здравоохранения и уровнем ее финансирования с

объективной необходимостью требует поиска путей преодоления сложившегося противоречия и разработки модели управления системой здравоохранения с целью обеспечения равновесия между ее медицинской и экономической составляющими [1].

Известны многие модели управления организационными изменениями: Курта Левина, модель ADKAR, модель EASIER и др., большинство из которых опробованы на предприятиях различного уровня. Внушителен только список инструментов преобразования, обеспечивающий качественный переход из текущего состояния организации к будущему. Это, например, такие методы управления, как SixSigma, BPR (Business Process Reengineering), BPM (Business Process Management), сбалансированная система показателей BSC (Balanced Score Card), универсальная система показателей деятельности TPS (Total Performance Scorecard) и др. За обеспечение необходимой эффективности (сроков формирования, обоснованности, стоимости и др.) принятия управленческих решений отвечают системы поддержки принятия решений (Decision Support Systems - DSS), которые сейчас еще называют BI-системы (Business Intelligence) [2; 3]. Среди всего этого разнообразия необходимо выбрать и использовать систему, подходящую для конкретной медицинской организации.

Цель данной работы состоит в исследовании особенностей принятия управленческих решений в системе здравоохранения с учетом специфики современной военно-медицинской организации.

Организационное управление - вид внутрикорпоративного управления, целью которого является обеспечение соответствия структуры организации и ее работы характеру производства, составу и видам выпускаемой продукции и услуг, технологии производства, его масштабу и типу, уровню технологической оснащенности. Организационное управление - вид управленческой деятельности, организованный особым образом. Под этим следует понимать то, что организационное управление осуществляется посредством специализированных форм управленческого труда: проведения совещаний, индивидуального взаимодействия с сотрудниками, а также посредством нормативно-распорядительной документации

(приказов, распоряжений, должностных инструкций, положений о деятельности, планов работы и т. п.) [3; 4; 5].

Организационное управление наиболее широко представлено на тактическом уровне управления организацией. На этом уровне каждый заместитель руководителя военно-медицинской организации планирует работы по своему направлению деятельности, организует, контролирует и анализирует их выполнение на основе информации, представляемой руководителями подчиненных подразделений, принимает решения по совершенствованию своего вида деятельности.

Задачей организационного управления в военно-медицинской организации является регламентированное функционирование производственной системы в целях качественной и безопасной реализации технологий производства перечня медицинских услуг, соответствующих потребностям входящего потока пациентов. Это управление представляет собой деятельность главного врача по переводу процесса из текущего состояния в целевое. Оно осуществляется в целях приведения производственной системы военно-медицинской организации в соответствие возникающим потребностям и требованиям. Итогом осуществления организационного управления является регламентированное функционирование производственной системы в целях качественной и безопасной реализации технологий производства перечня медицинских услуг и работ, соответствующих потребностям входящего потока пациентов.

Основную часть процесса производства медицинских услуг в медицинской организационной практике принято называть «лечебно-диагностическим процессом». При этом он может использоваться как для обозначения всего совокупного производственного процесса, так и процесса оказания медицинской помощи конкретному больному. Поэтому, используя в дальнейшем этот термин, мы будем иметь в виду его значение в широком смысле, а именно взаимодействие персонала в интересах предоставления всего объема и ассортимента услуг, потребляемых как в общем, так и индивидуальном порядке и необходимых для удовлетворения потребностей всех пациентов из входящего потока. Это прежде

всего общегоспитальные услуги, доступные каждому больному, которые производятся в интересах всех пациентов, например:

1) госпитализация (прием, сортировка и маршрутизация);
2) обеспечение диагностическими и консультативными услугами;
3) размещение в специализированных отделениях и круглосуточное медицинское наблюдение;
4) возможность проведения (при необходимости) интенсивной терапии, оперативных вмешательств и их обезболивания;
5) создание противоэпидемического и лечебно-охранительного режима и многие другие.

Эти общегоспитальные услуги обладают свойствами общественных благ - они неделимы, неизбирательны и могут потребляться совместно всеми или любыми нуждающимися в них пациентами в период нахождения в стационаре.

Вместе с тем лечебно-диагностический процесс является совокупным процессом, содержащим помимо процессов создания общегоспитальных услуг многочисленные частные процессы оказания медицинской помощи, часто именуемые в организационной медицинской практике как «ведение пациентов».

Каждый из процессов «ведения пациентов» является процессом предоставления индивидуальных медицинских услуг, необходимых конкретному пациенту, посредством совместного согласованного труда медицинских работников в тесном взаимодействии с пациентом.

Таким образом, лечебно-диагностический процесс в военно-медицинской организации (см. рис. 1) является процессом, на входе которого - поток пациентов, нуждающихся в оказании медицинских услуг, и ресурсы, необходимые для их производства, а на выходе - пациенты, получившие услуги для удовлетворения своих потребностей, а также информационные продукты, отвечающие потребностям, ожиданиям и требованиям других заинтересованных сторон и, собственно, медицинской организации. В частности, продуктами лечебно-диагностического процесса, имеющими ценность для оценки выполнения миссии медицинской

организации и восстановления ее ресурсов, являются показатели выполнения параметров государственного задания и условий договоров оказания услуг, являющиеся основанием для получения субсидий и выставления счетов на оплату выполненных работ (рис. 1).

Схема лечебно-диагностического процесса в военно-медицинской организации

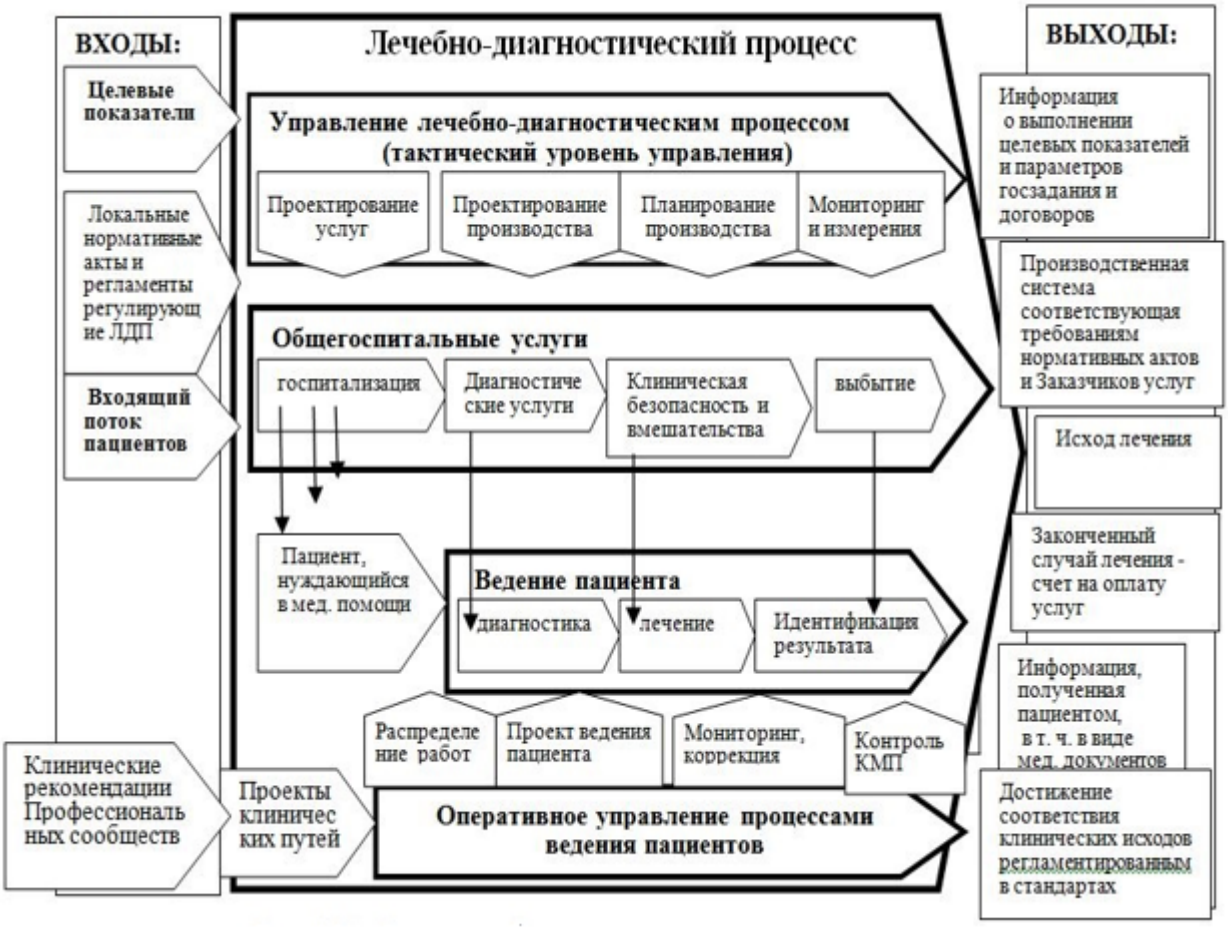

Рисунок 1

Необходимо отметить, что деятельность по управлению является неотъемлемым элементом каждого бизнес-процесса. Поэтому содержанием лечебно-диагностического процесса является как деятельность по предоставлению общегоспитальных и индивидуальных (частных) медицинских услуг, так и управленческая деятельность, осуществляемая на уровне процесса.

Управленческая деятельность, входящая в состав лечебно-диагностического процесса, представлена управлением на двух уровнях: управление совокупным процессом производства медицинских услуг (соответствует тактическому уровню управления в медицинской организации) и управление частными процессами производства (соответствует оперативному уровню управления в медицинской организации).

Задачей тактического управления процессом является регламентированное функционирование ее производственной системы в целях качественной и безопасной реализации технологий производства перечня медицинских услуг, соответствующих потребностям входящего потока пациентов. Это управление представляет собой деятельность главного врача (начальника госпиталя) по переводу процесса из текущего состояния в целевое. Оно осуществляется в целях приведения производственной системы медицинской организации в соответствие возникающим потребностям и требованиям. На этом уровне осуществляется проектирование, планирование и организация производственной системы.

Для проектирования услуг используется информация о предстоящем «входящем потоке» пациентов (их потребностях в видах услуг) и возможностях организации. Кроме того, учитываются возможности организации, ограничиваемые лицензированными услугами и работами, наличием кадровых и материальных ресурсов.

Исходными данными являются предоставляемые высшим руководством организации сведения об объемах государственного задания и нормативных затратах на его выполнение, установленных критериях качества; о планируемых объемах и видах медицинских услуг и условиях тарифного соглашения территориальной системы ОМС; об объемах заключенных договоров и маркетинговых исследованиях о возможных востребованных объемах услуг, оказываемых на коммерческой основе. Кроме того, учитываются возможности организации, ограничиваемые лицензированными услугами и работами, наличием кадровых и материальных ресурсов.

Таким образом, проектирование услуг осуществляется на основе определения потребностей рынка, включающего изучение параметров государственного задания, выделенных объемов оказания медицинских услуг в системе ОМС и маркетингового изучения спроса на услуги в секторе ДМС и платных услуг. Проектирование услуг представляет собой определение перечней планируемых к производству видов медицинской помощи и медицинских услуг с учетом требований к их объему, качеству, технологиям выполнения, а также безопасности, стоимости, условиям предоставления и иным медико-экономическим характеристикам. Результатом проектирования услуг является приведение их объема и перечня в соответствие прогнозируемым потребностям и возможностям организации по их производству.

При проектировании процесса производства определяются параметры функционирования производственных мощностей: определяются объемы, темпы и технологии производства, осуществляется распределение потоков работ, устанавливаются конкретные показатели объемов, эффективности и качества, которых необходимо достигнуть. Определяются также объем и структура закупок материалов для оказания соответствующих услуг, сроки их поставок.

При этом в основу проектирования процессов целесообразно положить метод структурного анализа с использованием методики функционального моделирования. Данный метод предусматривает графическое построение модели процесса с выделением потока работ (подпроцессов, формирующих процесс) и созданием матричной структуры их взаимодействия.

Результатом проектирования процесса производства является определение параметров конвейера по производству услуг, необходимых для удовлетворения прогнозируемых потребностей.

Планирование производственного процесса осуществляется на основании установленных требований к процессу, запланированных результатов (целевых показателей), а его организация подразумевает создание регламента функционирования подразделений, графиков поста-

вок в них лекарственных средств, расходных материалов, медицинских газов, донорской крови и ее компонентов, лечебного питания. В результате планирования и организации процесса создаются целевые индикаторы и устанавливается общий алгоритм регламентированного функционирования и взаимодействия персонала всех подразделений, участвующих в производстве медицинских услуг.

С целью организации лечебно-диагностического процесса его владельцем - заместителем руководителя медицинской организации по медицинской части (лечебной работе) - разрабатываются алгоритмы, стандартизирующие деятельность подразделений и исполнителей услуг. Они закрепляются в системе локальных нормативных актов (приказах, положениях, регламентах, стандартных операционных процедурах, инструкциях и пр.).

Основным документом является приказ об организации лечебно-диагностического процесса, устанавливающий общий алгоритм регламентированного функционирования и взаимодействия персонала всех подразделений, осуществляемого на уровне его квалификации и ресурсов организации в целях эффективной и качественной реализации технологий производства перечня медицинских услуг и работ, соответствующих потребностям входящего потока пациентов. В этом документе определяется:

1) перечень видов и объемы производства медицинской помощи или отдельных услуг для каждого подразделения с учетом параметров госзадания и иных договорных обязательств медицинской организации;
2) режим функционирования подразделений, в т. ч. обеспечивается непрерывность посменного производства услуг персоналом, потребность в оказании которых существует круглосуточно, и возможность привлечения для этих целей (при необходимости) дополнительных сил в нерабочее время;
3) порядок приема, сортировки и маршрутизации пациентов из входящего потока;

4) очередность, объем и последовательность проведения им диагностических, лечебных и консультативных услуг;
5) мероприятия по обеспечению круглосуточного медицинского наблюдения, оказания ургентной помощи и интенсивной терапии;
6) мероприятия по обеспечению безопасности используемых технологий.
7) порядок передачи клинической ответственности за пациента, внутригоспитальных переводов и трансферов пациентов в другие медицинские организации, их выписки из стационара.
8) порядок учета и отчетности о проведенных услугах и работах.

Приложением к приказу является Положение об организации лечебно-диагностического процесса. В этом документе детально описаны этапы процесса, приведены их блок-схемы, определена ответственность персонала за каждый этап и технологическую операцию и установлены необходимые записи о них. Для каждого вида записей (от медицинской карты до журналов учета процедур) разработаны необходимые формы их фиксации, позволяющие четко структурировать состав данных, что, в свою очередь, облегчает их контроль и анализ.

В целях обеспечения клинического аспекта безопасности пациентов разрабатываются локальные нормативные акты, определяющие порядок действий персонала по обеспечению безопасности применяемых технологий и госпитальной среды.

Помимо общего алгоритма деятельности, владельцем процесса (главный врач) совместно с другими участниками процесса разрабатываются (проектируются) частные алгоритмы лечебно-диагностического процесса - регламентируются действия в отношении процессов оказания медицинской помощи для определенных моделей пациентов. Это госпитальные стандарты, которые могут быть в виде клинических путей, технологических карт, планов или протоколов ведения больных и т. п.

Для всех процессов определяются контрольные пределы допустимых значений клинической результативности и качества (эталонные зна-

чения индикаторов качества к каждому из процессов), к которым адаптируется вся последовательность процесса.

В ходе планирования качества услуг доводятся конкретные показатели подразделений, которых необходимо достигнуть в области качества и безопасности, установленные в соответствии с политикой и целями в области качества деятельности медицинской организации.

Результатом планирования и организации лечебно-диагностического процесса является создание регламентированной модели конвейера по производству услуг определенного объема, ассортимента и качества.

К уровню организационного управления можно также отнести такие функции, как учет, контроль (выявление отклонений и несоответствий), координация действий и анализ деятельности уже функционирующих структур (пересмотр и корректировка планов).

Порядок учета закрепляется в правилах ведения истории болезни (стандарте оформления карты стационарного больного), правилах ведения других учетных форм. Устанавливаются учетные формы контроля качества медицинской помощи, а также иных процессов медицинской деятельности, процедур и операций (например, контрольный перечень предоперационных исследований, протоколы периоперационной антибиотикопрофилактики, контрольный лист действий операционной бригады, чек-листы эпидемиологического наблюдения за исходами инфекций в области операционной раны и пр.).

Координация действий заключается в регламентации взаимодействия персонала посредством установления рабочих взаимоотношений, порядка разрешения конфликтов между сферами компетенций.

Итогом осуществления всех этапов организационного управления является регламентированное функционирование производственной системы в целях качественной и безопасной реализации технологий производства перечня медицинских услуг и работ, соответствующих потребностям входящего потока пациентов.

Таким образом, военный госпиталь представляет собой особую систему, характеризующуюся технологическим, организационным един-

ством и социально-экономическими связями, состоящую из функциональных и организационных подсистем, которая создается или существует для достижения миссии и общей цели.

Военным госпиталям свойственна двойственная природа, накладывающая существенную специфику на условия и особенности деятельности. Вектор развития военных госпиталей может существенно меняться в зависимости от потребностей государства и общества в целом на различных этапах в конкретном временном и ситуационном контексте.

Список литературы

1. Сунгатов Р. Ш. Методология моделирования управленческих инноваций в системе здравоохранения: дисс. . . . докт. эконом. наук. Казань, 2010. 169 с.

2. Бурый А. С., Стреха А. А. Когнитивный подход к управлению организационными изменениями предприятий // Транспортное дело России. 2015. № 4. С. 3–6.

3. Есипов А. В., Алехнович А. В., Мешков А. В., Абушинов В. В. Технологии оптимизации управления многопрофильным стационаром. М., 2019. 244 с.

4. Ильясова А. Р. Основы экономики здравоохранения. Казань, 2019. 86 с.

5. Столяр В. П., Крайнюков П. Е., Калачев О. В. Цифровая трансформация здравоохранения и ведомственной медицины. М., 2020. 200 с.

References

1. Sungatov R. Sh. Methodology for modeling managerial innovations in the health care system: diss. ... doct. economical sciences. Kazan, 2010. 169 p.

2. Bury A. S., Strekha A. A. Cognitive approach to the management of organizational changes in enterprises // Transport business of Russia. 2015. No. 4. Pp. 3–6.

3. Esipov A. V., Alekhnovich A. V., Meshkov A. V., Abushinov V. V. Technologies for optimizing the management of a multidisciplinary hospital. Moscow, 2019. 244 p.

4. Ilyasova A. R. Fundamentals of Health Economics. Kazan, 2019. 86 p.

5. Joiner V. P., Krainyukov P. E., Kalachev O. V. Digital transformation of healthcare and departmental medicine. Moscow, 2020.200 p.

УДК/UDC 338.47

Перспективы экономического развития транспортной инфраструктуры на территории полуэксклава

Чумаков Александр Сергеевич
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента
Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Калининград, Россия
e-mail: chumakov-as@ranepa.ru

Аннотация

Для развития Калининградской области создаются новые направления и программы. Одним из главных отраслей экономики указанного региона является транспортный комплекс. Данный комплекс состоит из таких видов транспорта, как воздушный, железнодорожный, речной, автомобильный, морской и трубопроводный. Грузовладельцы при перевозке грузов предпочитают пользоваться услугами морского и железнодорожного видов транспорта, в то время как жители и гости Калининградской области чаще используют воздушный и автомобильный. В условиях экономического развития региона вопросам транспортной составляющей уделяется важное внимание со стороны не только региональных органов власти, но и федеральных министерств и ведомств. В статье проведен анализ экономического потенциала региона, где особое внимание уделяется морскому, железнодорожному, автомобильному и воздушному транспорту.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, транспортный комплекс, экономика региона.

Prospects for the economic development of transport infrastructure in the territory of the semi-exclave

Chumakov Aleksandr Sergeyevich
Candidate of Economics, assistant professor, assistant professor of the Department of Regional Economics and Management
Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
e-mail: chumakov-as@ranepa.ru

Abstract

New directions and programs are being created for the development of the Kaliningrad region. One of the main sectors of the economy of this region is the transport complex. This complex consists of such types of transport as air, rail, river, road, sea and pipeline. When transporting goods, cargo owners prefer to use the services of sea and rail transport, while residents and guests of the Kaliningrad region more often use air and road transport. In the context of the economic development of the region, important attention is paid to the transport component by not only regional authorities, but also federal ministries and departments. The article analyzes the economic potential of the region, where special attention is paid to sea, rail, road and air transport.

Key words: transport infrastructure, transport complex, regional economy.

На сегодняшний день вопросы транспортного развития регионов приобретают еще большее значение для экономического планирования на всех уровнях власти. Требуются согласованные действия существующих программ для актуализации Транспортной стратегии на период до 2030 г. и анализ текущего состояния отрасли. Калининградская область имеет особое геополитическое положение с точки зрения внешнеэкономического коридора, потенциал которого имеет важнейшее значение для всей страны.

Развитие морского транспорта в регионе имеет стратегическое значение для развития полуэксклава и является приоритетным направлением для формирования логистических цепей. Торговый порт Калинингра-

да занимает второе место по грузообороту на Балтике. Морской порт области дает возможность перерабатывать 9 млн т/г, рыбный порт - 4 млн т/г и речной порт - около 3 млн т/г. Уникальная черта морского транспорта Калининградской области - возможность осуществлять навигацию круглогодично, чего лишены другие российские порты на Балтике.

Рыбные порты расположены в городах Светлом и Пионерском, АО «Балтийская нефтеперевалочная компания» располагается в городе Балтийск (в среднем в год объемы перевалки могут доходить до 2 млн м3), в поселке Ижевске находится нефтетерминал ООО «Лукойл-Калининградморнефть» (объемы перевалки первой очереди могут достигать в год около 750 тыс. т нефти), речной порт находится на самом севере области в городе Советск, однако Калининградский речной порт располагает свой грузовой район в Светловском городском округе [1].

В настоящее время российские порты Калининграда заполнены менее чем на треть. Связано это с тем, что полуэксклав географически оторван от России. Необходимость пересечения литовской и белорусской границы увеличивает издержки и осложняет транспортное сообщение между регионами России и Калининградской области.

К негативным факторам влияния целесообразно отнести:

1) изменение федеральных нормативно-правовых актов в сфере грузооборота и внесение дополнений в механизмы таможенного контроля;
2) нестабильность регламентов по транзиту груза и стоимости на территориях соседних государств (Беларусь, Литва);
3) рост тарифов и риски, связанные с простоем грузов в портах и таможенных постах.

Если говорить о портах, то следует затронуть и тему конкуренции. Одна из больших частей грузопотока принадлежит не Калининграду, а странам Балтии. Это связано с тем, что данные страны имеют новейшие, большие по площади и специализированные порты, где обработка груза будет дешевле и быстрее. Например, у Литвы имеются государственные субсидии, благодаря которым своим клиентам они могут сделать скидку

до 50–70% с одним условием - чтобы груз проходил по их железным дорогам.

Используя данные факторы, следует организовать кардинальную модернизацию портов и их оборудований, построить современные контейнерные терминалы, которые помогут обеспечить быструю обработку грузов.

Развитию транспортной инфраструктуры региона во многом способствует исполнение поручения Президента Российской Федерации от 5 октября 2013 г. № Пр-2368 и поручения Правительства Российской Федерации от 14 октября 2013 г. № АД-П9-7317 о создании международного морского терминала - проект «Строительство международного морского терминала для приема круизных и грузопассажирских судов» в г. Пионерский Калининградской области.

Основными целями создания терминала являются:

1) безопасность транспортного комплекса и полная независимость Калининграда в Балтийском регионе;
2) расширение инфраструктуры морского порта города Калининграда по приему круизных и паромных судов;
3) создание конкурентного преимущества портовой платформе;
4) образование мультимодального транспортно-логистического узла.

Важным направлением в сфере развития водного транспортного узла является контакт с федеральными органами исполнительной власти и формирование необходимых технических регламентов для развития прибрежной инфраструктуры.

Самый западный регион Российской Федерации обладает растущими перспективами для развития различных видов транспорта. Отметим, что Калининградская область обладает благоприятным географическим положением в схеме развития трансъевропейских транспортных коридоров. Если реализовать эту схему, то Калининград получит выход на скоростные автодороги и новейшие железнодорожные магистрали.

Особенность железнодорожной сети региона - наличие более 100 км участков путей с европейской колеей (1435 мм), более узкой, чем российская (1520 мм), и терминалов по перевалке грузов между вагонами различной колеи. Внутри области по железным дорогам перевозится наибольшее количество грузов. Внутриобластные железные дороги обладают достаточно развитой системой, но их применение все еще нельзя назвать оптимальным. Ключевой объем перевозок грузов между Калининградом с одной стороны и Литвой и Россией с другой проходит по широтной магистрали Калининград-Черняховск-Нестеров-Каунас-Минск-Москва, которая на сегодняшний день используется лишь на 30–45% [2].

Железнодорожный транспорт Калининграда реализует до 50% грузооборота, 80% из которых приходится на транзит через таможенные границы и порты Калининградской области. Главными экспортными продукциями являются нефть, уголь, различные удобрения, зерно, древесина, металл и бумага, а импортными - контейнеры, стройматериалы, сахар, зерно. В табл. 1. представлено количество грузов, перевезенных железнодорожным транспортом Калининградской области с 2007 по 2020 гг.

Перевозка грузов железнодорожным транспортом в Калининградской области, млн тонн [3]

	Количество по годам (млн тонн)						
Количество грузов, перевезенных железнодорожным транспортом	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
	19,4	18,5	12,7	15,5	14,7	13,4	14,0
	Количество по годам (млн тонн)						
Количество грузов, перевезенных железнодорожным транспортом	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	12,6	11,4	10,7	13,4	15,7	13,22	12,57

Таблица 1

Правительством Российской Федерации было вынесено Постановление № 423 от 2015 г. о предоставлении средств из государственного

бюджета Калининградской области на компенсацию затрат на перевозку сырья железнодорожным транспортом, которое произведено на территории Калининградской области [3]. Таким образом, помощь от государства была полностью использована, в 2016 г. - 500 млн руб., а в 2018 г. - 450 млн руб.

Также следует отметить, что благодаря железнодорожным путям осуществляется большая часть перевозок пассажиров из Калининграда в страны ближнего зарубежья, в города Российской Федерации и в пригородные города области. В год услугами дальнего следования поездов пользуются примерно 600 тыс. пассажиров, а пригородными поездами - более 2,5 млн пассажиров (см. табл. 2).

Внутригородские маршруты в Калининградской области [2]

	Количество по годам (млн тонн)						
Количество грузов, перевезенных железнодорожным транспортом в пригородном сообщении	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
	5,43	5,64	4,92	2,55	2,66	2,71	3,07
	Количество по годам (млн тонн)						
Количество грузов, перевезенных железнодорожным транспортом в пригородном сообщении	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	2,72	2,89	3,00	3,11	3,95	4,92	4,11

Таблица 2

Автомобильные дороги на территории Калининградской области составляют густую сеть (4600 км приходится на территориальные дороги и 245 км дорог федерального назначения).

Пассажиры выполняют регулярные рейсы на автомобильном транспорте в соседние страны, такие как Республика Беларусь, Польша, Литва, Германия, Чехия, и в другие города Европы. Под контролем регионального правительства Ассоциации международных автомобильных переводчиков осуществляется перевозка товаров и сырья на международных сообщениях. Некоторые автомобильные трассы Калининград-

ской области входят в состав международных транспортных коридоров 1А (участок Советск-Талпаки-Калининград-Мамоново) и 9Д (участок Калининград-Черняховск-Нестеров).

В региональном Правительстве были проведены работы в рамках подготовки плана развития кольцевых автомобильных дорог и продолжения строительства приморского кольца, которое соединит все туристические районы с центром города, а также с аэропортом. Данная трасса в 2015 г. была передана городу. Но и в последующие годы трасса расширялась и захватывала все больше городов нашей области. Так, в 2017 г. было проведено совещание, где рассматривалось развитие и улучшение транспортной инфраструктуры. Президентом Российской Федерации было предложено строительство продолжения кольцевого маршрута дороги до городов Балтийск и Светлый. Таким образом, скоростная трасса увеличила приток туристов на автомобильном транспорте в курортные города и уменьшилось количество пробок [4].

В будущем большое внимание также будет уделяться строительству и развитию сети автомобильных дорог, которые связывают точки роста области [3].

В Калининградской области действует единственный международный аэропорт «Храброво», который предназначен для постоянного воздушного пассажирского и грузового сообщения.

В аэропорте «Храброво» почтово-грузовой комплекс предназначается в первую очередь для отправки, получения и сортировки прямых, транзитных грузов, в т. ч. почтовых отправлений с различных стран и городов. Такой комплекс помогает обрабатывать груз с очень высокой скоростью.

В 2007 г. было принято решение о разработке и внедрении программы «Гражданская авиация». Главными целями программы является усовершенствование транспортного комплекса России на 2010–2020 г., а также улучшение и развитие аэропорта города Калининград [4].

В середине 2018 г. было полностью завершено обновление аэропорта, что увеличило пропускную способность терминала до 1300 пассажи-

ров в час или 3 млн пассажиров в год [5]. Благодаря проекту была усилена безопасность аэропорта, обеспечены регулярность и комфортный полет пассажиров, улучшена инфраструктура аэропорта и взлетных полос. Все это повышает инвестиционную привлекательность Калининградской области.

Динамика пассажирских перевозок воздушным транспортом в калининградском аэропорту, млн. чел [2]

	Количество по годам (млн чел.)						
Количество пассажиров, перевезенных воздушным транспортом	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
	1,9	1,16	1,02	1,23	1,19	1,31	1,46
	Количество по годам (млн чел.)						
Количество пассажиров, перевезенных воздушным транспортом	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
	1,54	1,57	1,79	2,1	2,37	2,11	

Таблица 3

Одной из главной задачей развития Калининградской области является образование новейшего и инновационного транспортного комплекса. Для этого нужно модернизировать существующую транспортную систему и увеличить строительство новой инфраструктуры. Так, например, в области грузооборота следует ввести современные объекты инфраструктуры, что поможет увеличить мощность грузооборота в 2–3 раза [2].

Для экономики Калининграда важнейшим остается формирование инфраструктуры в морском и железнодорожном транспорте. Для этого следует увеличить портовые мощности области и пропускную способность железнодорожного транспорта, а также образование новейших мест стыковки этих двух транспортов. Ну и в будущем нужно обновить железнодорожные вагоны и морские суда.

Инновационный вариант предполагает ускоренное и сбалансированное развитие транспортного комплекса страны, которое наряду с до-

стижением целей, предусматриваемых при реализации базового (консервативного) варианта, позволит обеспечить транспортные условия для развития инновационной составляющей экономики, повышения качества жизни населения, перехода к полицентрической модели пространственного развития России [6].

Калининград имеет благоприятные предпосылки для развития и создания одного из самых мощных транспортных комплексов в России, который может составить конкуренцию подобным комплексам в Европе. Формирование инновационного и мощного транспортного комплекса с его последующей интеграцией в общеевропейское пространство является одним из важных условий для развития экономики Калининградской области.

Список литературы

1. Администрация муниципального образования Светловский городской округ. URL: http://светлый.рф/ (дата обращения: 27.05.2021).

2. О предоставлении из федерального бюджета бюджету Калининградской области иных межбюджетных трансфертов на компенсацию части затрат российских юридических лиц на перевозку железнодорожным транспортом общего пользования готовых товаров, произведенных на территории Калининградской области, на территорию Российской Федерации, а также перевозку с территории Российской Федерации сырья, строительных материалов и комплектующих для производства указанных товаров на территории Калининградской области: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.04.2015 № 423 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505050019 (дата обращения 27.05.2021).

3. Министерство развития инфраструктуры Калининградской области https://infrastruktura.gov39.ru/activity/transport/ (дата обращения: 27.05.2021).

4. Министерство транспорта Российской Федерации. URL: https://mintrans.gov.ru/ (дата обращения: 27.05.2021).

5. Официальный сайт Международного аэропорта Калининград (Храброво) имени императрицы Елизаветы Петровны. URL: https://kgd.aero/mediacenter/news (дата обращения: 27.05.2021).

6. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 № 1734-р (с изм. и доп. от 11.06.2014, 12.05.2018) // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009 (дата обращения: 27.05.2021).

References

1. Administration of the municipal formation Svetlovsky urban district. URL: http://svetly.rf/ (date of access: 27.05.2021).

2. On the provision from the federal budget to the budget of the Kaliningrad region of other interbudgetary transfers to reimburse part of the costs of Russian legal entities for the transportation of finished goods produced in the territory of the Kaliningrad region, to the territory of the Russian Federation from the territory of the Russian Federation, construction materials and components for the production of these goods on the territory of the Kaliningrad region: Resolution of the Government of the Russian Federation dated April 28, 2015 No. 423 // Official Internet portal of legal information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505050019 (date of access: 27.05.2021).

3. Ministry of Infrastructure Development of the Kaliningrad Region https://infrastruktura.gov39.ru/activity/transport/ (date of access: 27.05.2021).Ministry of Transport of the Russian Federation. URL: https://mintrans.gov.ru/ (date of access: 27.05.2021).

4. Official site of the Kaliningrad (Khrabrovo) International Airport named after Empress Elizabeth Petrovna. URL: https://kgd.aero/mediacenter/news (date of access: 27.05.2021).

5. Transport strategy of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. by order of the Government of the Russian Federation of November 22, 2008 No. 1734-r (as amended and supplemented from June 11, 2014, May 12, 2018) // Ministry of Transport of the Russian Federation. URL: https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009 (date of access: 27.05.2021).

УДК/UDC 334.7

Анализ теоретико-методологических подходов к оценке синергетического эффекта и влияния сделок слияний и поглощений на стоимость компании с учетом зарубежного опыта

Шумнов Иван Алексеевич
студент финансового факультета
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
г. Москва, Россия

Церцеил Юлия Сергеевна (научный руководитель)
кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры международного права, финансов и экономики Китая
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
г. Москва, Россия
e-mail: Tsertseil.YS@rea.ru
SPIN-код: 7306-2439

Аннотация

В современных рыночных условиях наблюдается тенденция к увеличению сделок слияния и поглощения, что обусловлено глобализацией мирохозяйственных связей. В статье приводятся данные информационно-аналитического обзора KPMG за последние 15 лет. Анализируются российские и зарубежные исследования, посвященные указанному вопросу. Отмечается, что существуют различные подходы к классификации синергии. Некоторые ученые выделяют краткосрочный синергетический эффект, скрытые возможности синергии и новые стратегические возможности синергии. Другие подразделяют синергетический эффект на операционный, инвестиционный и финансовый. В заключении авторы приходят к выводу, что сделки слияний и поглощений можно рассматривать с позиции инструмента реализации единой стратегии развития компании, обеспечивающей достижение положительного синергетического эффекта в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: сделки слияний и поглощений, синергетический эффект, стоимость компании.

The analysis of theoretical and methodological approaches to assessing the synergistic effect and the impact of mergers and acquisitions on the company's value, taking into account foreign experience

Shumnov Ivan Alekseyevich
student of the faculty of finance
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia

Tsertseil Yuliya Sergeyevna (scientific advisor)
Candidate of Economics, assistant professor of the Basic Department of International Law, Finance and Economics of China
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
e-mail: Tsertseil.YS@rea.ru
SPIN Code: 7306-2439

Abstract

In modern market conditions, there is a tendency towards an increase in mergers and acquisitions, which is due to the globalization of world economic relations. The article provides data from the information and analytical review of KPMG over the past 15 years. Russian and foreign studies devoted to this issue are analyzed. It is noted that there are different approaches to the classification of synergies. Some scholars highlight short-term synergies, hidden synergies and new strategic synergies. Others classify synergies as operational, investment, and financial. In conclusion, the authors come to the conclusion that mergers and acquisitions can be viewed from the position of a tool for implementing a unified development strategy for the company, ensuring the achievement of a positive synergistic effect in the long term.

Key words: mergers and acquisitions, synergies, company value.

В современных рыночных условиях наблюдается тенденция к увеличению сделок слияния и поглощения, что обусловлено глобализацией мирохозяйственных связей. Сформировавшиеся условия конкурент-

ных взаимоотношений во многом вынуждают компании реализовывать все более агрессивные стратегии повышения своего производственного, финансово-экономического, интеллектуального потенциала и успешности, используя сделки поглощения и слияний.

Согласно информационно-аналитическому обзору KPMG [1] рынка сделок слияний и поглощений за период с 2014 по 2020 гг. диапазон варьирования количества сделок слияний и поглощений составил 470–670 ед. При этом наименьшее количество сделок было зафиксировано на российском рынке в 2015 г., а наибольшее — в 2019 г. Однако в стоимостном выражении диапазон варьирования объема сделок слияний и поглощений, без учета мегасделок, составил 48,7–79,0 млрд долл., при этом наименьшее значение было зафиксировано в 2020 г., а наибольшее — в 2014 г. Если рассматривать динамику развития российского рынка слияний и поглощений по типам сделок, то следует отметить, что в стоимостном и количественном соотношении преобладают внутренние сделки: в стоимостном объеме диапазон варьирования составил 33,5–57,3 млрд долл., где наименьшее значение приходится на 2018 г., а наибольшее — на 2014 г., в количественном выражении данный диапазон составил 347–528 ед., где наименьшее значение приходится на 2015 г., а наибольшее — на 2018 г.

Проблемам анализа сделок слияний и поглощений в настоящее время посвящено достаточно большое количество работ как в России, так и за рубежом. Так, вопросы сделок слияний и поглощений отражены в работах следующих зарубежных ученых: Уильям Уоллес, Питер Моулс, Инесе Мавлютова, Григорий Олевский, Каролис Андрюшкявичюс, Далия Штреймикене и др.

Уильям Уоллес и Питер Моулс [2] рассматривают теоретико-методологические составляющие сделок слияний и поглощений, в частности выделяют ключевые драйверы роста сделок слияний и поглощений, к которым относят:

1) специальные навыки и/или умения,
2) национальные и международные фондовые рынки,

3) глобализацию,
4) диверсификацию,
5) национальную и международную консолидацию,
6) давление со стороны промышленного сектора,
7) снижение производственных мощностей,
8) вертикальную интеграцию,
9) стремление к приобретению нового рынка или клиентской базы,
10) растущий рынок или отрасль рынка с целью дальнейшего приобретения.

Инесе Мавлютова и Григорий Олевский [3] в своем исследовании рассматривают ситуацию экономического спада национальной экономики, выражающуюся в отсутствии темпов роста ВВП и наличии дефицита бюджета, что влечет за собой присутствие иностранных инвесторов на национальном рынке и стремление стоимости сделок слияния и поглощений к минимуму.

Каролис Андрюшкявичюс, Далия Штреймикене [4] в своем исследовании приводят определение движущих сил процессов слияния и поглощения на основе модели PESTLE, включающей совокупность политических, экономических, социальных, технологических, законодательных факторов, а также окружающей среды. Также авторы отмечают смещение целей проведения сделок слияний и поглощений за период с 1995 по 2020 гг.: если за период с 1995 г. по 2010 г. основная масса анализируемых сделок проводилась для достижения положительного синергетического эффекта, а также оптимизации (минимизации) производственных затрат, то за последнее десятилетие компании осуществляют слияния и поглощения в поисках возможностей роста, обеспечения предложения и отражения спроса для «зеленой» экологии, в частности постоянных изменений в природе энергии.

Существует достаточно большое количество работ, посвященных анализу и оценке влияния сделок слияний и поглощений на стоимость объединенного бизнеса, что предполагает определение стоимости приобретенного бизнеса и синергетического эффекта от совершенной сделки.

Так, в работе Л. С. Будовича и Ю. В. Старцевой [5] вводится понятие стоимости, которую получает приобретающая компания, и данная категория является внутренней стоимостью компании-цели как отдельного бизнеса. При этом необходимо учитывать, что приобретающая компания уплачивает определенную цену за компанию-цель, которая может быть как с дисконтом, в связи с какими-то ожидаемыми или даже выявленными рисками, так и с премией в связи с ожиданием будущих экономических выгод. Таким образом, дополнительная стоимость для приобретающей компании создается в том случае, если внутренняя стоимость компании-цели превышает фактическую цену приобретения.

Однако помимо внутренней стоимости самой компании-цели объединенный бизнес может рассчитывать на эффект синергии от приобретения, которая выражается в дополнительном увеличении денежных потоков покупателя, повышающем денежные потоки исходной компании-цели. Можно выделить несколько классификаций синергетического эффекта. Так, в исследовании А. О. Егоровой [6] говорится о разделении на краткосрочный синергетический эффект, скрытые возможности синергии и новые стратегические возможности синергии.

Краткосрочный синергетический эффект представляет собой текущее повышение операционной эффективности за счет синергии доходов или синергии затрат. Синергия доходов связана с такими преимуществами, как увеличение доли рынка различными стратегиями кросс-продаж и совместными инновациями двух прежде независимых компаний. В результате этих преимуществ доходы объединенного бизнеса могут быть больше, чем доходы каждого из них по отдельности до слияния.

Синергия затрат, напротив, связана с сокращением затрат объединенной организации по сравнению с затратами отдельных компаний. Ее достижение возможно за счет улучшения условий договоров с поставщиками за счет больших объемов, сокращения численности персонала и, как следствие, снижения себестоимости.

Скрытые возможности синергии представляют собой дополнительные возможности для оптимизации операционной деятельности, кото-

рые открываются при интеграции двух компаний в единый бизнес. Данная процедура приводит к необходимости переработки существующих бизнес-процессов, что также может положительно отразиться на деятельности объединенного предприятия как путем увеличения доходов, так и за счет сокращения расходов. Скрытые возможности синергии, как правило, менее очевидны, чем краткосрочные синергетические эффекты, поскольку их эффективность напрямую зависит от действий менеджмента после интеграции, однако их тоже необходимо учитывать.

Наконец, новые стратегические возможности синергии — это будущие возможности компании, которые связаны с объединением конкурентных преимуществ двух компаний. Примерами таких новых стратегических возможностей могут быть выходы на новые рынки сбыта или выпуск новых продуктов.

Другой подход к классификации синергии – это классификация по видам эффекта. Так, Е. С. Боярникова, Н. Н. Ткаченко [7] выделяют три основных вида синергетического эффекта: операционный, инвестиционный и финансовый.

Операционный синергетический эффект проявляется в увеличении доходов и снижении расходов объединенного предприятия по сравнению с отдельными компаниями. Фактически операционный эффект является краткосрочным синергетическим эффектом в классификации выше. Инвестиционный эффект представляет собой увеличение объема ресурсов, доступных для инвестиционной деятельности. В то же время Л. С. Будович и Ю. В. Старцева [5] считают инвестиционный эффект разновидностью операционного и не выделяют в отдельную категорию. Тем не менее по своей сути инвестиционный эффект отличается от операционного, в связи с чем, на наш взгляд, имеет смысл выделить его отдельно. Финансовый эффект представляет собой изменения, связанные с оптимизацией структуры финансирования, изменением доступности источников финансирования, улучшением финансового рейтинга, снижением налоговой нагрузки. Таким образом, финансовый эффект представляет собой изменения, связанные с финансовым состоянием предприятия.

Эффект синергии является важным мотивом для вступления в сделки слияний и поглощений. Менеджмент, вступая в сделку, зачастую рассчитывает именно на повышение стоимости своего бизнеса и положительные синергетические эффекты от сделки. В то же время далеко не все сделки в итоге приводят к получению положительного синергетического эффекта. В научной литературе нет однозначного мнения о том, какие факторы и причины оказывают воздействие на получение указанного эффекта и насколько этот эффект в целом является значимым и устойчивым.

В качестве причин, по которым сделка может не привести к достижению положительного синергетического эффекта, выделяют следующие:

1) присоединение неэффективной компании с недостаточно выстроенной операционной структурой и системой управления;
2) неудачные действия менеджмента по интеграции компании-цели в бизнес компании-покупателя, в результате чего преимущества, связанные с приобретением, фактически не удается использовать;
3) неверная оценка стоимости и потенциала компании, в результате чего компания-цель приобретается за более высокую цену, которая не позволяет обеспечить прирост стоимости за счет внутренней стоимости компании, а также завышенные ожидания менеджмента от сделки.

Стоит также упомянуть об основных механизмах синергетического эффекта, а именно о том, каким образом в научной литературе объясняется данный эффект. Например, в работе Анны Гарумовой [8] в качестве основных механизмов выделяются следующие:

1) экономия от масштаба;
2) экономия на финансировании;
3) использование лучших практик управления (после совершения сделки компании могут выбирать и встраивать лучшие управ-

ленческие практики из объединившихся компаний, повышая таким образом качество корпоративного управления);

4) увеличение доли на рынке;
5) концентрация нематериальных активов.

Влияние сделок слияний и поглощений на стоимость компании и синергетический эффект от таких сделок являются темой достаточно большого количества научных публикаций. При этом выделяются различные подходы к оценке стоимости и синергетического эффекта, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть эти работы подробнее.

Часть публикаций основана на значительных выборках данных и пытается оценить влияние различных параметров на стоимость объединенной компании и синергетический эффект посредством эконометрических моделей. Среди таких работ можно выделить, например, статью Иша Гупта, Нандита Мишра и Налиниправа Трипати, [9] в рамках которой авторы на выборке из 64 сделок, происходивших в Индии за период 2012–2018 гг., анализировали возникновение синергетического эффекта и добавочной стоимости для предприятия после сделки. Основной тестируемой гипотезой в рамках данной работы являлось наличие положительного синергетического эффекта на деятельность приобретающей компании. В качестве индикатора синергетического эффекта авторы использовали изменение в объеме продаж (выручки). При этом для отслеживания отложенного эффекта в эконометрическую модель была также добавлена независимая переменная синергетического эффекта за прошлые периоды.

Полученные результаты оценки эконометрической модели свидетельствуют, по мнению авторов, о том, что на синергетический эффект положительно влияют расходы компаний на проведение НИОКР, прибыльность приобретаемой компании и ее рыночная капитализация. Коэффициент Q-Тобина и ликвидность приобретаемой компании оказывают обратный эффект на синергетический эффект. В целом исследование авторов показывает наличие значительного синергетического эффекта в рамках сделок слияний и поглощений на рынке Индии в анализируемом

периоде, однако выделяется ряд ограничений, связанных с представленным исследованием, таких как ограничение выборки публичными компаниями и необходимость более детального изучения отложенного влияния синергетического эффекта на будущие периоды.

В другой работе Иво Христов и Антонио Кирико [10] анализировали изменения в стоимости компании (enterprise value) в течение определенного периода после сделки и влияние различных факторов на эти изменения на выборке из 73 сделок в фармацевтической отрасли США за 2013–2015 гг. В качестве основных факторов, влияющих на капитализацию, были рассмотрены;

1) размер компании-цели, который оценивался как объем продаж, показатели прибыльности;
2) расходы на НИОКР компании-цели.

По результатам исследования авторы сделали вывод о наличии положительного эффекта от размера компании-цели и ее расходов на НИОКР на стоимость капитализацию компании после сделки. В то же время согласно данному исследованию влияние прибыльности компании-цели на капитализацию объединенной компании оказалось незначимым.

Следующий подход к оценке влияния сделок слияний и поглощений на стоимость объединенной компании представлен в работе Каролис Андрюшкявичюса [11]. Влияние на стоимость оценивается исходя из изменений курса акций от даты объявления сделки. Автор отмечает, что согласно теории рынков в момент появления новостей о сделке рынок автоматически корректирует цену в соответствии с ожиданиями инвесторов от объявленной сделки. В связи с этим, по мнению автора, одним из подходов к оценке влияния сделки на рыночную стоимость компании может быть анализ изменения курса акций на рынке в момент объявления о сделке, когда рынок оценивает ожидаемый эффект от сделки. Основным недостатком этого метода является то, что он может быть применим только к публичными компаниям, ценные бумаги которых торгуются на бирже.

Для целей оценки влияния сделок на стоимость ценных бумаг компании Каролис Андрюшкявичюс использует метод избыточной средней доходности, которая рассчитывалась как отклонение фактической доходности от ожидаемой на различных временных интервалах вокруг даты объявления о сделке. По результатам своей работы автор приходит к выводу, что объявление о намерениях совершить сделку в среднем повышало стоимость акций компаний на рынке в течение трех дней с момента объявления. Таким образом, объявление о сделке в краткосрочном периоде повышало стоимость компании. В то же время, как отмечает сам автор, относиться к полученным результатам с целью практического использования следует с осторожностью. Все работы, основанные на оценке избыточной средней доходности вокруг объявления о сделке, фактически представляют собой оценку инвесторами новостей о сделке, однако не говорят ничего об эффективности и успешности сделки уже после ее совершения. Таким образом, рост рыночной стоимости компании-покупателя после объявления о сделке может оказаться краткосрочным и не быть связанным с фактическими обстоятельствами присоединения.

В уже упомянутой ранее работе Анна Гарумова [8] для оценки синергетического эффекта от совершения сделки слияния и поглощения предлагается использовать «модель Н», которая основана на основе оценки стоимости компании доходным подходом. Для этого рассчитываются дисконтированные денежные потоки, исходя из прогнозов и предпосылок отдельно для компаний А и Б, после чего аналогичные расчеты делаются для объединенной компании после слияния без учета синергии, предполагая, что прогнозные значения будущих периодов объединенной компании представляют собой средневзвешенные значения каждой из отдельных компаний, а ее финансовые показатели, такие как выручка или затраты, складываются без каких-либо коэффициентов из двух независимых компаний. В качестве прогнозных значений объединенной компании с учетом эффекта синергии в данном исследовании автор предлагает использовать максимальное значение из двух компаний. После этого рассчитывается разница между дисконтированной стоимостью объеди-

ненной компании с учетом синергии и без учета синергии. Полученная разница и является, по мнению автора, денежной оценкой синергетического эффекта.

Таким образом, можно отметить, что сделки слияний и поглощений можно рассматривать с позиции инструмента реализации единой стратегии развития компании, обеспечивающей достижение положительного синергетического эффекта в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Информационно-аналитический обзор KPMG. Рынок слияний и поглощений в России в 2020 г. // KPMG. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/02/ru-ru-ma-survey-2020-fin.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

2. Wallace W., Moles P. Mergers and Acquisitions // Edinburgh Business School. URL: https://ebs.online.hw.ac.uk/EBS/media/EBS/PDFs/Mergers-Acquisitions-Course-Taster.pdf?fbclid=IwAR1ET6wG5WCEXfheBPt5FwHFRKpIh7peJbjL-Dsl_TjbaP3QDdFlcNcDYlE (дата обращения: 12.06.2021).

3. Mavlutova I., Olevsky G. Mergers and Acquisitions (M&A) as Modern Ways of Investments // International Journal in Economics and Business Administration. 2015. Vol. III. Issue 4. Pp. 72–83.

4. Andriuškevičius K., Štreimikiene D. Developments and Trends of Mergers and Acquisitions in the Energy Industry // MDPI. URL: https://doi.org/10.3390/en14082158 (дата обращения: 12.06.2021).

5. Будович Л. С., Старцева Ю. В. Оценка стоимости компании в процессе слияния и поглощения // Вестник Академии. 2019. № 1. С. 26–35.

6. Егорова А. О. Влияние сделок слияния и поглощения на рыночную стоимость компании-цели и компании-захватчика // Политика, экономика и инновации. 2020. № 1 (30). С. 1–5.

7. Боярникова Е. С., Ткаченко И. Н. Сделки слияния и поглощения как инструмент достижения эффекта синергии // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы развития корпоративного управления и бизнеса» (Екатеринбург, 15 ноября 2018 г.). Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2019. С. 114–118.

8. Harumová A. Model H application to determine synergic effects on merger and acquisition // Current Problems of the Corporate Sector. 2020. P. 83.

9. Gupta I., Mishra N. & Tripathy N. The Impact of Merger and Acquisition on Value Creation: An Empirical Evidence // The Importance of New Technologies and

Entrepreneurship in Business Development: In The Context of Economic Diversity in Developing Countries: The Impact of New Technologies and Entrepreneurship on Business Development. 2021. No. 194. Pp. 1435–1456.

10. Hristov I.V.O, Chirico A. A Company Valuation in Mergers and Acquisitions (M&A): Empirical Evidence from Pharmaceutical Companies Listed on the New York Stock Exchange // Conference: The 6th Academic International Conference on Business, Economics and Management - AICBEM 2019, Oxford.

11. Andriuškevi cius K. Comparison of Value Creation through M&A in European Union // Engineering Economics. 2019. № 30 (2). Pp. 187–194.

References

1. Information and analytical review of KPMG. The market of mergers and acquisitions in Russia in 2020 // KPMG. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/02/ru-ru-ma-survey-2020-fin.pdf (date of access: 12.06.2021).

2. Wallace W., Moles P. Mergers and Acquisitions // Edinburgh Business School. URL: https://ebs.online.hw.ac.uk/EBS/media/EBS/PDFs/Mergers-Acquisitions-Course-Taster.pdf?fbclid=IwAR1ET6wG5WCEXfheBPt5FwHFRKpIh7peJbjL-Dsl_TjbaP3QDdFlcNcDYlE (date of access: 12.06.2021).

3. Mavlutova I., Olevsky G. Mergers and Acquisitions (M&A) as Modern Ways of Investments // International Journal in Economics and Business Administration. 2015. Vol. III. Issue 4. Pp. 72–83.

4. Andriuškevičius K., Štreimikiene D. Developments and Trends of Mergers and Acquisitions in the Energy Industry // MDPI. URL: https://doi.org/10.3390/en14082158 (date of access: 12.06.2021).

5. Budovich L. S., Startseva Yu. V. Assessment of the company's value in the process of mergers and acquisitions // Bulletin of the Academy. 2019. No. 1. Pp. 26–35.

6. Egorova A. O. The influence of mergers and acquisitions on the market value of the target company and the invader company // Politics, Economics and Innovation. 2020. No. 1 (30). Pp. 1–5.

7. Boyarnikova E. S., Tkachenko I. N. Mergers and Acquisitions as a Tool to Achieve Synergy Effect // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Problems of Corporate Governance and Business Development"(Yekaterinburg, November 15, 2018). Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2019.
Pp. 114–118.

8. Harumová A. Model H application to determine synergic effects on merger and acquisition // Current Problems of the Corporate Sector. 2020. P. 83.

9. Gupta I., Mishra N. & Tripathy N. The Impact of Merger and Acquisition on Value Creation: An Empirical Evidence // The Importance of New Technologies and

Entrepreneurship in Business Development: In The Context of Economic Diversity in Developing Countries: The Impact of New Technologies and Entrepreneurship on Business Development. 2021. No. 194. Pp. 1435–1456.

10. Hristov IVO, Chirico A. A Company Valuation in Mergers and Acquisitions (M&A): Empirical Evidence from Pharmaceutical Companies Listed on the New York Stock Exchange // Conference: The 6th Academic International Conference on Business, Economics and Management - AICBEM 2019, Oxford.

11. Andriuškevi cius K. Comparison of Value Creation through M&A in European Union // Engineering Economics. 2019. No. 30 (2). Pp. 187–194.

УДК/UDC 347.2

О регламентации соучастия в преступлении в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь

Биккинин Ирек Анасович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин
Уфимский юридический институт МВД России
г. Уфа, Россия
e-mail: bikkinin@mail.ru
SPIN-код: 8033-6908

Поезжалов Владимир Борисович
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональных дисциплин
Уфимский юридический институт МВД России
г. Уфа, Россия
e-mail: poezvb_75@mail.ru
SPIN-код: 5858-3553

Поезжалов Александр Владимирович
студент Института права
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия
e-mail: poezvb_75@mail.ru

Аннотация

Охрана общественных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь близки по своей юридической природе, поскольку имеют общие корни, основы которых были заложены в законодательстве советского периода. Изучение и анализ института соучастия российского и белорусского уголовного законодательства создают условия для выявления положительных моментов, которые могут быть учтены законодателем и правоприменителем в целях избрания оптимальных путей развития уголовной политики. Особенности законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республ-

лики Беларусь могут быть разделены на две группы. В первую авторы включают особенности структурного характера - особенности внешнего выражения норм и положений в Общей части уголовного законодательства. Вторую группу составляют особенности содержательного характера - особенности, связанные с внутренней сущностью норм уголовного законодательства. Учет рассмотренных специфических черт белорусского уголовного закона, рассмотренных в настоящей работе, может быть использован российским законодателем в целях совершенствования как концептуальных положений уголовного законодательства, касающихся, например, расширения оснований уголовной ответственности, так и отдельных элементов института соучастия в преступлении.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, основания уголовной ответственности, уголовный закон, сравнительное правоведение.

About regulation of complicity in a crime in the legislation of Russia and Belarus

Bikkinin Irek Anasovich
Doctor of Law, professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ufa, Russia
e-mail: bikkinin@mail.ru
SPIN Code: 8033-6908

Poezzhalov Vladimir Borisovich
Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Professional Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ufa, Russia
e-mail: poezvb_75@mail.ru
SPIN Code: 5858-3553

Poezzhalov Aleksandr Vladimirovich
student of the Institute of Law
Bashkir State University
Ufa, Russia
e-mail: poezvb_75@mail.ru

Abstract

The protection of public relations in the Russian Federation and the Republic of Belarus are close in their legal nature, since they have common roots, the foundations of which were laid in the legislation of the Soviet period. The study and analysis of the institution of complicity of the Russian and Belarusian criminal legislation create conditions for identifying positive aspects that can be taken into account by the legislator and law enforcement officer in order to choose the best ways to develop criminal policy. Features of the legislative regulation of the institution of complicity in a crime in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus can be divided into two groups. In the first, the authors include structural features - features of the external expression of norms and provisions in the General Part of Criminal Law. The second group is made up of substantive features - features associated with the internal essence of the norms of criminal legislation. Taking into account the considered specific features of the Belarusian criminal law, considered in this work, can be used by the Russian legislator in order to improve both the conceptual provisions of the criminal legislation concerning, for example, the expansion of the grounds for criminal liability, and certain elements of the institution of complicity in a crime.

Key words: complicity in a crime, grounds for criminal responsibility, criminal law, comparative law.

Современное звучание обозначенных вопросов определяется тем, что в любой системе научного знания есть проблемы, интерес к которым возрастает по мере усложнения общественных отношений. В систему уголовно-правовых институтов входит институт соучастия [1]. Концепция соучастия является одной из сложнейших в уголовно-правовой теории. Основной проблемой выступает то, что многие вопросы соучастия и по сей день вызывают острейшие дискуссии, что создает определенные трудности для правильной однозначной квалификации рассматриваемых деяний и усложняет индивидуализацию ответственности.

Уголовно-правовая охрана общественных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь близки по своей юридической природе, поскольку имеют общие корни, основы которых были заложены в законодательстве советского периода [2]. Изучение и анализ институ-

та соучастия российского и белорусского уголовного законодательства создают условия для выявления положительных моментов, которые могут быть учтены законодателем и правоприменителем в целях избрания оптимальных путей развития уголовной политики.

Целью настоящей статьи выступает компаративное исследование уголовно-правового противодействия соучастию в преступлении, определяемого законодательством Российской Федерации и Республики Беларусь. Для реализации обозначенной цели определены этапы исследования:

1) определить общее в законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь;
2) проанализировать особенности законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

Предметом исследования выступили теоретические разработки, действующие нормативно-правовые акты обоих государств, которые в данной сфере имеют общие черты. Большинство норм сходны по своей правовой природе, а их виды во многом совпадают. На основе методов сравнительного правоведения, анализа и синтеза выработаны предложения по расширению оснований уголовной ответственности, а также отдельных элементов института соучастия в преступлении.

Выделим общее и различное в правовой регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

Институт соучастия в преступлении описан достаточно подробно как в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ), так и в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее по тексту - УК РБ) [3]. Ключевой чертой, указывающей на общность названного института, выступает то, что он представлен рядом норм, лежащих в плоскости Общей и Особенной частей УК РФ и УК РБ, имеющих схожие наименования и положения, касающиеся понятия соучастия, видов

соучастников, особенностей их ответственности, форм соучастия и его видов. При этом общее по отдельным нормам института соучастия может быть сведено к следующим основным моментам:

1. Идентичность базовых понятий, закрепленных в УК РБ и УК РФ: одинаковая трактовка видов соучастников (ч. 2 ст. 16 УК РБ и ч. 1 ст. 33 УК РФ); понимание действий исполнителя (ч. 3 ст. 16 УК РБ и ч. 2 ст. 33 УК РФ), к которым относится так называемое опосредованное исполнение преступления посредством использования лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности; определяющий момент совершения преступления группой лиц (ч. 1 ст. 17 УК РБ и ч. 1 ст. 35 УК РФ) - совместное участие двух или более исполнителей; общность правила, указывающее на то, каким образом отражаются при квалификации действия соучастника; единство регулирования вопроса квалификации эксцесса исполнителя: «за деяния, совершенные исполнителем и не охватывающиеся умыслом соучастников, другие соучастники уголовной ответственности не несут» (ч. 7 ст. 16 УК РБ и ст. 36 УК РФ). Кроме того, при характеристике последствий добровольного отказа от преступления для УК РФ и УК РБ отмечается идентичность (в ч. 4–5 ст. 31 и в ч. 3–4 ст. 15 соответственно): в случае если организатор преступления или подстрекатель предотвратили совершение преступления, они освобождаются от уголовной ответственности. Ответственность за неудавшееся соучастие сформулирована аналогичным образом применительно к пособническим действиям.
2. К числу совпадающих (схожих) положений рассматриваемых уголовных законов может быть отнесено: выделение схожих форм соучастия в преступлении; схожесть норм, указывающих на обстоятельства, смягчающие ответственность; регламентация ответственности соучастников как при удавшемся, так и неудавшемся соучастии; учитывание характера и степени уча-

стия каждого из соучастников (ст. 66 УК РБ и ст. 67 УК РФ); основные признаки интеллектуального и волевого пособничества (ч. 6 ст. 16 УК РБ и ч. 5 ст. 33 УК РФ).

В целом уголовно-правовая охрана общественных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь применительно к институту соучастия обладает рядом схожих черт, что лишь подтверждает близость указанных правовых систем и указывает на наличие общих подходов к пониманию теоретических и практических проблем соучастия.

Несмотря на схожесть общих положений и норм института соучастия в преступлении, стоит признать и наличие немаловажных специфических особенностей данного института в УК РБ, отличных от УК РФ.

Особенности института соучастия, которые присущи белорусскому уголовному законодательству, следует разделить на две группы.

К первой группе могут быть отнесены особенности структурного характера - специфика внешнего выражения норм и положений в Общей части уголовного законодательства. Вторую группу составляют особенности содержательного характера - связанные с внутренней сущностью норм уголовного закона.

Рассмотрим первую выделенную нами группу отличительных черт. Одной из особенностей выступает непосредственное положение института соучастия в преступлении в тексте УК РБ.

В отличие от УК РФ, где основные положения данного института выделены в отдельную главу, содержащую 5 статей (гл. 7 УК РФ), что подразумевает самостоятельность данного института, в Общей части УК РБ положения о соучастии в преступлении включены в состав гл. 3, где наряду с соучастием изложены положения о преступлении, классификация преступных деяний, определены стадии преступных деяний. Между тем в УК РБ в самостоятельные главы выделены нормы, определяющие обстоятельства, исключающие преступность (гл. 6), множественности преступлений (гл. 7) и т. д.

Полагаем, что данную позицию нельзя признать вполне верной, поскольку нормы о соучастии должны быть выделены в отдельную главу в рамках уголовного закона при условии того, что иные уголовно-правовые институты имеют названную выше самостоятельность.

На это, в частности, указывают и предписания, содержащиеся в Модельном уголовном кодексе (гл. 4, ст. 34–38) [4], положения которого были учтены российским законодателем, а вот разработчики УК РБ не обратили на это должного внимания.

Следующей структурной особенностью является построение ст. 16 УК РБ. Следует согласиться с мнением О. В. Глуховой, которая отмечает, что в УК РБ не заложено единообразное основание формирования норм о соучастии [5, с. 150–151].

Далее белорусский законодатель в трех последующих статьях (ст. 17–19) раскрывает формы соучастия, одновременно указывая на вопросы ответственности соучастников. Завершает всю эту конструкцию ст. 20, предусматривающая основания освобождения участника группового преступления.

УК РФ выглядит в этом смысле как более стройный и продуманный в структурном плане акт, в котором последовательно излагаются сначала понятие соучастия (ст. 32), затем виды соучастников (ст. 33), особенности их ответственности (ст. 34), формы соучастия (ст. 35) и ответственность при эксцессе исполнителя (ст. 36).

Также к одной из структурных особенностей УК РБ можно отнести наличие в ст. 20 Общей части УК нормы, предусматривающей положения о возможности освобождения от ответственности участника организации. Данная норма, по нашему мнению, является достаточно эффективной, т. к. распространяется не на определенный вид преступления, содержащийся в Особенной части УК (как в УК РФ, например), а на все, тем самым создавая дополнительный стимул для членов данного преступного сообщества для содействия правоохранительным органам. Полагаем необходимым использовать названные положения УК РБ в целях совершенствования отечественного уголовного законодательства.

К особенностям содержательного характера УК РБ стоит отнести те положения, которые по своей сути либо отличны от аналогичных норм УК РФ, либо представляют собой положения, не предусмотренные в отечественном уголовном законодательстве.

Во-первых, одной из таких особенностей является включение соучастия в число оснований уголовной ответственности (ст. 10 УК РБ). Эти основания в ст. 10 УК РБ существенно превосходят объем того, что предусмотрено в соответствующей норме УК РФ. Белорусский законодатель как бы расширяет рамки «просто деяния» за счет отнесения к ним деяния в виде:

1) оконченного преступления,
2) приготовления к совершению преступления,
3) покушения на совершение преступления,
4) соучастия в совершении преступления.

Подобное регулирование можно признать справедливым.

Во-вторых, при том, что в УК РБ (ч. 2 ст. 16) и в УК РФ (ч. 1 ст. 33) одинаково определены виды соучастников, тем не менее в ч. 2 ст. 16 УК РБ о них говорится во множественном числе, а в ч. 1 ст. 33 УК РФ они перечислены в единственном числе. Российский подход в данном смысле видится нам более верным, поскольку в дальнейшем в текстах рассматриваемых уголовных законов описание каждого вида соучастника преступления дается также в единственном числе.

В-третьих, понятие о соисполнителе дается в УК РФ в ч. 2 ст. 33 применительно к характеристике действий исполнителя, непосредственно участвующего в совершении преступления. Аналогичного указания в ч. 3 ст. 16 УК РБ нет. На соисполнительство как форму соучастия белорусский законодатель указывает в другой норме - применительно к характеристике группы лиц (ч. 1 ст. 17).

Особенностью УК РБ также является признание (ч. 4 ст. 16) отдельной роли в соучастии наряду с организатором и руководителя преступления. Это положение, пожалуй, можно считать преимуществом УК РБ над УК РФ, т. к. идет смысловое разделение ролей в соучастии, а так-

же в этом отражается, по сути, специфичность деятельности названного субъекта.

Исходя из вышеперечисленного, данное указание о наличии руководителя как возможного участника преступления является достаточно логичным, т. к. при ведении уголовного дела может являться особым критерием общественной опасности и оценки действий и личности лица - необходимых критериев для применения и назначения наказания.

Думается, названное положение должно найти свое отражение в УК РФ, тем более что правоприменитель в лице высшей судебной инстанции указывает на это [6].

Определение подстрекателя, данное в ч. 5 ст. 16 УК РБ, более кратко, нежели чем то, что дано в ч. 3 ст. 33 УК РФ. В УК РФ, описывая подстрекателя преступления, законодатель указал на то, что это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Фактически в ч. 3 ст. 33 УК РФ речь идет о том, что способов подстрекательского воздействия много, при этом называются некоторые из них. УК РБ не ограничивает белорусского правоприменителя в выборе того, каким способом подстрекатель возбудил в другом лице желание совершить преступление, т. к. необходимым условием является сам факт склонения к совершению преступления. Данная позиция видится нам как обоснованная и оценивается как позитивный момент УК РБ [7].

Далее обратимся к формулировке пособничества в преступлении, данную в ч. 6. ст. 16 УК РБ. Поскольку способы пособничества, перечисленные в уголовном законе, носят исчерпывающий характер, указание в ч. 6 ст. 16 УК РБ: «... либо оказанием иной помощи ...» говорит о том, что перечень пособнических действий не такой уж и ограниченный. По сути, любое оказание исполнителю помощи в совершении преступления по уголовному закону Республики Беларусь образует пособничество. Полагаем, что такое указание, является необходимым для включения и в текст УК РФ, поскольку современные реалии жизни ставят правоприменителя в затруднительное положение в связи с динамичным изменением

жизни и возможностью появления новых способов по обеспечению поддержки или сокрытия преступлений.

Стоит отметить, что вопросы, связанные с ответственностью соучастников, в т. ч. и специальные вопросы ответственности соучастников, в УК РФ описаны более полно. Так, в частности, в УК РБ мы не находим ряд существенных положений, указанных в ст. 34 УК РФ.

Полагаем, что это связано с уже указанным недостатком УК РБ, структура норм которого не отвечает в полной мере требованиям системности норм правовых институтов в рамках статей уголовного закона.

Положения, которые будут описаны ниже, касаются особенностей подходов российского и белорусского законодателей к формам соучастия. В большинстве своем, как это уже было отмечено, понятия о совершении преступления в той или форме соучастия совпадают. Вместе с тем:

1. В определении совершения преступления группой лиц в ч. 1 ст. 17 УК РБ отсутствует указание на негативный признак «без предварительного сговора», который присутствует в ч. 1 ст. 35 УК РФ. Думается, что наличие этого негативного признака должно быть обязательным, поскольку именно он, наряду с совместным участием двух или более исполнителей, является ключевым для квалификации действий виновных как совершенных в составе группы.
2. Анализируемые нормативные акты по-разному закрепляют понятие организованной группы. В УК РБ закреплены: два или более участника, устойчивость группы, управляемость, наличие предварительного сговора, специальная цель - осуществление преступной деятельности. Тем самым белорусский законодатель установил, что в организованной группе должна быть управляемость, которая, исходя из логики, обеспечивается за счет подчинения (повиновения) других лиц (лица) руководителю данной группы. Потому нельзя говорить о наличии в такой группе только соисполнителей, а необходимо выделе-

ние организатора. В УК РФ данное указание отсутствует, но высшая судебная инстанция отмечает, что «в отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, организованная группа характеризуется, в частности, <. . . > наличием в ее составе организатора» [8]. Данное указание правоприменителя, на наш взгляд, следует воспринять и включить подобное указание по примеру белорусского законодателя в текст соответствующей статьи УК РФ. Кроме того, различие в формулировке целей также наталкивает на мысль, что в УК РФ предполагается как долгосрочное осуществление преступных действий (несколько преступлений), так и совершение одного, но требующего тщательной подготовки преступного деяния виновными лицами. Белорусский законодатель в этом смысле более категоричен и требует подтверждения преступной деятельности, не состоящей лишь из совершения одного-двух преступлений.

3. Законодательное закрепление понятия преступной организации («преступного сообщества» - именно этот термин используется как альтернативный для названной формы соучастия в УК РФ) также имеет существенные различия. УК РФ в ч. 4 ст. 35 указывает на «структурированность»; действие «под единым руководством». Эти положения отсутствуют в ч. 1 ст. 19 УК РБ. Об этом не говорится в законодательстве России. Альтернативно в УК РФ указывается иная цель осуществления преступной деятельности. С одной стороны, таким указанием законодатель четко определил, каким образом можно отделить преступную организацию (сообщество) от организованной группы. С другой стороны, отсутствие данного положения (указания на цель) в УК РБ не ограничивает белорусского правоприменителя в возможности определения такой формы соучастия (при наличии и иных условий, обозначенных в ч. 1 ст. 19) для преступлений, представляющих особую опасность.

4. Положения ч. 9 ст. 16 УК РБ, которые определяют, что «соучастники несут повышенную ответственность, если преступление совершено группой лиц, непосредственно принявших участие в его совершении (соисполнительство), либо организованной группой, либо преступной организацией», несколько отличаются от того, что указано в ч. 7 ст. 35 УК РФ. Российский законодатель в этом смысле более точен, т. к. указывает не только на группу лиц, перечисляя формы соучастия, но и указывает группу лиц по предварительному сговору. Кроме того, белорусский законодатель говорит о «повышенной ответственности» соучастников, тогда как в УК РФ указывается «влечет более строгое наказание», что является более справедливым [9].
5. К числу отличительных признаков, определяющих пределы ответственности организаторов преступной организации и ее участников, следует отнести положения ч. 5 ст. 35 УК РФ и ч. 4 ст. 19 УК РБ.
6. Следующим отличительным признаком УК РБ выступает то, что в соответствии с ч. 9 ст. 16 «участники организованной группы и преступной организации признаются исполнителями независимо от их роли в совершенных преступлениях». Таким образом, соисполнителями преступлений, совершенных организованной группой, являются как их непосредственные исполнители из числа участников группы, так и участники группы, выполнявшие пособнические или организаторские функции при совершении этих преступлений [10]. Названные положения не нашли своего закрепления в УК РФ, но на них указывается в разъяснениях высшей судебной инстанции. Думается, что это еще одно положение, которое следует включить в текст российского уголовного закона.

Отличительной особенностью УК РБ является указание в Общей части особых условий и оснований для освобождения лиц, являющихся членами организованных групп и преступных организаций, от уголовной

ответственности в связи с содействием правосудию посредством раскрытия этих групп (организаций), изобличения и пресечения их деятельности [11].

В Общей части УК РФ возможность освобождения соучастника от уголовной ответственности по названным выше основаниям не предусмотрена. Вместе с тем в Особенной части УК РФ данные положения содержатся, например в примечании к ст. 210.

Аналогичным образом сформулированы в особенной части УК РФ примечания к ст. 2054 «Организация террористического сообщества или участие в нем», ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 2821 «Организация экстремистского сообщества». При этом поощрительных норм, аналогичных белорусским, применительно к ст. 209 «Бандитизм» и ст. 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» в УК РФ не имеется.

Таким образом, на основании исследования всех перечисленных выше особенностей уголовного закона Республики Беларусь и Российской Федерации можно прийти к определенным выводам: несмотря на общую схожесть некоторых основополагающих положений УК РФ и УК РБ нельзя исключать наличие как структурных, так и содержательных различий в их отдельных частях и статьях уголовного законодательства.

Результаты проведенного исследования характеризуются следующим. Законодательная регламентация основных положений института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь обладает схожими чертами: понятие и признаки соучастия, разделение соучастников преступления на виды, а также определение форм соучастия являются практически идентичными.

Особенности законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся особенности структурного характера, а ко второй - особенности содержательного характера.

Учет рассмотренных специфических черт белорусского уголовного закона, рассмотренных в настоящей работе, может быть использован законодателем в целях совершенствования как концептуальных положений УК, касающихся, например, расширения оснований уголовной ответственности, так и отдельных элементов института соучастия в преступлении.

Список литературы

1. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут. 2013. 409 с.

2. Веремеенко И. В., Веремеенко В. М. История возникновения и развития соучастия в уголовном праве Республики Беларусь в досоветский период // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сборник научных трудов. Могилев, 2014. С. 151.

3. Грунтов И. О., Шидловский А. В. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступности. Минск: Издательский центр БГУ, 2018. 863 с.

4. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 г.) (с изм. от 16 ноября 2006 г.) URL: http://docs.cntd.ru/document/901781490 (дата обращения: 20.05.2021).

5. Глухова О. В. Соучастие в преступлении по уголовному законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2013. № 1. С. 149–156.

6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25.09.2003 № 9 // Советская Белоруссия. 2003. № 192.

7. Аминев Т., Биккинин И. К понятию организованной группы //

Социалистическая законность. 1990. № 9. С. 74.

8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Новые законы и нормативные акты. 2003. № 10.

9. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев: Вища школа, 1986. 208 с.

10. Хомич В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации // Судеб-

ная практика в контексте принципов законности и права: сборник научных трудов. Минск: Тесей. 2006. С. 37–62.

11. Грунтов И. О. Субъективные признаки соучастия // Судовы веснік. 2006. № 1. С. 46–50.

References

1. Arutyunov A. O. Complicity in a crime. M.: Statut. 2013. 409 p.

2. Veremeenko I. V., Veremeenko V. M. The history of the emergence and development of complicity in the criminal law of the Republic of Belarus in the pre-Soviet period // Actual problems of law, education and psychology: collection of scientific papers. Mogilev, 2014. P. 151.

3. Gruntov I. O., Shidlovsky A. V. Criminal law course: in 5 volumes. General part. T. 1: The doctrine of crime. Minsk: BSU Publishing Center, 2018. 863 p.

4. Model Criminal Code of States - members of the Commonwealth of Independent States. Adopted at the seventh plenary session of the Interparliamentary Assembly of States - members of the Commonwealth of Independent States (Resolution No. 7-5 of February 17, 1996) (as amended on November 16, 2006) URL: http://docs.cntd.ru/document / 901781490 (date of access: 20.05.2021).

5. Glukhova O. V. Complicity in a crime under the criminal legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine // Vesnik Brestskaga universiteta. Gray 2. History. Ekanomyka. Rights. 2013. No. 1. Pp. 149–156.

6. On judicial practice in cases of crimes related to the creation and activities of organized groups, gangs and criminal organizations: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated September 25, 2003 No. 9 // Soviet Belarus. 2003. No. 192.

7. Aminev T., Bikkinin I. To the concept of an organized group //Socialist legality. 1990. No. 9. P. 74.

8. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 // New laws and regulations. 2003. No. 10.

9. Burchak F. G. Complicity: social, criminological and legal issues. Kiev: Vishcha school, 1986. 208 p.

10. Khomich V. M. Systemic and substantive changes in the institution of complicity in the Criminal Code of Belarus and standards of legality in qualifications // Judicial practice in the context of the principles of legality and law: collection of scientific papers. Minsk: Theseus. 2006. Pp. 37–62.

11. Gruntov I. O. Subjective signs of complicity // Sudovy vesnik. 2006. No. 1. Pp. 46–50.

УДК/UDC 343.241

Штраф как мера наказания по законодательству Российской Федерации

Галуева Вероника Олеговна
кандидат юридических наук, доцент
Горский государственный агарный университет
г. Владикавказ, Россия
e-mail: veronika.fbg@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6956-6246

Аннотация

В статье рассматривается история применения штрафа в российском государстве начиная со времен «Русской Правды» и заканчивая действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, а также трансформация системы штрафных наказаний. Отмечается, что место и роль штрафа была различной и зависела не только от уровня развитости законодательства в государстве, но и от степени влияния на общество его рыночных начал. Исследуются различные подходы к понимаю штрафа в России, практика применения штрафа в зарубежных странах, а также порядок применения судами штрафных санкций в качестве основного и дополнительного наказания.

Ключевые слова: преступление, наказание, штрафные санкции, уголовное законодательство, судимость, исполнение наказания, лишение свободы.

Fine as a measure of punishment under the legislation of Russian Federation

Galueva Veronika Olegovna
Candidate of Law, assistant professor
Gorsky State Agar University
Vladikavkaz, Russia
e-mail: veronika.fbg@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6956-6246

Abstract

The article examines the history of the application of a fine in the Russian state, starting from the time of "Russian Pravda"and ending with the current Criminal Code of the Russian Federation, as well as the transformation of the system of penalties. It is noted that the place and role of the fine was different and depended not only on the level of development of legislation in the state, but also on the degree of influence of its market principles on society. Various approaches to understanding a fine in Russia, the practice of applying a fine in foreign countries, as well as the procedure for the application of penalties by courts as the main and additional punishment are investigated.

Key words: crime, punishment, penalties, criminal legislation, criminal record, execution of punishment, imprisonment.

Термин «штраф» употребляется в санкциях разных отраслей права и имеет свои особенности назначения и установления размера:

1. При рассмотрении гражданско-правовых споров основанием для наложения штрафа служит нарушение каких-либо договорных обязанностей, например задержка поставки товаров и т. д. Штрафная санкция обычно соответствует размеру причиненного ущерба, в т. ч. упущенной выгоды. В процессе судебного разбирательства ответчик может доказать свою невиновность, ссылаясь на непреодолимые обстоятельства, в силу которых были нарушены обязательства.
2. Налоговое право рассматривает штраф как налоговую санкцию в виде денежного взыскания. Штраф является единственной мерой налоговой ответственности. Налоговому праву известны смягчающие обстоятельства (когда сумма штрафа уменьшается вдвое) и отягчающие (увеличивающие штраф на 100%).
3. Административное право основной санкцией по административным нарушениям называет штраф. Штраф может быть наложен как на физическое лицо, так и на организацию. Штрафы в административном праве взыскиваются за неуплату налогов,

нарушение правил дорожного движения, мелкое хулиганство и т. д.

4. Уголовное право рассматривает штраф как один из видов наказания при совершении преступления небольшой тяжести. Часто штраф комбинируется с более суровым наказанием и выступает дополнительной мерой ответственности.

Порядок применения, размер, условия рассрочки и частичного освобождения от уплаты штрафов регулируется нормативными актами соответствующих отраслей права: Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации, Налоговым кодексом Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовным кодексом Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ).

В правосознании граждан штраф не всегда ассоциируется с видом уголовного наказания, однако на практике его применение тесно связано с преступными деяниями.

Преступность как социальное явление неразрывно связано с формированием государства и его особенностями развития. С момента образования древнерусского государства развивалось и законодательство, в т. ч. предусматривающее ответственность за совершение противоправных деяний. Первые законодательные нормы в области уголовного права были оформлены в «Русской Правде», включающей несколько редакций.

Система наказаний Древней Руси предусматривала достаточно большое количество штрафов, причем за разные виды преступлений штрафы назывались по-разному. Вне зависимости от своих названий все они имели адресную направленность и карательную сущность.

Несмотря на всю глубину веры древних славян, очень широко применялась система штрафов в сфере церковного права. Поступления от штрафных санкций шли напрямую владыке. В способах наказаний древнерусское церковное право не соответствовало каноническому и византийскому праву, где основными санкциями являлись отстранение от молитв, введение дополнительных постов, наложение епитимьи, а также

членовредительские наказания. Русская церковь понимала преимущество сборов денежных штрафов с целью пополнения жертвенной казны [1].

С процессом централизации и укрепления русского государства система уголовных санкций становится все более суровой и все сильнее принимает устрашающий характер.

Довольно обширная система штрафных наказаний постепенно вытесняется смертной казнью, которая применялась практически за любое преступление (разбой, душегубство, кражу, государственную измену, святотатство, похищение человека, поджог), т. е. не оставалось практически ни одного преступления, наказание за которое не предусматривало бы смертной казни.

Происходящие изменения в уголовном праве отразились на денежных взысканиях в системе наказаний по Уложению 1845 г., где они находились в самом конце, т. е. штрафам не уделялось достаточно внимания и применялись они редко. Но Уложение содержало и новеллу, ранее не практиковавшуюся в уголовной практике. Впервые в законодательной практике была четко регламентирована процедура замены денежного наказания иным видом наказания. Происходило это в случае, если виновный был не в состоянии уплатить денежный штраф. В ст. 85 Уложения, например, была закреплена возможность осужденного заменить денежное взыскание на общественные работы.

Следующим значимым актом в истории уголовного законодательства был Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Обобщая опыт применения штрафа как уголовного наказания, можно сказать, что среди всех остальных наказаний штраф занимал первое место, практически в половине дел он выносился в качестве меры наказания. Так, в Татарской ССР в 1924 г. к наказанию в виде штрафа были приговорены 61% подсудимых [2].

С января 1961 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Ст. 21 Кодекса предусматривала систему из 9 видов наказаний, в которой штраф занимал четвертое место. Всего в Особенной части

Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. содержалось 327 санкций, в т. ч. 59 санкций со штрафом. Примерно в половине санкций со штрафом он предусматривался как альтернативное лишению свободы наказание. И хотя абсолютное число таких санкций по сравнению с УК РСФСР 1926 г. выросло с 21 до 30, их относительная доля осталась практически на прежнем уровне (8 и 9% соответственно) [3].

В 1980-е гг. удельный вес штрафа в числе всех уголовно-правовых мер существенно менялся. Эти годы запомнились общегосударственной программой борьбы с пьянством, что, возможно, сказалось на общем снижении преступности. В 1986–1987 гг. суды стали применять наказание в виде штрафов в несколько раз чаще, что напрямую связано с большим количеством дел по статьям, связанным с изготовлением, сбытом, хранением спиртных напитков, наказание по которым выражалось в штрафных санкциях.

Со временем абсолютные денежные суммы штрафов утратили свою актуальность. Максимальный штраф к 1990 г. составлял тысячу рублей, а заработная плата составляла несколько тысяч. Связано это было с переходом к рыночной экономике, новыми инфляционными процессами и вхождением России в новую формацию. Требовалось и обновление системы исчисления штрафов.

Таим образом, мы видим, что не только место штрафа, но и его роль была различной и зависела не только от уровня развитости законодательства в государстве, но и от степени влияния на общество его рыночных начал.

Современное законодательство всячески способствует более широкому применению штрафов в качестве меры наказания. Так, внесенные изменения в УК РФ существенно расширяют штрафные санкции. В основном это экономические преступления, преступления против собственности, экологические преступления и др. [4].

В сложившейся ситуации дело остается за правоприменителем, от которого и будет зависеть частота применения штрафов в виде наказания.

Уголовное законодательство большинства стран мирового сообщества признает штраф как меру наказания за уголовные преступления. При этом в большинстве случае штраф выступает не только как основное наказание, но и как альтернатива иным видам уголовных санкций, например лишению свободы.

Статистика применения штрафа судебными органами зарубежных стран показывает, что он является самым часто применяемым видом наказания. При этом редко он является единственно возможным видом наказания.

Для всего общества и конкретно подсудимого штраф является наиболее приемлемой мерой, т. к. общество получает пополнение государственного бюджета, а подсудимый - возможность быть освобожденным от такого малоприятного наказания, как лишение свободы.

Как вид наказания штраф используется уголовными законами всех стран мира, однако сама конструкция штрафных санкций в различных государствах может отличаться. Так, по законодательству США, Великобритании, Австралии, Сингапура, Голландии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Дании, Финляндии, Японии, Израиля и Венгрии на правонарушителя накладывается «штраф», Польши - «денежное взыскание», Австрии - «выплата денежной суммы в размере незаконного обогащения» [5].

Некоторые государства постсоветского пространства - Республика Беларусь, Киргизская Республика, Республика Казахстан, Республика Молдова - закрепляют в своем уголовном законе применение штрафа как дополнительного наказания только в конкретно предусмотренных случаях, в остальном же - только в качестве основного.

Государства Европы - Дания, Германия, Италия и др. - предусматривают штраф в качестве дополнительной меры к лишению свободы только в случае совершения корыстных преступлений. Иные государства, например США, довольно часто практикуют такое наказание.

Ряд государств предусматривают штраф как дополнительную меру по умолчанию на усмотрение суда даже в том случае, если это прямо не предписано статьей закона.

В современном уголовном законодательстве зарубежных стран прослеживается новая тенденция введения рассрочки уплаты штрафа, получения возможности освобождения от части штрафа в том случае, если плательщик начинает уплачивать его добросовестно. В случае же невозможности его уплаты предусматривается замена штрафной санкции на лишение свободы.

Штраф является одним из наказаний за совершение уголовного правонарушения и предусмотрен ст. 44 УК РФ. В перечне наказаний статьи штраф стоит на первом месте, т. е. является самым мягким уголовным наказанием.

Штраф не ограничивает осужденного в свободе действий и передвижении в отличие от большинства уголовных наказаний. В случае если штраф является основным наказанием, после его уплаты лицо считается исполнившим наказание. Согласно ст. 46 Бюджетного кодекса Российской Федерации сумма штрафа, назначенного приговором суда, полностью подлежит зачислению в федеральный бюджет [6].

На сегодняшний день уголовное законодательство предусматривает наказание в виде штрафа примерно в 40% статей УК РФ, тем не менее судебная практика свидетельствует о достаточно редком применении штрафа как основного наказания: примерно 10% обвинительных приговоров подкрепляются штрафными санкциями.

Как уголовное наказание штраф преследует те же цели, что и иные виды наказаний. Это в первую очередь исправление осужденного, предотвращение совершения новых преступлений, а также восстановление социальной справедливости путем лишения (или ограничения) прав и свобод лица, в отношении которого вынесен приговор суда.

Особенностью штрафа является наказание преступника, которое не лишает его свободы. Такая мера актуальна для лиц, которые не пред-

ставляют опасности для общества, и абсолютно неприемлема для преступников, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Особенность штрафа как уголовного наказания заключается в нескольких факторах, которые подчеркивают его преимущества:

1) существенная экономия финансов государства, связанных с исполнением наказания (не тратятся бюджетные средства на содержание преступника в местах лишения свободы, его конвоирование и т. д.);
2) отсутствие отрицательного влияния на лицо, совершившее нетяжкое преступление, преступников, отбывающих наказания за более тяжкие преступления;
3) сохранение возможности виновного быть членом социума, продолжать учиться и работать, принося обществу пользу;
4) сохранение ячейки общества, т. к. большинство преступников - это лица мужского пола средних лет, которые потенциально могут являться кормильцами в семье;
5) поступление финансов в бюджет за счет уплаты штрафов.

Однако не всеми учеными признаются только положительные стороны штрафа как уголовного наказания. Некоторые ученые полагают, что, уплачивая штраф, преступник как бы откупается от более сурового наказания, не осознавая своей вины и не раскаиваясь, и в дальнейшем это никак не повлияет на предупреждение рецидива.

При определении суммы штрафа судом берется во внимание конкретная статья УК РФ, определяющая границы штрафной санкции, все условия совершенного преступления, финансовую состоятельность подсудимого, а также его семьи, наличие или отсутствие постоянной работы или иной занятости, а также размер дохода осужденного, который бы позволял ему выплатить штраф.

Если же у осужденного отсутствует финансовая возможность выплачивать штраф, судом назначается иной вид наказания в соответствии со статьей УК РФ.

Практика свидетельствует, что назначение размера штрафа в твердой денежной сумме имеет место в случае, если подсудимый из малообеспеченных слоев населения. Если же преступник имеет более широкие финансовые возможности, то для него устанавливается определенный процент от доходов. В этом случае наказание для него становится более ощутимым. Сторона подсудимого имеет право обратиться к суду с просьбой об уменьшении штрафной санкции ввиду определенных обстоятельств, но решение принимается исключительно судом по собственному усмотрению.

В соответствии с нормами ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации срок для уплаты штрафа предусмотрен в течение 60 дней. Исчисляются они с момента истечения срока, предусмотренного для обжалования приговора, т. е. с момента вступления его в законную силу. Однако если подсудимый не имеет намерения обжаловать решение суда, то он может оплатить штраф сразу же, не дожидаясь истечения срока.

Выбор варианта замены штрафа на иное наказание зависит от того, в качестве основного или дополнительного наказания он был назначен. В случае если штраф является основным наказанием, неуплата его в положенный срок (60 дней или один период рассрочки) признается злостным уклонением. При этом не имеет значения, что осужденный предупредил пристава-исполнителя, предоставил объяснение о причинах неуплаты и т. д. В случае неуплаты штрафа осужденным на приставе-исполнителе лежит обязанность направить представление в суд для выбора иного наказания в качестве замены.

Кроме того, штраф не является наследством, т. е. не переходит к наследникам вместе с иными долгами после смерти осужденного. Штраф назначается конкретному лицу за конкретное преступление, т. е. он индивидуален. В этом положении реализуется принцип индивидуализации наказания.

Таким образом, штраф представляет собой один из видов наказания за преступные деяния, предусмотренных УК РФ. Несмотря на

его мягкость по сравнению с иными видами наказаний, для назначения штрафной санкции необходимо признание судом лица виновным в совершении преступления, т. е. должен вступить в силу обвинительный приговор. Только после этого осужденный должен уплатить штраф.

Из этого следует, что даже при уплате уголовного штрафа лицо будет считаться судимым до момента погашения или снятия судимости - по истечении года с момента полной оплаты штрафа. В случае если штраф вовремя не оплачен, срок, необходимый для погашения судимости, не начнет течь и, как следствие, существует возможность, что лицо будет оставаться на долгое время судимым.

Список литературы

1. Русское православие: вехи истории. М., 1989. 719 с. С. 36.

2. Зайнулабидова С. Т. Штраф как уголовное наказание и проблемы его применения: дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 187 с. С.18.

3. Герцензон А. А. История советского уголовного права. М., 1974.

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Парламентская газета. 11.12.2003.

5. Некрасова Е. А. Применение штрафа в законодательстве зарубежных стран // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1576–1580.

6. Галуева В. О., Халиев Д. Р. Особенности штрафа как уголовного наказания // Молодой ученый. 2021. № 13(355). С. 145–146.

References

1. Russian Orthodoxy: milestones in history. M., 1989. 719 p. P. 36.

2. Zainulabidova S. . Fine as a criminal punishment and problems of its application: diss. ... Cand. legal sciences. Makhachkala, 2006. 187 p. P. 18.

3. Gerzenson A. A. History of Soviet Criminal Law. M., 1974.

4. On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.12.2003 No. 162-FZ // Parliamentary newspaper. 11.12.2003.

5. Nekrasova E. A. Application of a fine in the legislation of foreign countries // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2017. Vol. 39. Pp. 1576–1580.

6. Galueva V. O., Haliev D. R. Features of a fine as a criminal punishment // Young Scientist. 2021. No. 13 (355). Pp. 145–146.

УДК/UDC 343.352

Зарубежный опыт противодействия коррупции

Живодрова Надежда Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия
e-mail: jivodrova@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется понятие коррупции, содержащееся в ряде международных актов, делается вывод, что в них нет единого подхода к определению понятия коррупции. Приводится оценка эффективности борьбы с коррупцией в соответствии с Индексом восприятия коррупции, составляемом международной организацией Transparency International, в основу которого положены опросы среди экспертов и в деловых кругах. Проанализирован опыт противодействия коррупции в таких странах, как Новая Зеландия, Дания, Финляндия, Сингапур, занимающих лидирующие позиции в Индексе восприятия коррупции. Также рассмотрен опыт противодействия коррупции в Германии, США, Китае. Приведены санкции за коррупционные преступления, содержащиеся в национальных уголовных законах. Сделан вывод о том, что рассматриваемые зарубежные страны уделяют особое внимание борьбе с коррупцией и предпринимают различные меры противодействия ей.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, противодействие коррупции, подкуп должностных лиц, взяточничество, использование служебного положения, публичное лицо.

Foreign experience in combating corruption

Zhivodrova Nadezhda Anatolyevna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Penza State University
Penza, Russia
e-mail: jivodrova@mail.ru

Abstract

The article analyzes the concept of corruption, contained in a number of international acts, it is concluded that they do not have a unified approach to the definition of the concept of corruption. The article provides an assessment of the effectiveness of the fight against corruption in accordance with the Corruption Perceptions Index compiled by the international organization Transparency International, which is based on surveys among experts and business circles. The experience of combating corruption of such countries as New Zealand, Denmark, Finland, Singapore, which occupy leading positions in the Corruption Perceptions Index, is analyzed. The experience of combating corruption in Germany, USA, China is also considered. Sanctions for corruption crimes contained in national criminal laws are given. It is concluded that the foreign countries under consideration pay special attention to the fight against corruption and take various measures to counter it.

Key words: corruption, corruption crimes, anti-corruption, bribery of officials, bribery, abuse of office, public figure.

Понятие коррупции содержится в ряде международных актов. В ст. 8 «Конвенции против транснациональной организованной преступности» Организации Объединенных Наций понятие коррупции раскрывается посредством перечисления коррупционных деяний: обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей, либо вымогательство или принятие указанными лицами неправомерного преимущества [1].

В гл. 3 «Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» понятие коррупции раскрывается через ряд статей: подкуп национальных публичных должностных лиц, подкуп иностранных должностных публичных лиц, подкуп должностных лиц публичных международных организаций, хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом, зло-

употребление влиянием в корыстных целях, злоупотребление служебным положением, незаконное обогащение, подкуп в частном секторе, хищение имущества в частном секторе [2].

Исходя из приведенного понятия можно констатировать, что указанная Конвенция содержит достаточно емкое понятие коррупции, которое не сводится только лишь к взяточничеству, а включает ряд других правонарушений, которые относит к коррупционным.

Еще одним международным актом, регулирующим вопросы противодействия коррупции, является «Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию». Как и вышеназванные международные акты, Конвенция содержит достаточно обширный перечень деяний, подпадающих под коррупционные преступления. Он включает в себя активный и пассивный подкуп, использование своего служебного положения в корыстных целях, «отмывание» доходов от преступлений, подкуп судей и т. д. [3].

Принятая Советом Европы «Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию» определила коррупцию как просьбу, предложение, дачу и получение, прямо или опосредованно, взятки или любого другого ненадлежащего имущества или перспектив таковых, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведения, требуемое от получения взятки, ненадлежащего имущества или перспектив таковых. При практическом использовании данного определения коррупционные действия сводятся к взяточничеству [4].

В принятом 17 декабря 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН «Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» под коррупцией подразумевается совершение либо несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие [5].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в различных международных правовых актах нет единой концепции определения коррупции.

Международное законодательство, как правило, не сводит коррупцию к даче либо получению взятки, а старается дать более обширное толкование данному явлению. Вышеуказанные международно-правовые акты едины в том, что к коррупционным деяниям относят корыстные действия с использованием публичным лицом своего служебного положения и в связи с исполнением им своих полномочий [6].

Можно выделить признаки, схожие с закрепленными в законодательстве Российской Федерации: корыстный мотив, ответственность за совершенное деяние, наличие специального субъекта (публичное лицо).

Таким образом, международное законодательство по-разному подходит к определению коррупции, но в то же время имеет ряд сходств, на которых и должно базироваться национальное законодательство, при этом формируя собственную позицию по данной проблеме в соответствии с особенностями совершаемых коррупционных преступлений в своем регионе.

На основе норм международного права каждое государство выстраивает свою модель ведения антикоррупционной деятельности, и Россия не исключение. На сегодняшний день мы можем оценить эффективность борьбы с коррупционными преступлениями, исходя из положения России в рейтинге уровня коррупции в различных странах мира. Одним из показателей служит Индекс восприятия коррупции.

Так, Индекс восприятия коррупции ежегодно (начиная с 1995 г.) составляется международной организацией Transparency International. Его основу формируют опросы среди экспертов и в деловых кругах. Опрос осуществляют независимые эксперты в области государственного управления или бизнес-климата. По итогам 2020 г. самыми нетерпимыми к коррупции странами оказались Новая Зеландия, Дания, Финляндия, Сингапур. Швеция и Швейцария поделили третье место. Также хотелось бы отметить и ряд других государств и обратить внимание на опыт борьбы с

коррупцией в данных странах. Германия заняла 9-е место в этом рейтинге, США - 25-е, Китай - 78-е, Россия - 129-е. Сомали и Южный Судан заняли последнее место в Индексе восприятия коррупции - 179-е. При этом стоит отметить, что Россия по сравнению с 2018–2019 гг. набрала на 2 балла больше. Статистика, представленная на рис. 1, составлена на основе показателей Индекса восприятия коррупции в государственном секторе в различных странах мира [7].

Индекс восприятия коррупции

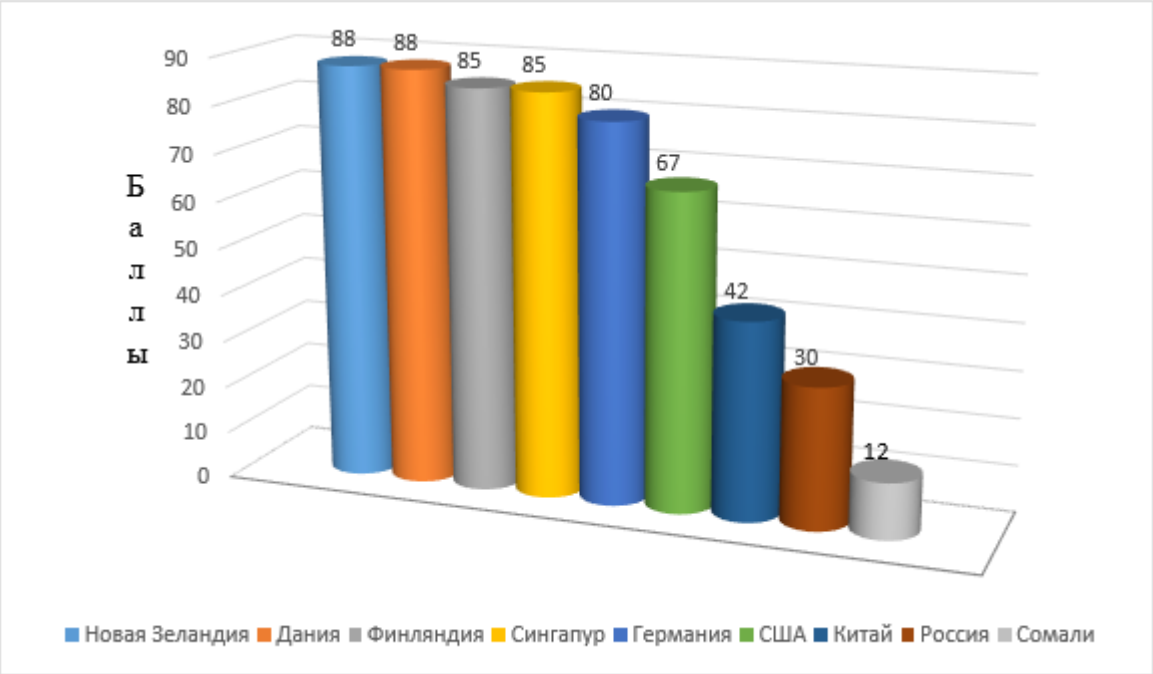

Рисунок 1

Одной из причин лидирования Новой Зеландии в борьбе с коррупцией является немногочисленность населения этой страны. Но вместе с тем там ведется достаточно серьезная работа по борьбе с коррупционными правонарушениями. Риск коррупции для бизнеса в Новой Зеландии минимален. Страна регулярно попадает в число наименее коррумпированных стран мира по всем основным рейтинговым институтам и индексам. Прозрачные институты и строгое правоприменение эффективно сдерживают коррупцию. Регуляторная среда благоприятна для бизнеса, и получение лицензий или государственных услуг часто занимает всего один день. Активный и пассивный подкуп в частном и государственном

секторах запрещен Законом «О преступлениях» и Законом «О тайных комиссиях». Наказания варьируются от штрафа в размере 2000 новозеландских долларов до 14 лет тюремного заключения. Государственные служащие не могут просить или принимать подарки в соответствии с Кодексом поведения Комиссии по государственным услугам. Платежи за содействие являются незаконными, за исключением узкого исключения для иностранных государственных должностных лиц.

Новая Зеландия имеет широкую правовую базу для борьбы с коррупцией и применяет строгие меры наказания за коррупционную практику. Два статута криминализируют активный и пассивный подкуп: Закон «О преступлениях» в государственном секторе и Закон «О тайных комиссиях» в частном секторе. Ни один из статутов не допускает выплат за содействие, но Закон «О преступлениях» предоставляет исключение, если преступление совершено только для того, чтобы обеспечить или ускорить выполнение иностранным государственным должностным лицом рутинного правительственного действия при условии, что стоимость выгоды невелика. Согласно Закону «О тайных комиссиях», корпорация, осужденная за преступление, подлежит штрафу в размере до 2000 новозеландских долларов. Физическое лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 2 лет или штрафа в размере до 1000 новозеландских долларов. В соответствии с Законом «О преступлениях» большинство преступлений, связанных с взяточничеством, караются тюремным заключением на срок не более семи лет, за исключением обвинительных приговоров за судебную коррупцию, а также коррупцию или взяточничество министрами королевства, которые могут быть наказаны тюремным заключением на срок до 14 лет.

Принятый в ноябре 2015 г. Закон «Об организованной преступности и борьбе с коррупцией» предусматривает ряд мер по борьбе с незаконной деятельностью, такой как отмывание денег, взяточничество и преступность, связанная с наркотиками. В соответствии с этим Законом наказания за взяточничество и коррупцию в частном секторе увязываются с правонарушениями, связанными со взяточничеством в государственном

секторе путем увеличения наказания с максимального срока лишения свободы на 2 года до максимального срока лишения свободы на 7 лет; преступления подкупа иностранных должностных лиц также усилены в ответ на рекомендации Рабочей группы ОЭСР по взяточничеству.

В новозеландском Кодексе поведения на государственной службе указано, что государственные служащие не могут злоупотреблять своими функциями или принимать какие-либо подарки, награды или льготы, которые могут поставить под угрозу их честность. Подарки могут быть приняты только после прозрачного процесса декларирования и регистрации. Закон «О защищенном раскрытии информации» защищает работников и других лиц в частном и государственном секторах, которые информируют о серьезных нарушениях на своем рабочем месте. Он предоставляет информаторам иммунитет от гражданских и уголовных разбирательств против них, основанных на том, что они осуществили раскрытие информации, и наделяет сотрудников правом защиты, если работодатель в ответ увольняет или ставит в невыгодное положение этого работника [8].

Дания характеризуется «неподкупностью», «абсолютной нетерпимостью» к коррупционному поведению. В стране пакет антикоррупционных законодательных актов включает в себя порядка 20 нормативно-правовых актов, предусматривающих уголовную и административную ответственность за коррупционные правонарушения. В соответствии с действующим законодательством государственные служащие обязаны ежегодно подавать сведения о доходах, а граждане, поступающие на службу, обязаны осуществить отчуждение ценных бумаг, принадлежащих иностранным компаниям. В п. 122 Уголовного кодекса Дании установлена ответственность за необоснованное предложение, обещание или предложение кому-либо, работающему на датской, иностранной или международной государственной службе или должности, подарка или иного преимущества с целью побудить это лицо сделать или упустить что-либо на службе. Санкция предусматривает наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до 6 лет. Аналогичные санкции преду-

смотрены и для лиц, оправдывающих подарки и преимущества (п. 144). П. 145 Уголовного кодекса Дании предусматривает наступление ответственности должностного лица за требование или получение необоснованного приказа об уплате налогов или пошлин или исполнение приказа, содержащего недостоверные сведения о налогах или пошлинах в целях получения личной выгоды и наказывается лишением свободы на срок до двух лет. Кроме того, датским компаниям предоставлено право разрабатывать собственные антикоррупционные программы и вводить кодексы поведения для своих сотрудников, включающие морально-этические положения, устанавливать ответственность за их нарушение [9].

В 2019 г. Группа государств Совета Европы по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) призывало Данию усилить свою политику по предотвращению коррупции в отношении лиц, наделенных высшими исполнительными функциями (членов правительства и в некоторых случаях специальных советников), а также полиции. Особое внимание рекомендовано уделить правилам взаимодействия лиц, обладающих высшими должностными полномочиями, с лоббистами, а также их трудоустройству после прекращения службы в государственном секторе («вращающиеся двери»). Также была дана рекомендация властям разработать стратегию, направленную на снижение коррупционных рисков для лиц, выполняющих высшие исполнительные функции, дополненную применимым кодексом поведения, а также систематическими брифингами по вопросам добросовестности. Принятые датскими властями меры будут оценены в 2021 г.

В Финляндии систему органов, занимающихся противодействием коррупции, составляют Министерство юстиции, Национальное бюро расследований, Генеральная прокуратура. Деятельность перечисленных органов направлена на противодействие коррупции преимущественно в государственном секторе. В Финляндии единый кодифицированный акт о противодействии коррупции, положения о борьбе с коррупцией содержатся в Уголовном кодексе Финляндии и Законе «О государственной службе». В частности, в соответствии с п. 15 Закона «О государственной

службе» чиновник не имеет права требовать, принимать, получать никакой финансовой или иной выгоды, если это может подорвать доверие к чиновникам или властям [10]. Положения уголовного законодательства в области противодействия коррупции содержатся в нормах различных глав: гл. 16 (разд. 13–14b - активное взяточничество членов Парламента), гл. 40 (разд. 1–4a - пассивное взяточничество членов Парламента), гл. 30 (разд. 7–8a - взяточничество в частном секторе) [11].

Для рассмотрения коррупционных дел против высокопоставленных чиновников созывается Государственный суд. По общему же правилу расследованием коррупционных преступлений занимаются органы полиции. Причинами низкого уровня коррупции являются высокий уровень доходов граждан, низкий разрыв доходов богатых и бедных, доступ к образованию, развитая демократия на всех уровнях, неполитизированный доступ к ключевым должностям гражданской службы, открытый административный процесс управления, доверие населения. Все это обеспечивает стабильность общества, что позволяет гражданам не совершать противоправных действий.

Сингапур можно по праву считать страной, победившей коррупцию. За 40 лет государству удалось снизить ее уровень до минимума без применения жестких репрессий. Это было достигнуто за счет применения комплекса антикоррупционных мер. Так, в частности, государственные служащие по факту лишены неприкосновенности, а правоохранительные органы получили возможность контролировать банковские счета самого чиновника, а также его родственников и знакомых. Еще одной мерой стало фактическое введение презумпции виновности. Обстоятельством для возбуждения уголовного дела стал факт существенного превышения имеющегося у служащего дохода над установленным жалованием, штраф за коррупционные преступления может достигать 100 000 долларов. Были в разы увеличены зарплаты чиновников, что должно было послужить стимулом их законопослушного поведения, но впоследствии такую систему посчитали неэффективной и привязали содержание чиновников к сумме налогов на доходы [12].

Антикоррупционное законодательство США отличается своей жесткостью. Оно предусматривает высокие штрафы и лишение свободы на срок до 30 лет. Чиновники лишены иммунитета, т. е. они могут быть привлечены к ответственности в обычном порядке, что облегчает процедуру расследования. Важным элементом антикоррупционной деятельности в США является профилактика коррупции в системе государственной службы, также большую роль играют моральные кодексы госслужащих и регламентация получения подарков [13].

Для борьбы с коррупцией в Германии был предпринят ряд административных и законодательных мер. В этих целях был расширен перечень коррупционных преступлений, а также принят Закон «О борьбе с коррупцией». Согласно Директиве Федерального правительства по предупреждению коррупции в федеральной администрации МВД ФРГ от 30 июля 2004 г. определен перечень должностей, наиболее подверженных коррупционным рискам, усилен внутренний контроль, ужесточен отбор лиц на государственную службу, введена ротация госслужащих и четкое разделение предписанных процедур, связанных с государственными закупками. Необходимо отметить и тот факт, что лицо при уходе с госслужбы для трудоустройства в частном секторе должно получить разрешение правительства [14]. В 2015 г. был принят Закон «О противодействии коррупции», расширяющий положения уголовного законодательства о коррупции и противодействию «отмыванию» денег. В частности, данным Законом криминализирован подкуп иностранных должностных лиц, а также получение взятки указанными лицами, расширена территориальная сфера действия антикоррупционного законодательства: оно распространяется на преступления, совершенные немецкими гражданами за рубежом и должностными лицами Европейского Союза на территории Германии [15].

Антикоррупционное законодательство Китая отличается строгостью санкций. Уголовный кодекс Китая выделил самостоятельную гл. 8 «Коррупция и взяточничество», включающую в себя 17 составов преступлений, самыми строгими видами наказаний являются пожизненное

лишение свободы и смертная казнь. В 2018 г. были внесены изменения в Конституцию Китайской Народной Республики, предусматривающие создание Национальной надзорной комиссии. Кроме того, законодательно были закреплены порядок работы указанной Комиссии, а также создание надзорных антикоррупционных органов в муниципальных образованиях страны. Законодательством названные органы наделены широким кругом полномочий в области противодействия коррупции от контроля над инициацией и проведением расследований до возможности задержания подозреваемых лиц и сбора доказательств. По сравнению с ранее действовавшей системой органов противодействия коррупции Национальная надзорная комиссия обладает автономностью и независимостью от центрального правительства и органов местного самоуправления [16].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что зарубежные страны уделяют особое внимание борьбе с коррупцией и предпринимают различные меры к противодействию этому явлению.

Как показывает статистика, эффективность борьбы с коррупцией далеко не всегда зависит от строгости наказания. В таких странах, как Дания, Финляндия, Новая Зеландия, наказания достаточно мягкие, но уровень коррупции низок, в то время как в Китае существует высшая мера наказания, но при этом страна занимает низкие позиции в Индексе восприятия коррупции.

Наряду с предпринимаемыми мерами борьбы нельзя игнорировать и другие факторы, влияющие на уровень коррупции в государстве: численность населения, уровень экономического развития, взаимодействие с другими странами и пр. Именно поэтому Российская Федерация должна не слепо перенимать успешный опыт ряда стран, а тщательно анализировать и подбирать те методы, которые будут эффективными в существующих условиях жизни государства.

Список литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании

55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН на 51-ом пленарном заседании 31.10.2003) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.

4. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS N 174) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 04.11.1999) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=110527252502996932290787550 6&cacheid=6AAC7B101684A94A5AB21216CA8DC92B&mode=splus&base=INT&n=7783&rnd=0.05726288963165493 4#3b7i0nw228k (дата обращения: 16.06.2021).

5. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 319–325.

6. Можно ли в борьбе с коррупцией в России использовать зарубежный опыт? / Под ред. П. С. Филиппова. СПб.: Норма, 2010. 182 с.

7. Россия в Индексе восприятия коррупции - 2020: 30 баллов и 129 место // Трансперенси Интернешнл Россия. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html (дата обращения: 16.06.2021).

8. Новая Зеландия // Антикоррупционный портал Высшей школы экономики. URL: https://anticor.hse.ru/main/country/New_Zealand (дата обращения: 16.06.2021).

9. Дания // Антикоррупционный портал Высшей школы экономики. URL: https://anticor.hse.ru/main/country/Denmark (дата обращения: 16.06.2021).

10. О государственной гражданской службе: Закон от 19.08.1994 № 750 // FinLex. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1994/19940750 (дата обращения: 16.06.2021)

11. Уголовный кодекс Финляндии // FinLex. URL: https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1889/en18890039.pdf (дата обращения 16.06.2021)

12. Сингапур // Антикоррупционный портал Высшей школы экономики. URL: https://anticor.hse.ru/main/country/Singapore (дата обращения: 16.06.2021).

13. Осипов Г. В., Карепова С. Г., Некрасов С. В. Законодательный опыт борьбы с коррупцией в Соединенных Штатах Америки // Вопросы российского и международного права. 2019. № 6-1. С. 122–131.

14. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова; отв. ред. И. С. Власов, П. С. Кубанцев. М.: Инфра-М, 2018. 318 с.

15. В Германии вступил в силу новый закон о борьбе с коррупцией // Антикоррупционный портал Высшей школы экономики. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_germanii_vstupil_v_silu_novyy_zakon_o_borbe_s_korruptsiey (дата обращения: 16.06.2021).

16. В Китае создана национальная система антикоррупционных органов // Антикоррупционный портал Высшей школы экономики. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_kitae_sozdana_natsionalnaya_sistema_antikorruptsionnyh_organov (дата обращения: 16.06.2021).

References

1. Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on November 15, 2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) (as amended on 15.11.2000) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 40. Art. 3882

2. United Nations Convention against Corruption (adopted by the UN General Assembly at the 51st plenary meeting on October 31, 2003) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 26. Art. 2780.

3. The Criminal Law Convention on Corruption (concluded in Strasbourg on January 27, 1999) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 20. Art. 2394.

4. Civil Law Convention on Corruption (ETS N 174) [Russian, English] (Concluded in Strasbourg on 04.11.1999) // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=110527252502996932290787550 6&cacheid=6AAC7B101684A94A5AB21216CA8DC92B&mode=splus&base=INT&n=77726&rnd=0.05i63 (date of access: 16.06.2021).

5. Code of Conduct for Law Enforcement Officials (Adopted on 12/17/1979 by Resolution 34/169 at the 106th plenary meeting of the UN General Assembly) // International Protection of Human Rights and Freedoms. Collection of documents. Moscow: Legal Literature, 1990. Pp. 319–325.

6. Is it possible to use foreign experience in the fight against corruption in Russia? / Ed. P. S. Filippov. SPb .: Norma, 2010. 182 p.

7. Russia in the Corruption Perceptions Index - 2020: 30 points and 129th place // Transparency International Russia. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html (date of access: 16.06.2021).

8. New Zealand // Anti-corruption portal of the Higher School of Economics. URL: https://anticor.hse.ru/main/country/New_Zealand (date of access: 16.06.2021).

9. Denmark // Anti-corruption portal of the Higher School of Economics. URL: https://anticor.hse.ru/main/country/Denmark (date of access: 16.06.2021).

10. On the state civil service: Law of 19.08.1994 No. 750 // FinLex. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1994/19940750 date of access: 16.06.2021).

11. The Criminal Code of Finland // FinLex. URL: https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1889/en18890039.pdf (date of access: 16.06.2021).

12. Singapore // Anti-corruption portal of the Higher School of Economics. URL: https://anticor.hse.ru/main/country/Singapore (date of access: 16.06.2021).

13. Osipov G. V., Karepova S. G., Nekrasov S. V. Legislative experience in the fight against corruption in the United States of America // Issues of Russian and International Law. 2019. No. 6-1. Pp. 122–131.

14. Fight against corruption in law enforcement agencies abroad / V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanov; otv. ed. I. S. Vlasov, P. S. Kubantsev. M.: Infra-M, 2018. 318 p.

15. In Germany, a new anti-corruption law came into force // Anti-corruption portal of the Higher School of Economics. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_germanii_vstupil_v_silu_novyy_zakon_o_borbe_s_korruptsiey (date of access: 16.06.2021).

16. China has created a national system of anti-corruption bodies // Anti-corruption portal of the Higher School of Economics. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_kitae_sozdana_natsionalnaya_sistema_antikorruptsionnyh_organov (date of access: 16.06.2021).

УДК/UDC 343.8

Криминологические аспекты классификации подходов обеспечения кибербезопасности развитых зарубежных государств

Ковалев Олег Геннадьевич
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, академик РАЕН,
профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе
Псковский филиал Академии ФСИН России
г. Псков, Россия
e-mail: Okovalev66@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7869-4925

Семенова Наталья Владиславовна
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, судебный эксперт, член СУДЭКС
Псковский государственный университет
г. Псков, Россия
e-mail: natali_semenova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6458-9078

Скипидаров Артем Алексеевич
студент института права, экономики и управления
Псковский государственный университет
г. Псков, Россия
e-mail: temapskov@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы современной кибербезопасности и ее реализации в развитых зарубежных государствах. Предлагается авторское определение кибербезопасности на основе проведенного комплексного теоретико-эмпирического исследования. Установлено, что киберпреступниками, атакующими государственные, финансовые учреждения, оборонные, ресурсодобывающие, медицинские, туристические и другие компании и персональных пользователей, применяются разнообраз-

ные современные IT-технологии и программное обеспечение. Создание современной организационной структуры обеспечения кибербезопасности является приоритетной задачей органов государственной и исполнительной власти, бизнес-структур и общественных организаций, онлайн-сообществ. В целях использования опыта развитых зарубежных государств в данном направлении предложена классификация основных подходов в обеспечении кибербезопасности. Рассмотрен опыт реагирования различных государств на современные киберугрозы, разрешения киберситуаций различных уровней сложности.

Ключевые слова: кибербезопасность, развитые зарубежные государства, киберпреступники, IT-технологии, классификация, модели кибербезопасности, киберугрозы, киберситуации.

Criminological aspects of classification of approaches to ensuring cybersecurity in developed foreign countries

Kovalev Oleg Gennadyevich
Doctor of Law, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of Organization of the Regime and Operetional-Search Activity in the Penal System
Pscov branch of the Academy of Federal Penitentiary Service of Russia
Pskov, Russia
e-mail: okovalev66@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7869-4925

Semenova Natalya Vladislavovna
senior lecturer of the Department of Civil law and Procedure, forensic expert, member of SUDEX
Pskov State University
Pskov, Russia
e-mail: natali_semenova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6458-9078

Skipidarov Artyom Alekseyevich
student of the master's programme of the Institute of Law, Economics and Management
Pskov State University
Pskov, Russia
e-mail: temapskov@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the problems of modern cybersecurity and its implementation in developed foreign countries. The author's definition of cybersecurity is proposed on the basis of a comprehensive theoretical and empirical study. It has been established that cybercriminals attacking government, financial institutions, defense, resource extraction, medical, tourism and other companies and personal users use a variety of modern IT technologies and software. The creation of a modern organizational structure for ensuring cybersecurity is a priority task for state and executive authorities, business structures and public organizations, online communities. In order to use the experience of developed foreign countries in this direction, a classification of the main approaches to ensuring cybersecurity is proposed. The experience of the response of various states to modern cyber threats, the resolution of cyber situations of various levels of complexity is considered.

Key words: cybersecurity, developed foreign countries, cybercriminals, IT technologies, a classification, models of cybersecurity, cyber threats, cyber situations.

Проблема современной кибербезопасности в условиях постоянно меняющегося и развивающегося киберпространства, роста киберпреступности, распространения киберугроз, совершения несанкционированных, криминальных кибератак на различные государственные учреждения, коммерческие организации, структуры и компании, факты кибертерроризма предполагают обеспечение кибербезопасности на высоком современном уровне.

За последние шесть лет киберпреступность в Российской Федерации выросла в 10 раз, ущерб от нее составил около 3 трлн рублей. Каждое пятое регистрируемое преступление совершается с использованием компьютерных технологий. По оценкам экспертов латентность в сфере digital преступности доходит до 85% [1].

Киберпреступниками, атакующими государственные, финансовые учреждения, оборонные, ресурсодобывающие, медицинские, туристические и другие компании и персональных пользователей применяются разнообразные современные IT-технологии и программное обеспечение.

В настоящее время кибербезопасность в Российской Федерации обеспечивают Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федерации, Росгвардия и Министерство юстиции Российской Федерации.

В связи с актуальностью данной проблемы учеными проводятся комплексные теоретико-эмпирические исследования правовых и организационных проблем обеспечения кибербезопасности, в т. ч. в правоохранительной, оборонной, банковской сферах, кибербезопасности в уголовно-исполнительной системе [2; 3].

Только в текущем году по результатам исследований опубликованы около 10 научных статей в различных изданиях, в т. ч. журналах, рецензируемых ВАК при Минобрнауки России.

Одним из промежуточных результатов изучения проблемы стало понимание киберпреступности как угрозы национальной безопасности современной России, необходимости выработки единой стратегии комплексного и системного противодействия киберугрозам, нормативно-правового регулирования, предупреждения и своевременного, адекватного реагирования на возникающие киберинциденты различной степени сложности со стороны специальных государственных органов, общественных организаций, бизнес-сообществ и граждан. Требуется создание современной организационной структуры обеспечения кибербезопасности, в т. ч. на объектах, наиболее подверженных риску кибератак со стороны киберпреступников и криминальных киберсообществ.

В этих целях может быть полезен опыт развитых зарубежных стран, которые уже длительное время весьма эффективно противодей-

ствуют киберпреступности, обеспечивают кибербезопасность на высоком профессиональном уровне.

Отметим, что существуют различные модели обеспечения кибербезопосности: североамериканская (США, Канада), европейская (страны Европейского Союза), китайская (КНР), турецкая (Турецкая Республика), модель стран юго-восточной Азии (Южная Корея, Сингапур, Индонезия и Малайзия), а также модель государств, ориентированных на национальную, государственную информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» (Республика Иран, КНДР). В рамках данной статьи рассмотрим некоторые из них с помощью методов сравнительного и контент-анализа, используя географический и организационно-экономический принципы обобщения и классификации полученных результатов.

Так называемая североамериканская модель организации кибербезопасности, которую используют США и Канада, начала активно развиваться после террористических атак 11 сентября 2001 г., показавших уязвимость национальной безопасности США, ее неспособность предотвращать угрозы и реагировать на них. В помощь уже существовавшим субъектам кибербезопасности (Федеральное бюро расследований, Центральное разведывательное управление, Министерство обороны, полиция, организации разведывательного сообщества) в кратчайшие сроки было создано Управление внутренней безопасности, статус которого вскоре был повышен до профильного министерства [4].

Отличительной чертой рассматриваемой модели является модернизация и создание новых организационных структур, подведомственных различным государственным правоохранительным, военным и разведывательным ведомствам, обменивающимся информацией о крупных киберинцидентах, координирующих совместную деятельность и финансируемых федеральным правительством.

Так, созданное в 2018 г. Агентство по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры активно взаимодействует с Министерством юстиции, входящими в него Федеральным бюро расследований и Наци-

ональной объединенной рабочей группой по расследованиям киберпреступлений.

Министерство внутренней безопасности противодействует киберугрозам, разрешает киберинциденты с помощью Национального центра интеграции кибербезопасности и связи [5; 6].

Европейская модель направлена на реализацию утвержденной странами Европейского союза стратегии обеспечения кибербезопасности, осуществляемой на союзном и государственном уровнях. Данная модель отличается более продуманным и организованным комплексом мероприятий, проводимых в рассматриваемом контексте (разработкой концепции киберустойчивости организаций и объектов к киберинцидентам различного содержания, длительности и интенсивности, законодательным, организационным, методическим, материально-техническим, кадровым и финансовым сопровождением).

Активно осуществляется формирование в сознании граждан культуры кибербезопасности, алгоритмизации реагирования пользователей сети на возможные ухищрения, используемые киберпреступниками (фишинговые письма, программы-шифровальшики, программные вирусы и др.). В этих целях проводится системная разъяснительная работа, так называемые ежегодные месячники кибербезопасности, повышающие знания и навыки должностных лиц и граждан в сфере кибербезопасности.

Обеспечением кибербезопасности в соответствии с принятым в 2019 г. специальным законом занимаются не только специализированные государственные структуры в сфере IT-технологий (Агентство Европейского Союза по сетевой и информационной безопасности, осуществляющее информационно-аналитические и практические мероприятия по предупреждению, выявлению и разрешению киберинцидентов), но и общественные организации, онлайн-сообщества, бизнес-структуры, исследовательские и образовательные учреждения.

Зарекомендовал себя с положительной стороны созданный восемь лет назад Европейский центр киберпреступности, внесший значитель-

ный вклад в борьбу с этим криминальным явлением, его резонансными проявлениями на территории государств Евросоюза [7].

Следует обратить особое внимание на вопросы материально-технического обеспечения реализации стратегии кибербезопасности государств Европейского Союза в постпандемийный период, а также их финансирования, исчисляемого почти 2 млрд евро.

Так называемая турецкая модель кибербезопасности (Турецкая Республика) имеет комплексный, оборонно-наступательный характер, сочетает как оборонительные, так и активные наступательные действия, проведение тактических кибератак на упреждение возможной киберугрозы. Изучение проблемы показало, что Турецкая Республика больше других стран использовала при построении системы кибербезопасности опыт развитых государств в данном направлении с участием специалистов военного ведомства и гражданских экспертов. При этом правительством Турецкой Республики первостепенное внимание уделяется развитию и совершенствованию социального статуса и имиджа подразделений, участвующих в обеспечении кибербезопасности. Специальные подразделения объединены в структуру, состоящую из пяти основных департаментов: правоохранительного, военного, морского, космического и комплексной обороны. Перечисленные департаменты взаимодействуют с профильными министерствами и ведомствами в вопросах предупреждения и реагирования на возникающие киберугрозы, разрешения кибер-ситуаций различной степени сложности. Проведенный сравнительный и контент-анализ показал, что Турецкой Республике в последние годы удалось создать масштабную, системную и устойчивую структуру кибербезопасности, организационно отличную от других развитых зарубежных стран использованием возможностей активно привлекаемых хакерских киберсообществ, а также хакеров-одиночек, принимающих участие в обеспечении национальной кибербезопасности Турецкой Республики. Государственными структурами применяется эффективная, простая и мобильная система нормативно-правового регулирования кибербезопасности государства.

Другим государством, принципиально отличающимся организацией и правовым регулированием кибербезопасности в условиях национальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», является Республика Иран, где также находят активное применение различные программы фильтрации и блокировки интернет-страниц.

Иранская модель кибербезопасности базируется на идеологических принципах организации защиты от киберугроз и кибератак, функционировании «исламского интернета», не допускающего распространение враждебной для республики политической, культурной или религиозной информации.

Реализация проекта «национального интернета» состоит из трех основных этапов, осуществляемых в государстве, позволивших правительственным учреждениям использовать национальную сеть, а в исключительных случаях подключаться с помощью интернет-шлюза к всемирной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Другой особенностью защиты киберпространства Ирана от киберугроз и кибератак, влияющей на стратегию ее реализации, выявленной в ходе проведенного исследования, является высокая стоимость интернет-услуг, по которой в «антирейтинге» государств Республика Иран занимает восьмую позицию.

Также заслуживает внимания и изучения иранский опыт применения специальной идентификационной системы, функционирующей в режиме онлайн. Исследование организационных аспектов реализации кибербезопасности в Республике Иран показало, что система защиты киберпространства построена на сочетании использования возможностей и ресурсов государственных и негосударственных организаций и ведомств. Главным органом, координирующим сферу онлайн-коммуникаций, определяющим стратегию развития современных кибер и digital технологий, является Верховный совет по киберпространству. Постоянно действующими рабочими органами совета являются Национальный центр киберпространства, киберполиция, Корпус стражей исламской революции, ки-

берармия, Комитет по определению случаев криминального контента и Министерство информационных и телекоммуникационных технологий.

Таким образом, рассмотренные основные модели обеспечения кибербезопасности показывают приоритетность деятельности органов законодательной и исполнительной власти различных государств, институтов гражданского общества и бизнеса по созданию, внедрению и развитию современных форм и методов противодействия киберпреступности.

Список литературы

1. Ковалев О. Г., Семенова Н. А. Кибербезопасность современной России: теоретические и организационно-правовые аспекты // Столыпинский вестник. URL: https://stolypin-vestnik.ru/stolypinskij-vestnik-no-1-2021/ (дата обращения: 29.03.2021).

2. Быков В. М., Черкасов В. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 325с.

3. Ковалев О. Г., Скипидаров А. А. Нормативно-правовое регулирование реализации стратегии кибербезопасности в государствах Европейского Союза // Столыпинский вестник. URL: https://stolypin-vestnik.ru/stolypinskij-vestnik-no-2-2021/ (дата обращения: 28.03.2021).

4. Creation of the Department of Homeland Security // Homeland Security. URL: http://www.dhs.gov/creation-department-homeland-security (дата обращения: 22.03.2021).

5. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001. URL: https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.pdf (дата обращения: 24.03.2021).

6. Presidential Policy Directive - United States Cyber Incident Coordination // The White House. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/07/26/presidential-policy-directive-united-states-cyber-incident (дата обращения: 24.03.2021).

7. European cybercrime centre - EC3 // Europol. URL: http://www.europol.europa.eu/about-europol/european-cybercrime-centre-ec3 (дата обращения: 12.02.2021).

References

1. Kovalev O. G., Semenova N. A. Cybersecurity of modern Russia: theoretical and organizational and legal aspects // Stolypin Vestnik. URL: https://stolypin-vestnik.ru/stolypinskij-vestnik-no-1-2021/ (date of access: 29.03.2021).

2. Bykov V. M., Cherkasov V. N. Crimes in the field of computer information: criminological, criminal-legal and criminalistic problems: monograph. M.: Jurlitinform, 2015. 325 p.

3. Kovalev O. G., Skipidarov A. A. Legal regulation of the implementation of the cybersecurity strategy in the states of the European Union // Stolypin bulletin. URL: https://stolypin-vestnik.ru/stolypinskij-vestnik-no-2-2021/ (date of access: 28.03.2021).

4. Creation of the Department of Homeland Security // Homeland Security. URL: http://www.dhs.gov/creation-department-homeland-security (date of access: 22.03.2021).

5. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001. URL: https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.pdf (date of access: 03.24.2021).

6. Presidential Policy Directive - United States Cyber Incident Coordination // The White House. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/07/26/presidential-policy-directive-united-states-cyber-incident (date of access: 24.03.2021).

7. European cybercrime center - EC3 // Europol. URL: http://www.europol.europa.eu/about-europol/european-cybercrime-centre-ec3 (date of access: 12.02.2021).

УДК/UDC 343.9

Некоторые аспекты женской преступности в дореволюционной России

Кононыхина Татьяна Сергеевна
преподаватель
Читинский институт Байкальского государственного университета
г. Чита, Россия
e-mail: tskononykhina@mail.ru

Аннотация

Для определения современных тенденций женской преступности чрезвычайно важно использование исторического подхода к данной научной проблеме, поскольку знания о генезисе становления того или иного вида преступности способствуют осмыслению системы идей и категорий, образующих его современный уровень. Развитие российского уголовного законодательства в аспекте женской преступности является постепенным и продолжительным. Анализ древнейших источников права позволяет сосредоточиться на основных принципах уголовного законодательства, уголовной политики в отношении женщин-преступниц, дифференциации видов наказания. В статье анализируются составы преступлений, субъектами которых могли быть женщины, и наказания, предусмотренные за их совершение. Обращение к истории становления и развития женской преступности обусловлено реалиями проводимой уголовно-правовой политики, что позволяет прийти к выводам о прогрессивности рассматриваемых норм.

Ключевые слова: история уголовного права, женщины-преступницы, уголовное наказание.

Some aspects of Women's Crime in Pre-revolutionary Russia

Kononykhina Tatyana Sergeyevna
Lecturer
Chita Institute of the Baikal State University
Chita, Russia
e-mail: tskononykhina@mail.ru

Abstract

To determine the current trends in women's crime, it is extremely important to use a historical approach to this scientific problem, since knowledge about the genesis of the formation of a particular type of crime contributes to the understanding of the system of ideas and categories that form its current level. The development of Russian criminal legislation in the aspect of women's crime is gradual and long-lasting. The analysis of the oldest sources of law allows us to focus on the basic principles of criminal legislation, criminal policy in relation to women criminals, and the differentiation of types of punishment. The article analyzes the elements of crimes, the subjects of which could be women, and the penalties provided for their commission. The appeal to the history of the formation and development of women's crime is due to the realities of the criminal law policy, which allows us to come to conclusions about the progressiveness of the norms under consideration.

Key words: history of criminal law, female criminals, criminal punishment.

Изучение вопроса женской преступности следует начать с истории древнерусского общества, ретроспективный анализ позволит детально проанализировать специфику ее развития. Следует обратить внимание, что отношение к явлению женской преступности за период существования Древней Руси и Российской империи претерпевает множество изменений, однако прослеживается единая концепция на протяжении всего рассматриваемого периода русского права - это стремление к паритетности между мужчиной и женщиной. Данная тенденция зависела от занимаемого женщиной положения в обществе и достигалась в правоприменительной практике поступательно: от больших ограничений правового статуса женщин к меньшим ближе к XX в.

За период существования древнеславянского общества в языческую эпоху письменных источников права не сохранилось. Определяющее значение имел правовой обычай. В связи с этим выявить особенности женской преступности является проблематичным. Таким образом, начать следует с упоминания древнейших источников права церковных уставов князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича (X–XI вв.).

В уставах определялось распространение юрисдикции церковных органов и судов по кругу лиц, в соответствии с которыми женщинам как субъектам права предоставлялись достаточно широкие полномочия в рамках уголовного процесса: они выступали не только потерпевшими, но и преступницами. Так, например, устанавливалась ответственность за преступления против христианской нравственности (кража, убийство новорожденного, оскорбление, драка и т. д.).

«Аще жена мужа крадет и обличити ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнит ю, и про то не разлучити» [1]. Ст. 36–47 Устава князя Ярослава закрепляла кражу женой у мужа имущества, за которую женщина подлежала наказанию от мужа как главы семьи, при этом церковная власть в этом случае претендует на получение штрафа в размере 3 гривен, что связано с обличением жены, т. е. преданию гласности ее поступку.

В соответствии со ст. 40 Устава князя Ярослава жена не вправе поднимать руку на мужа или бить его. Это деяние наказывалось штрафом в размере 3 гривен в пользу митрополита. Данная норма призывает мужа к исполнению своего долга как главы семьи и снимает с церкви необходимость во вмешательстве. Ст. 41 Устава князя Ярослава гласила: «И жене две бьется, митрополиту 6 гривен на виноватой» [1]. Таким образом, драки между женщинами регулировались без указания социальной принадлежности потерпевшей, а наказание подлежало ведению не светской, а церковной власти.

К преступлениям против христианской веры и устоев церкви уставы относили колдовство, нарушение святынь и т. д. Так, ст. 38 Устава князя Владимира устанавливала еще одну группу проступков жены: «Аще жена будет чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, доличив, казнит ю, а не лишиться» [1]. Изобличив жену в отправлении ею языческих культов или совершении иных подобных действий, муж был обязан наказать супругу, при этом вид наказания не уточнялся.

В то же время исключительно для женщин предусматривалась ответственность за избавление от плода во время беременности в том слу-

чае, если была установлена вина женщины. «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудет, да погубит, или в свиньи ввержет, или утопит, обличивши, пояти [и] в дом церковный, а чим ю паки род окупит» [1]. Учитывалась также виновность женщины, если причиной деяния было изнасилование или ребенок был зачат вне брака. В таком случае женщина подвергалась наказанию в виде церковного отлучения. При этом за рождение ребенка вне брака женщина также подвергалась наказанию, если бросала свое незаконнорожденное дитя («аже девка детя повьржеть») [1].

Хотя влияние византийского канонического права на формирование права на Руси неоспоримо, прослеживается существенная разница в институте наказаний, особенно это явственно проявляется в замене членовредительных наказаний денежными взысканиями, а уголовных - церковными. На это, по нашему мнению, мог повлиять дихотомический взгляд органов власти на природу женщины: с одной стороны, она выступала лицом, зависимым от мужа и подчиняющимся интересам церкви, с другой - самостоятельным субъектом права, имеющим достоинство, честь, половую неприкосновенность, на который была возложена обязанность по воспроизводству и воспитанию новых поколений.

Важное значение здесь приобретает криминализация составов, субъектами которых выступали преимущественно женщины, а ответственность за них предусматривалась как перед светской, так и перед церковной властью. К данной категории преступлений можно отнести деяния, которые в связи с принадлежностью к сфере личной, интимной, не регулируемой законодательством в тот момент времени не рассматривались как преступные, например прелюбодеяние, длительная связь с женатым мужчиной. В ст. 5 Уставе князя Ярослава «О церковных судах» закрепляется «блуд незамужней женщины», за который она помещалась в дом церковный; подобная мера распространялась и на вдову. Для применения санкции необходимо было обличение. Этот термин обозначал обычно не судебное разбирательство, а публичное извещение о проступке.

В период становления древнерусского права на Руси сформировалась «Русская правда» - сборник юридических обычаев и судебной практики, где основным критерием применения уголовной ответственности и наказания являлось социальное положение, а не пол. Однако в ст. 3 закреплялась уголовная ответственность за убийство, наказание за которое дифференцировалось именно по половому признаку: за лишение жизни мужчины предусматривался штраф 1 вира, за женщину - полвиры. Некоторые ученые отмечали, что за убийство как женщины, так и мужчины налагалось равное наказание (1 вира), однако если устанавливалось, что причиной убийства стала сама убитая - полвиры. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает: «Было бы непонятно, почему понижение наказания допущено только тогда, когда речь зашла о женщине, а не вообще, когда убийство вызвано жертвой». По его мнению, здесь речь идет о жене как супруге и убиении ее мужем за преступление против семейных прав [2]. За убийство же мужа жена живой закапывалась в землю, а муж, убивший жену, подвергался легкому наказанию.

Также устанавливалось наказание за кражу, прелюбодеяние и иные преступления, за которые применялось более мягкое наказание, которое могло налагаться мужем. Это вытекает из обязанности жены повиноваться во всем мужу, если только он не требует от нее чего-либо противного заповедям Божьим и Его нравственному закону. При этом К. А. Неволин считал, что в случае совершения женой преступления муж не решал вопроса о применении наказания в виде смертной казни (формально такая мера не упоминалась в кодексе, но на практике имела место быть), церковного наказания в форме пострига или продажи жены в холопство, а случаи, описанные в летописях, он относил к злоупотреблению правом [3].

Следует отметить, что за преступления, затрагивающие морально-этические проблемы, например совершение прелюбодеяния, церковь и государство устанавливали разную ответственность в зависимости от пола. За прелюбодеяние мужа устанавливалось более мягкая ответственность,

даже когда законодательство было унифицировано в соответствии с христианской религией.

В период политической раздробленности на Руси и образования самостоятельных феодальных государств судебная юрисдикция распадается на две сферы: с одной стороны - судебную власть, защищающую общегосударственные интересы, с другой - права местных феодалов вершить суд по спорам своих людей. Основным источником права оставались «Русская правда», вечевое законодательство, договоры города с князьями, судебная практика, иностранное законодательство, однако в результате кодификации в XV в. появились Новгородская и Псковская судные грамоты, в соответствии с которыми женщинам предоставлялась возможность судебного представительства, наряду с малолетними, монахами, стариками и глухими (увечными).

Отличительной особенностью рассматриваемых грамот стало законодательное выделение особой группы наиболее опасных правонарушений и определение ответственности лиц, их совершивших. Уже в начальных статьях Псковской судной грамоты было записано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигални-ку тем живота не дати». К так называемым тягчайшим преступникам относились: два вида воров («татей») - кримской и коневой, поджигатель («зажигалник») и лицо, оказавшее помощь врагу («переветник») [2].

В отличие от «Русской правды», за рассматриваемые преступления предусматривалось предписание «живота не дати», трактуемое как «казнить смертной казнью». Утверждается, что «Псковская Судная грамота явилась своеобразной вехой в развитии законодательства о смертной казни. Впервые <...> к действию смертной казни была отнесена целая группа преступных деяний» [4].

Одним из видов судебных доказательств считался судебный поединок, которым предписывалось решать как гражданские, так и уголовные дела. Ст. 119: «Если [две] женщины приговорены к судебному поединку, то ни одна из них не может выставить вместо себя наемного бойца» [5]. Причем в отличие от ст. 21 и 36 ст. 119 сторонам (по данной статье субъ-

ектом выступали только женщины) запрещалось выставлять вместо себя наймитов для поединка. Рассматривалось три возможных случая завершения поединка: гибель одной из сражавшихся, примирение сторон или победа одной из женщин.

На наш взгляд, интерес представляют преступления против догматов христианского учения. Хотя тексты Грамот не содержат прямых сведений об ответственности за указанные преступные, предполагается, что именно светская власть исполняла наказания, предусмотренные каноническим уголовным правом. Так, в XV в. уличили в колдовстве 12 женщин, которых впоследствии суд признал виновными и которым назначил наказание в виде сожжения [6].

Далее система преступлений и наказаний усложняется, а отношение к женщине как субъекту преступления ужесточается. Соборное уложение 1649 г. предусматривало: преступления против церкви, порядка управления, благочиния нравственности, личности, государственные, должностные и имущественные преступления. Так, согласно ст. 14 Соборного Уложения, к женщине, совершившей убийство мужа, применялось такое наказание, как закапывание в землю: «А будет жена учинит мужу своему смертное убийство, или окормит его отравою, а сыщется про то допряма, и ея за то казнити, живу окопати в землю, и казнити ея такою казнею безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или иныя кто ближния роду его, того не похотят, что ея казнити, и ей отнюд не дати милости, и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет» [7]. При этом осужденная закапывалась живой в публичном месте, к ней приставлялась стража для того, чтобы не было возможности дать ей еды и воды, при этом женоубийство как отдельный вид убийства не выделялось. Однако оскорбление женщины, как и в ранее принятых правовых актах, признавалось тяжким преступлением против чести.

Помимо этого, Соборным Уложением 1649 г. предусматривались преступления против нравственности. На женщин, обвиненных в блуде или убийстве детей, «прижитых в блуде», распространялась смертная казнь. Ст. 26: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в

блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [8]. Вероятно, признак «блуд» являлся ключевым для квалификации преступления и определения размера и вида наказания. Для сравнения, наказанием для законного родителя-детоубийцы (матери или отца) в иной ситуации являлся год тюремного заключения и церковное покаяние. Такая существенная разница вытекает из того обстоятельства, что блуд являлся самостоятельным тяжким преступлением.

Наряду с рассмотренными нормами, смертная казнь в качестве главного наказания предусматривалась за совершение государственных преступлений, в дополнение к которой была предусмотрена конфискация в пользу государя поместий и вотчин государственных изменников. Женщины наказывались не только тогда, когда являлись непосредственными исполнителями, но и в случае, если жена изменника знала про его измену, при этом их вотчины, поместья и все остальное имущество подлежали конфискации в пользу государя.

Соборное уложение 1649 г., наряду с рассмотренными нормами, устанавливает отсрочку исполнения смертного приговора беременным женщинам: «тоя жонки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ея втепоры, как она родит» [7]. Осужденная содержалась в тюрьме до рождения ребенка, после чего приговор приводился в исполнение.

Изменения в государственной и политической системе России в период становления абсолютизма привели к изменениям в уголовном праве. Систематизация уголовно-правовых норм Петром I приводит к составлению Артикула воинского 1715 г., содержащего основные принципы уголовной ответственности, понятия преступления, наказания, перечень смягчающих и отягчающих вину обстоятельств.

Значимость преступления и тяжесть наказания зависели от характера объекта, на который покушался преступник. На первом месте стоя-

ли религиозные преступления: женщина могла быть осуждена за колдовство, идолопоклонство, суеверие, которые наказывались так же, как и в Соборном уложении, сожжением. Предусматривались и альтернативные виды наказания в виде тюремного заключения и телесные наказания.

Артикулы 169 и 170 к преступлениям против нравственности относят прелюбодеяние: «Ежели муж женатый с женою замужнею телесно смешаетца, и прелюбодеяние учинят, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотр ... Одинакое прелюбодеяние, когда едина особа в супружестве обретается, а другая холостая есть, оная, по состоянию особ и обстоятельству, имеет жестоким заключением, шпицрутеном, и отставлением от полку, или посылкою на каторгу на время наказана быть» [9]. При этом наказание дифференцировалось в зависимости от того, совершали преступление замужние с женатыми или с неженатыми.

Артикул воинский 1715 г. впервые вводит понятие проституция, за которое ответственность предусматривалась для обеих нарушивших закон сторон. Артикул 175: «Никакия блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутца, имеют оныя без разсмотрения особ, чрез профоса раздеты и явно выгнаны быть» [9].

Далее система уголовного права пореформенного периода строилась на основе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, имевшего в последующем ряд редакций в 1857, 1866, 1885 гг. Уложение наряду с квалифицированными составами, например убийство одного супруга другим (при этом разницы не имело, кем оно совершено - мужем или женой (ст. 1451)), выделяло привилегированные. Так, ст. 1451 и 1460 устанавливали наказание за непредумышленное убийство матерью новорожденного ребенка в виде лишения всех прав состояния и бессрочной ссылки на каторгу (от четырех до двадцати лет или бессрочно) в случае, если ребенок был законнорожденным, в виде лишения всех прав состояния и ссылкой на поселение в Сибирь в случае рождения незаконнорожденного ребенка.

«Женщина, которая от стыда или страха, хотя и не умертвить незаконнорожденного своего младенца, но оставитъ его без помощи, и мла-

денец от того лишится жизни приговаривается за сие: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к ссылке на житье в Сибирь . . . , или к отдачи в рабочий дом на время от полутора года до двух с половиною лет. Если однако будет доказано, что младенец родился мертвым и мать, волнуемая стыдом или страхом, только скрыла его тело, вместо того чтобы объявить о сем как следовало, то за сие она подвергается лишь: заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев» [10]. Так, необращение беременной женщины к посторонним лицам для оказания помощи при родах, если в результате этого женщина родит мертвого ребенка, не подпадало под квалификацию ст. 1460, поскольку указанные последствия можно было рассматривать только как предполагаемые, а не как заведомо возможные.

Как и в ранее принятых актах, Уложение предусматривало в качестве преступления «изгнание плода» (ст. 1462), в этом случае женщина несла ответственность только тогда, когда была осведомлена о проводимой процедуре и согласилась: «Кто, <с ведома> и по согласию самой беременной женщины, употребит с умыслом какое-либо средство для изгнания плода ея, тот за сие подвергается: лишению всех прав состояния и ссылки на поселение в отдаленнейших местах Сибири. Сама беременная женщина, которая, по собственному произволу или по согласию с другим, употребит какое-либо средство для изгнания плода своего, подвергается: лишению всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на поселение» [10].

Пожизненной ссылкой в отдаленные округи Восточной Сибири наказывались женщины, вступившие в кровосмесительные связи (ст. 1593, 1594, 1595): «За кровосмешение с родственником или родственницею в прямой, восходящей или нисходящей линии . . . За кровосмешение с родственниками в боковых линиях и с близкими . . . виновные, исповедующие православную веру, подвергаются наказаниям . . . для женщин: ссылкою их в один из малолюдных и отдаленных округов Восточной Сибири, по назначению тамошняго генералъ-губернатора, с тем, чтобы сосланные оставались в том округ на всю жизнь ссыльно-поселенками: и не могли быть перечислены в сословие крестьян» [10].

При этом согласно ст. 268 к женщинам, принадлежащим к податному сословию, запрещено было применять телесные наказания в силу особого постановления, а исправительное наказание в виде ссылки в Сибирь им заменялось заключением в рабочий дом, каторжные работы в рудниках и в крепостях - работами на заводах на тот же срок.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. устанавливало также ответственность для женщин, имеющих заразительную или иную вредную болезнь, которые поступили на работу кормилицей или няней и скрыли данный факт (ст. 855). В рабочие дома направлялись женщины, занимающиеся бродяжничеством.

Следует упомянуть о новом Уголовном уложении 1903 г., которое предусматривало прогрессивные начала уголовного законодательства, такие как отказ от принципа объективного вменения, равенство граждан перед законом, индивидуализацию наказания. Однако в силу политических изменений в начале XX в. она не успело должным образом отразиться на правоприменительной практике и оставить существенный след в истории развития уголовного законодательства.

Таким образом, изучение женской преступности в ретроспективе указывает на наличие ряда особенностей, присущих ей в целом. Ее специфика связана с гендерно-нейтральным характером норм уголовного и уголовно-исполнительного права, с переходом от положений, имеющих дискриминационный характер по отношению к женщине, к более прогрессивным положениям, свидетельствующим об определенных привилегиях для преступниц.

Список литературы

1. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М.: Юрист, 2019. 797 с.

2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Часть вторая. История русского уголовного права, гражданского права и процесса. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov2.html (дата обращения: 16.06.2021).

3. Неволин К. А. История российских гражданских законов: Введение и книга первая о союзах семейственных. Ч. 1. М.: Статут, 2005. 590 с.

4. Памятники российского права: Памятники права удельной Руси. В 35 т. Т. 2 / Отв. ред. Р. Л. Хачатуров. М.: Юрлитинформ, 2013. 528 с.

5. Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. В 9 т. Т. 1 / Отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1984. 528 с.

6. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков: Епархиальная типография, 1916. 376 с.

7. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. Законодательство царя Алексея Михайловича. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

8. Российское законодательство X-XX веков. Акты земских соборов. В 9 т. Т. 3 / Отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.

9. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма. В 9 т. Т.4 / Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. / Под ред. Н. С. Таганцева. М.: типография М. Стасюлевича. 613 с.

References

1. Isaev I. A. History of state and law of Russia: textbook. M .: Jurist, 2019. 797 p.

2. Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Part two. History of Russian criminal law, civil law and process. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov2.html (date of access: 16.06.2021).

3. Nevolin K. A. History of Russian civil laws: Introduction and the first book about family unions. Part 1. M .: Statut, 2005. 590 p.

4. Monuments of Russian law: Monuments of the law of appanage Russia. In 35 vol. T. 2 / Otv. ed. R. L. Khachaturov. M .: Jurlitinform, 2013. 528 p.

5. Russian legislation of the X-XX centuries. Legislation of Ancient Rus. In 9 volumes.Vol. 1 / Otv. ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1984. 528 p.

6. Galkovsky N. M. The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia. T. I. Kharkov: Diocesan Printing House, 1916. 376 p.

7. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. Cathedral Code of 1649 Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich. M .: Publishing house Mosk. University, 1961. 444 p.

8. Russian legislation of the X-XX centuries. Acts of Zemsky Sobors. In 9 t. T. 3 / Otv. ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1985.519 p.

9. Russian legislation X-XX centuries. Legislation of the period of formation of absolutism. In 9 volumes.Vol. 4 / Otv. ed. A. G. Mankov. Moscow: Legal Literature, 1986. 512 p.

10. Code of penalties and penalties 1866 / Ed. N. S. Tagantseva. M .: printing house of M. Stasyulevich. 613 p.

УДК/UDC 343.62

Проблемы квалификации преступлений, связанных с деятельностью медицинских работников

Лагуткина Вера Александровна
студентка юридического института
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия
e-mail: v-lagutkina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам квалификации преступлений, связанных с деятельностью медицинских работников. Анализируются положения норм ряда статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследуются самые частые преступления, совершаемых медработниками, среди которых причинение смерти по неосторожности, причинение тяжкого вреда здоровью, заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей и пр. Даются примеры из судебной практики. Приводятся данные статистики, предоставляемые общественной организацией «Лига защиты пациентов» и Федеральным научно-методическим центром по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН «ЦНИИ Эпидемиологии» Роспотребнадзора. Отмечается, что существует необходимость в повышении юридической грамотности медицинских работников. В заключении даются рекомендации по совершенствованию законодательства, которые будут способствовать защите прав и законных интересов граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, специальный субъект, медицинский работник, врачебная ошибка, неосторожное причинение смерти, причинение вреда здоровью, заражение ВИЧ-инфекцией, незаконное проведение искусственного прерывания беременности, неоказание помощи больному, халатность, подмена ребенка.

Problems of qualification of crimes related to the activities of medical workers

Lagutkina Vera Aleksandrovna
student in the master's programme of the Law Institute
Penza State University
Penza, Russia
e-mail: v-lagutkina@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problems of qualification of crimes related to the activities of medical workers. The provisions of the norms of a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The most frequent crimes committed by health workers are investigated, including causing death by negligence, causing grievous bodily harm, HIV infection due to improper performance by a person of his professional duties, etc. Examples from judicial practice are given. The data of statistics provided by the public organization "League of Patient Protection"and the Federal Scientific and Methodological Center for the Prevention and Control of AIDS of the Federal Budgetary Scientific Institution "Central Research Institute of Epidemiology"of Rospotrebnadzor are presented. It is noted that there is a need to improve the legal literacy of medical workers. In the conclusion, recommendations are given for improving legislation that will help protect the rights and legitimate interests of citizens of the Russian Federation.

Key words: criminal liability, special subject, medical worker, medical error, careless infliction of death, harm to health, HIV infection, illegal abortion, failure to provide assistance to the patient, negligence, child substitution.

Государство обязано устанавливать правовые и социальные механизмы защиты конституционных прав населения, жизни и здоровья человека, в т. ч. обеспечивать безопасность оказания медицинской помощи личности. В современных условиях медицинское обслуживание все еще недостаточно эффективно. Это объясняется многими факторами, в т. ч. материально-техническими, однако зачастую указанные проблемы обусловливаются именно субъективными причинами, например грубой

небрежностью в работе медперсонала, недобросовестным отношением к профессиональным обязанностям, необоснованным отказам в предоставлении медицинской помощи или ее оказанием в неполном объеме и пр. Этим негативным факторам призвана противодействовать система уголовно-правовых норм. И хотя действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) существенно расширил правовое регулирование отношений в области обеспечения безопасных условий для жизни и здоровья человека при производстве мер медицинского вмешательства, статистика говорит об ухудшении ситуации в этой сфере.

По подсчетам общественной организации «Лига защиты пациентов», врачебные ошибки уносят каждый год жизни 50 000 человек по всему миру, а на Первом национальном конгрессе терапевтов было заявлено, что каждый третий диагноз — ошибочный [1]. По итогам 2020 г. было возбуждено более 2 000 уголовных дел по факту преступлений, связанных с ошибками, допускаемыми врачами (примерно на 24% больше, чем в 2019 г.) [2]. Ежегодно увеличивается количество пациентов, которые обращаются за защитой своих прав вследствие непрофессионального оказания медицинской помощи. 74,7% от общего числа осужденных врачей в 2020 г. обвинялись в причинении смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), 10,9% - в оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК). Еще 6,3% подозревались в причинении тяжкого вреда по неосторожности (ст. 118 УК РФ).

Самым распространенным преступлением, совершаемым медицинскими работниками в результате своей деятельности, является причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 109 УК РФ. Объективная сторона данного преступления состоит в неосторожном причинении смерти в результате действия или бездействия, которые с неизбежностью или реальной возможностью ведут к лишению жизни потерпевшего. В юридической литературе случаи неосторожного причинения смерти называются неблаго-

приятными исходами лечения и делятся на несчастные случаи, врачебные ошибки и наказуемые упущения [3].

Законодательное закрепление понятия «врачебная ошибка» остается за рамками регулирования уголовного закона, что затрудняет процесс правовой оценки уголовной ответственности медицинского персонала. Современное понятие врачебной ошибки сформулировал Н. В. Эльштейн, определив ее как действия (бездействие) врача, имеющие своей основой несовершенство современной медицинской науки, объективные условия работы, недостаточную квалификацию или неспособность использовать имеющиеся знания [4]. При этом несчастный случай и врачебная ошибка не влекут за собой уголовную ответственность, поскольку действия субъектов не являются объективно противозаконными, а упущения — влекут, т. к. представляют собой уголовно наказуемое недобросовестное оказание медпомощи.

Причинение смерти по неосторожности предполагает совершение деяния по легкомыслию или небрежности (легкомыслие — субъект предвидел лишь абстрактную опасность действия, но рассчитывал избежать ее, отнесся легкомысленно; небрежность — субъект не предвидел возможности наступления опасных последствий своих действий, но при необходимой внимательности должен был и мог их предвидеть).

Ст. 118 УК РФ также часто встречается на практике по привлечению к уголовной ответственности медицинских работников. Деяния, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью и связанные с ненадлежащим оказанием медпомощи, — это противоправные, общественно опасные деяния, совершенные по неосторожности, которые выражаются в нарушении медработниками профессиональных обязанностей и влекут наступление тяжких последствий. Одна из главных проблем квалификации такого деяния является причинно-следственная связь, наличие которой может подтвердить только судебно-медицинская экспертиза. В связи с этим нецелесообразным представляется проведение экспертизы в тех учреждениях, где и произошло деяние, и в других учреждениях, находящихся в ведении органов здравоохранения, т. к. это может влиять на

объективность результатов. При установлении виновности необходимо учитывать риск несчастного случая, врачебной ошибки, состояния крайней необходимости, которые защищают медработника от ответственности [5].

Примером из практики может послужить Постановление № 1-171/2019 Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 16 апреля 2019 г. Согласно обвинительному заключению, при проведении плевральной пункции реаниматологом М. был допущено повреждение легкого, приведшее к развитию гемоторакса, что подтвердила экспертиза. Повреждение легкого у потерпевшего усугубило его состояние, однако не сыграло решающего значения в наступлении смерти, поскольку на тот момент состояние пациента уже было крайне тяжелым. Повреждение легкого с явлениями гемоторакса непосредственно создает угрозу для жизни и расценивается как причинение тяжкого вреда здоровью. Таким образом, действия М. судом были квалифицированы по ч. 2 ст.118 УК РФ [6].

В ч. 4 ст. 122 УК РФ предусмотрена ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, однако возбужденные уголовные дела обычно прекращаются ввиду отсутствия состава преступления, поскольку не удается установить субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности. Основной причиной невозможности установления лица является длительный промежуток времени проявления вируса иммунодефицита [7]. Согласно официальным данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН ЦНИИ Эпидемиологии Роспотребнадзора за 2020 г. зарегистрировано 4 случая с подозрением на заражение ВИЧ-инфекцией при оказании медицинской помощи, в 2019 г. — 6 случаев, в 2018 г. — 19 [8].

Наличие специального субъекта предусматривает ст. 123 УК РФ. По данной статье субъектом может быть исключительно вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет и не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля. Таким образом, лицо, привлекаемое

к уголовной ответственности по ст. 123 УК РФ, может иметь высшее образование, но несоответствующего профиля (невролог, окулист); может иметь среднее медицинское образование (например, студенты медицинских ВУЗов, акушеры, медсестры); может не иметь специальной медицинской подготовки. При этом уголовная ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности наступает независимо от иных обстоятельств (например, независимо от места совершения преступления, добровольного согласия беременной женщины).

По уголовному законодательству аборт считается незаконным, если он был проведен лицом, которое не имело высшего образования соответствующего профиля. Таким образом, основание уголовной ответственности исходит не из способа совершения самой операции, а из специальности проводящего операцию. Следовательно, если аборт проводится лицом, имеющим профильное высшее образование, с нарушением норм действующего законодательства, регламентирующих данную медицинскую процедуру, предусматривающих порядок проведения данных операций (превышение установленных сроков беременности, наличие медицинских противопоказаний и т. д.), то это является не преступлением, а административным правонарушением или дисциплинарным проступком [9].

Состав неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) является специальным по отношению к составу оставления в опасности, т. к. предусматривает ответственность за бездействие специального субъекта - медработника. По мнению исследователей, неоказание помощи больному может выражаться в следующих формах:

1) неявка медицинского работника к лицу, нуждающемуся в помощи, после соответствующего вызова, приглашения или по собственной инициативе;
2) неоказание помощи больному, находящемуся в лечебном учреждении;
3) отказ в принятии больного в лечебное учреждение, куда он был доставлен или явился сам;

4) невызов специалиста медработником, который явился к больному, но оказался некомпетентным из-за узкой специализации либо по каким-либо другим причинам [10].

Под подменой ребенка (ст. 153 УК РФ) следует понимать тайную замену детей, не имеющих выраженных внешних отличий, у родителей по халатности или в форме прямого умысла, в результате которой нарушились кровные узы у двух и более семей. И хотя подмена ребенка, совершенная именно по вине медицинского персонала, в практике случается в разы реже, чем подмена любым другим субъектом, все же такие преступления присутствуют среди составов, за которые привлекаются к ответственности сотрудники медицинских учреждений [11].

В настоящее время также имеются случаи подмены детей в роддоме, но известно о них становится лишь спустя несколько лет. Так, в г. Копейске в 2008 г. родились две девочки. Спустя десять лет после развода с супругом их мать решила взыскать с него алименты. Суд обязал мать и отца пройти тест ДНК, по результатам которого было установлено, что одна из девочек не является их родным ребенком. По факту заявления в правоохранительные органы о возбуждении уголовного дела была проведена проверка, которая установила, что акушерка роддома перепутала девочек, которые родились с разницей в 15 минут [12].

Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности также совершается медработниками. Ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 235 УК РФ. Незаконной считается деятельность, осуществление которой предполагает наличие обязательного лицензирования. На практике случаи привлечения к уголовной ответственности по данной статье не так многочисленны, потому что они обладают повышенной латентностью. Большинство пациентов, которые прибегали к подобного рода услугам, не сообщают о фактах организации и осуществления незаконной медицинской или фармацевтической деятельности, как показывает следственная практика [13].

Один из примеров — приговор Ухтинского городского суда Республики Коми. Гражданка Ш., не имея лицензии на медицинскую деятель-

ность, незаконно оказала медицинскую услугу в виде удаления новообразования путем применения жидкого азота пациенту В. В результате процедуры был допущен дефект, который, согласно заключению эксперта, расценивается как легкий вред здоровью. Ш. была признана виновной по ч. 1 ст. 235 УК РФ [14].

Вопрос уголовно-правового регулирования ответственности за халатность (ст. 293 УК) медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности является наиболее сложным в правоприменительной практике. Юристы-теоретики определяют халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности как ненадлежащее исполнение медицинским работником своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к профессиональной деятельности, если это повлекло причинение вреда здоровью различной степени тяжести или смерти пациента [15].

Примером может служить приговор Борисоглебского районного суда в отношении заведующего хирургического отделения гражданина Г. Суд признал Г. виновным в халатности, повлекшей смерть потерпевшей. Так, пациентка после проведенной операции по удалению злокачественной опухоли обратилась в медицинское учреждение за помощью. Судом было установлено, что за десять дней нахождения в стационере ей не было проведено обследование и не назначено соответствующее лечение. В заключении судебно-медицинской экспертизы установлено, что смерть потерпевшей наступила вследствие воспалительного процесса в брюшной полости (сепсиса). Своевременно назначенные диагностические мероприятия позволили бы избежать тяжких последствий. Действия Г. были квалифицированы по ч. 2 ст. 293 УК РФ [16].

Сложившаяся ситуация требует внимания, поскольку не всегда медицинский работник обладает должным уровнем правовой грамотности, включая знание оснований наступления уголовной ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг. На наш взгляд, следует пересмотреть содержание рабочих программ для медицинских работников по юридическим наукам, сделав упор на примеры из судебной практики.

В научной литературе высказываются различные точки зрения о целесообразности внесения изменений и дополнений в УК РФ. Так, предложения сводятся к закреплению в диспозиции ст. 123 УК РФ требований нормативных актов здравоохранения, регламентирующих порядок проведения искусственного прерывания беременности [17–19]. На наш взгляд, в ст. 123 УК РФ видится логичным добавить часть со специальным субъектом, а именно медработником, который, пройдя профессиональную подготовку, осознает все риски при оказании такого рода услуг, но все равно занимается данной деятельностью незаконно. Таким образом, это будет звучать как: «Проведение искусственного прерывания беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, вне медицинского учреждения или в медицинском учреждении, но не имеющем лицензии на оказания такого рода услуг, наказывается . . . ».

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время остро стоит проблема уголовной ответственности медицинских работников в силу слабой юридической грамотности и несовершенства законодательства в некоторых областях правового регулирования. Указанные выше предложения могут лишь незначительно улучшить сложившуюся ситуацию, поэтому законодателю необходимо обратить на нее пристальное внимание.

Список литературы

1. Имеет ли врач право на ошибку // Росийская газета. № 4786. 07.11.2008.

2. Рыкова А. Белая халатность: в России растет количество уголовных дел по факту врачебных ошибок. URL: https://russian.rt.com/russia/article/617505-sk-statistika-vrachebniye-oshibki (дата обращения: 15.06.2021).

3. Воропаев А. В., Исаев Ю. С. Некоторые аспекты уголовной ответственности медицинских работников за причинение смерти по неосторожности при исполнении профессиональных обязанностей // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2007. № 3. С. 113–115.

4. Петрова Т. Н. Врачебные ошибки и дефекты оказания медицинской помощи: в поисках различий // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1. С. 38–42.

5. Заборских И. С. Квалификация преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, повлекшим причинение тяжкого вреда здоровью // Проблемы науки. 2019. № 3 (39). С. 70–77.

6. Постановление Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 16.04.2019 по делу № 1-171/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/TU8sEjXzWhbQ/ (дата обращения: 15.06.2021)

7. Живодрова Н. А., Казакова А. А. Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с заражением ВИЧ-инфекцией // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 66–70.

8. Справки по ВИЧ-инфекции в России // Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН «ЦНИИ Эпидемиологии» Роспотребнадзора. URL: http://www.hivrussia.info/dannye-po-vich-infektsii-v-rossii/ (дата обращения: 15.06.2021)

9. Мальцева Н. Н., Морозова Е. А., Левченко В. Е., Новиков О. О., Крикун Е. Н. Уголовно-правовой аспект операции по искусственному прерыванию беременности: проблемы и пути их решения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 153.

10. Мамонтов Д. Ю. Проблемы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за неоказание помощи больному // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 16. С. 171–175.

11. Фомичева Э. С. Подмена ребенка в уголовном праве: вопросы теории и практики // NovaUm. 2021. № 29. С. 72–74.

12. Безрукова О. В., Живодрова Н. А., Безруков А. В. Подмена ребенка: история и современность // Право и образование. 2017. № 1. С. 131–139.

13. Дыбаль Н. В. Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности: актуальные проблемы теории и правоприменительной практики // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей. Пенза, 2020. С. 207–209.

14. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Коми от 11.05.2018 по делу № 22-991/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DAd1r7Nb1lJO/ (дата обращения: 15.06.2021)

15. Пархоменко С. В. Проблемы уголовно-правового регулирования халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности //

Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. Иркутск, 2016. С. 68–72.

16. Решение Борисоглебского городского суда Воронежской области от 7.05.2019 по делу № 2-391/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WpFdfdtW6nLC/ (дата обращения: 15.06.2021)

17. Дядюн К. В. Охрана репродуктивной сферы как элемент гендерного подхода в нормах Особенной части уголовного закона РФ // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 61. С. 110–121.

18. Казакова В. А. Преступления против здоровья ненасильственного характера // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 134–143.

19. Живодрова Н. А. Социально-правовая регламентация искусственного прерывания беременности // Эпомен. 2020. № 46. С. 155–165.

References

1. Does the doctor have the right to make a mistake // Rossiyskaya Gazeta. No. 4786. 07.11.2008.

2. Rykova A. White negligence: the number of criminal cases on the fact of medical errors is growing in Russia. URL: https://russian.rt.com/russia/article/617505-sk-statistika-vrachebniye-oshibki (date of access: 15.06.2021).

3. Voropaev A. V., Isaev Yu. S. Some aspects of the criminal liability of medical workers for causing death by negligence in the performance of professional duties // Siberian Medical Journal (Irkutsk). 2007. No. 3. Pp. 113–115.

4. Petrova T. N. Medical errors and defects in medical care: in search of differences // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2017. No. 1. Pp. 38–42.

5. Zaborskikh I. S. The qualification of crimes related to the improper provision of medical care resulting in the infliction of grievous bodily harm // Problems of Science. 2019. No. 3 (39). Pp. 70–77.

6. Resolution of the Oktyabrsky District Court of Novorossiysk, Krasnodar Territory dated 04.16.2019 in case No. 1-171 / 2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/TU8sEjXzWhbQ/ (date of access: 15.06.2021)

7. Zhivodrova N. A., Kazakova A. A. Some issues of prosecution for crimes related to HIV infection // Criminal Law of the Russian Federation: Problems of Law Enforcement and Prospects for Improvement. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020. Pp. 66–70.

8. References on HIV infection in Russia // Federal Scientific and Methodological Center for the Prevention and Control of AIDS FBSI "Central Research Institute

of Epidemiology"Rospotrebnadzor. URL: http://www.hivrussia.info/dannye-po-vich-infektsii-v-rossii/ (date of access: 15.06.2021)/

9. Maltseva N. N., Morozova E. A., Levchenko V. E., Novikov O. O., Krikun E. N. The criminal-legal aspect of the operation for the artificial termination of pregnancy: problems and ways to solve them // Modern problems of science and education. 2016. No. 5. P. 153.

10. Mamontov D. Yu. Problems of application of the norm establishing criminal liability for failure to provide assistance to a patient // Bulletin of SevKavGTI. 2014. No. 16. Pp. 171–175.

11. Fomicheva E. S. Substitution of a child in criminal law: issues of theory and practice // NovaUm. 2021. No. 29. Pp. 72–74.

12. Bezrukova O. V., Zhivodrova N. A., Bezrukov A. V. Substitution of a child: history and modernity // Law and Education. 2017. No. 1. Pp. 131–139.

13. Dybal N. V. Illegal implementation of medical activities or pharmaceutical activities: topical problems of theory and law enforcement practice // Topical issues of jurisprudence: collection of articles. Penza, 2020. Pp. 207–209.

14. The appeal decision of the Supreme Court of the Komi Republic dated 05/11/2018 in case No. 22-991 / 2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DAd1r7Nb1lJO/ (date of access: 15.06.2021).

15. Parkhomenko S. V. Problems of criminal law regulation of negligence of medical workers in the implementation of professional activities // Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement. Irkutsk, 2016. Pp. 68–72.

16. The decision of the Borisoglebsk City Court of the Voronezh Region of May 7, 2019 in case No. 2-391 / 2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WpFdfdtW6nLC/ (date of access: 15.06.2021).

17. Dyadyun K. V. Protection of the reproductive sphere as an element of the gender approach in the norms of the Special part of the criminal law of the Russian Federation // Questions of modern jurisprudence. 2016. No. 61. Pp. 110–121.

18. Kazakova V. A. Non-violent crimes against health // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 6. Pp. 134–143.

19. Zhivodrova N. A. Socio-legal regulation of artificial termination of pregnancy // Epomen. 2020. No. 46. Pp. 155–165.

УДК/UDC 343.2/.7

Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: уголовно-правое исследование

Николаева Татьяна Геннадьевна
инспектор Отдела по делам несовершеннолетних ОМВД России по району Аэропорт г. Москвы, старший лейтенант полиции
г. Москва, Россия
e-mail: Pe4nikovatg@gmail.com

Нечаева Елена Владимировна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
г. Чебоксары, Россия
e-mail: Nechaeva_ev@mai.ru

Аннотация

Привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности происходит на общих основаниях. Уголовная ответственность возникает всякий раз, как только лицо, в т. ч. и несовершеннолетнее, совершает преступление. Однако в некоторых случаях государство отказывается реализовывать свое право на признание гражданина, совершившего преступление, преступником, и лицо освобождается от уголовной ответственности. В целом в законодательстве появились весьма значительные изменения в регулировании освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Прежде всего, учитывая различную юридическую природу этих институтов, освобождение от уголовной ответственности и от наказания помещены в разные главы Уголовного кодекса Российской Федерации. Основной смысл существования этих институтов заключается в том, чтобы допустить фактическое неприменение мер уголовной ответственности и наказания в тех случаях, когда их применение явно нецелесообразно, исходя из характера совершенного преступления и личных качеств лица, совершившего преступление, в т. ч. его поведения после совершения преступления.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, освобождение от наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Placement of a minor in a special educational institution of a closed type: criminal law research

Nikolayeva Tatyana Gennadyevna
inspector of the Department of Juvenile Affairs of the Department of the Ministry of Internal Affairs on the Airport area of Moscow
Police Lieutenant
Moscow, Russia
e-mail: Pe4nikovatg@gmail.com

Nechaeva Yelena Vladimirovna (scientific advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Chuvash State University
Cheboksary, Russia
e-mail: Nechaeva_ev@mai.ru

Abstract

Bringing a minor to criminal liability takes place on a general basis. Criminal liability arises whenever a person, including a minor, commits a crime. However, in some cases, the state refuses to exercise its right to recognize a citizen who has committed a crime as a criminal, and the person is released from criminal liability. In general, very significant changes have appeared in the legislation in the regulation of exemption from criminal liability and from punishment. First of all, given the different legal nature of these institutions, exemption from criminal liability and from punishment are placed in different chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. The main reason for the existence of these institutions is to allow the actual non-application of measures of criminal responsibility and punishment in cases where their use is clearly inappropriate, based on the nature of the crime committed and the personal qualities of the person who committed the crime, including his behavior after the commission of the crime.

Key words: minors, criminal liability, release from punishment, compulsory educational measures, placement in a special educational institution of a closed type.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и от наказания. Основания для такого осво-

бождения могут быть общими (например, в связи с деятельным раскаянием) и специальными (применение принудительных мер воспитательного воздействия и помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее по тексту - СУВУЗТ).

Гораздо больший интерес вызывают специальные виды освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности. В данной статье рассмотрим подробнее помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ.

Согласно ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в СУВУЗТ [1].

Данная мера правового воздействия применяется в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода.

Этот вид уголовной ответственности не имеет условного характера. В таких условиях осужденный хотя и освобождается от отбывания наказания, но подвергается как правовым ограничениям, так и травмирующему нравственно-психологическому воздействию, которое содержится в осознаваемом осужденным и всеми гражданами назначении ему за совершенное преступление наказания в виде лишения свободы [2].

Анализируемая мера применяется только при освобождении от наказания в виде лишения свободы, в то время как иные принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться как при освобождении от уголовной ответственности, так и при освобождении от уголовного наказания.

Несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года. В приговоре суд должен четко в годах и (или) месяцах определить срок, в течение которого несовершеннолетний должен пребывать в

учреждении. Этот срок не зависит от срока, назначенного несовершеннолетнему по приговору суда лишения свободы.

В случае совершения некоторых тяжких преступлений (их перечень дан в комментируемой статье), несовершеннолетние освобождению от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ, не подлежат в силу исключительных предписаний ч. 5 ст. 92 УК РФ [1].

Основанием для помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ выступает одновременное наличие нескольких условий:

1. Несовершеннолетний возраст подсудимого на момент принятия решения по уголовному делу (с учетом положений ст. 96 УК РФ применение ч. 2 ст. 92 УК РФ к лицам, достигшим совершеннолетия на момент вынесения приговора, не допускается);
2. Совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления с учетом установленных ч. 5 ст. 92 УК РФ положений (категория преступления в данном случае может быть определена судом с учетом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ);
3. Назначение несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы с учетом ограничений, установленных ст. 88 УК РФ. Закон допускает двоякое толкование вопроса о том, может ли применяться ч. 2 ст. 92 УК РФ к несовершеннолетним, которым за совершение тяжкого преступления назначено наказание, не связанное с лишением свободы, однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из того, что независимо от категории совершенного преступления ч. 2 ст. 92 УК РФ предполагает замену принудительными мерами наказания только в виде лишения свободы [3].
4. Особые характеристики несовершеннолетнего подсудимого, который для своего исправления нуждается в особых условиях воспитания, обучения и требует специального педагогического подхода.

Вопрос о том, нуждается ли несовершеннолетний в таких условиях и требует ли он специального подхода, должен быть предметом особого

внимания суда. Он разрешается на основании всей совокупности данных, характеризующих уровень психического развития несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, мотивы совершенного преступления, влияние на него старших по возрасту лиц и т. д. Для полной характеристики личности суд вправе по ходатайству сторон или по собственной инициативе назначить судебно-психологическую экспертизу личности несовершеннолетнего.

Помещение в СУВУЗТ целесообразно, если:

1. Преступление детерминационно связано с недостатками навыков социально одобряемого поведения, вызванными неблагополучными условиями жизни и воспитания.
2. Скорректировать эти условия либо уже невозможно, либо крайне затруднительно ввиду масштабности проблемы, не поддающейся судебному урегулированию.
3. Существующие воспитательные структуры и структуры профилактики правонарушений не способны обеспечить позитивной динамики в социализации личности подростка.
4. Поведение несовершеннолетнего может быть скорректировано путем интенсивных воспитательных, образовательных и реабилитационных мероприятий в условиях, исключающих негативное влияние микросоциальной среды.
5. Применение к несовершеннолетнему реального лишения свободы является очевидно несправедливым с учетом данных о его личности, причинах и условиях совершенного преступления, прогностических оценок исправления и предупреждения последующих преступлений [4].

При оценке возможности помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ надо учитывать, что в такое учреждение не могут быть помещены несовершеннолетние, имеющие заболевания, препятствующие их содержанию и обучению в указанных учреждениях (п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5]; Постановление Правительства Рос-

сийской Федерации от 11 июля 2002 г. № 518 «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа органов управления образованием» [6]).

В связи с этим вопрос о направлении несовершеннолетнего осужденного в СУВУЗТ может быть решен судом лишь при наличии медицинского заключения о возможности его пребывания в таком учреждении (Постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2012 г. № 259 «Об утверждении Правил медицинского освидетельствования несовершеннолетнего на наличие или отсутствие у него заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа») [7].

Решение об освобождении несовершеннолетнего от уголовного наказания на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ может быть принято:

1. По итогам судебного разбирательства уголовного дела в суде первой или апелляционной инстанции. Если при рассмотрении уголовного дела при наличии условий, указанных в ч. 2 ст. 92 УК РФ, будет признано достаточным и необходимым для исправления несовершеннолетнего и предупреждения новых преступлений помещение несовершеннолетнего подсудимого в СУВУЗТ, то суд, постановив обвинительный приговор, назначив несовершеннолетнему наказание в виде лишения свободы, освобождает осужденного от отбывания наказания и направляет его в указанное учреждение на срок до наступления совершеннолетия, но не более чем на три года.
2. В порядке исполнения приговора (п. 16 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Когда суд придет к выводу, что для своего исправления несовершеннолетний осужденный нуждается не в дальнейшем отбывании уголовного наказания, а в специальном воспитательном воздействии в условиях учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, он принимает решение об освобождении его от

дальнейшего отбывания лишения свободы и о помещении в СУВУЗТ.

Надо иметь в виду, что речь идет не об условном лишении свободы и не о замене неотбытой части наказания более мягким видом, а о замене назначенного наказания иной мерой правового воздействия. В этой связи злостное нарушение установленных правил пребывания в СУВУЗТ, уклонение от пребывания в нем (побеги), различные антиобщественные действия и нарушения общественного порядка, совершение новых преступлений во время пребывания в учреждении не могут согласно закону рассматриваться в качестве оснований для отмены решения суда о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ и о направлении его в воспитательную колонию для отбытия назначенного по приговору суда наказания в виде лишения свободы. УК РФ не предусматривает оснований для отмены или изменения решения об освобождении от наказания в связи с поведением несовершеннолетнего. В случае совершения нового преступления такой несовершеннолетний согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ считается несудимым.

В случае самовольного ухода несовершеннолетнего из СУВУЗТ, невозвращения его в указанное учреждение из отпуска, а также в других случаях уклонения от пребывания в учреждении суд по месту нахождения СУВУЗТ на основании представления администрации учреждения и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту нахождения учреждения вправе восстановить срок пребывания несовершеннолетнего в СУВУЗТ (ч. 4 ст. 92, ч. 7 ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

По ходатайству осужденного, его родителей или законных представителей, а равно по мотивированному представлению администрации учреждения совместно с Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее по тексту - КДН и ЗП) пребывание несовершеннолетнего в СУВУЗТ может быть прекращено до истечения установленного в приговоре срока (досрочно), но не ранее шести месяцев со дня

поступления в учреждение, если судом будет признано, что подросток по заключению психолого-медико-педагогической комиссии указанного учреждения не нуждается в дальнейшем применении этой меры воздействия либо у него выявлено заболевание, препятствующее его содержанию и обучению в указанном учреждении.

Продление установленного судом срока пребывания несовершеннолетнего в специальном учреждении допускается в двух случаях:

1. По ходатайству несовершеннолетнего в случае необходимости завершения им общеобразовательной или профессиональной подготовки.
2. По представлению администрации учреждения и КДН и ЗП в иных случаях, если судом будет признано, что несовершеннолетний нуждается в дальнейшем применении данной меры; при этом общий срок пребывания несовершеннолетнего в указанном учреждении не может превышать трех лет. Мотивированное представление должно быть внесено не позднее чем за один месяц до истечения установленного судом срока пребывания несовершеннолетнего в указанном учреждении [4].

Принудительная мера воспитательного воздействия в виде помещения несовершеннолетнего, совершившего преступление, в СУВУЗТ, являясь специфической разновидностью освобождения от уголовного наказания, имеет двойственную правовую природу. Ее уголовно-правовой характер обусловлен тем, что норма, предусматривающая эту меру воздействия на несовершеннолетнего, находится в УК РФ. Именно в уголовном законодательстве предусмотрены основания ее назначения, продолжительность, основания ее прекращения и продления.

В то же время на стадии реализации принудительная мера воспитательного воздействия с учетом императивного порядка ее исполнения является по своей природе административно-правовой, поскольку реализуется органами управления образованием, процедура реализации закреплена в административно-правовых актах [8].

Помещение несовершеннолетних в СУВУЗТ выступает в качестве универсальной меры принудительного воздействия как в случаях совершения ими общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, так и при совершении уголовного преступления. Данная мера отличается значительным своеобразием в системе средств воздействия на несовершеннолетних. Помещение в СУВУЗТ лиц в возрасте до восемнадцати лет, совершивших преступления средней тяжести или тяжкие преступления, необходимо рассматривать в качестве самостоятельной меры уголовно-правового воздействия, которая имеет определенное сходство с наказанием в виде лишения свободы, но существенно отличается от перечисленных в ст. 90 УК РФ принудительных мер воспитательного воздействия и занимает между ними промежуточное положение.

Что касается практики применения данной меры, то она применяется еще реже, чем принудительные меры воспитательного воздействия. Так, удельный вес освобождения несовершеннолетних от наказания с помещением в СУВУЗТ от общего количества осужденных несовершеннолетних в Российской Федерации в 2015 г. составил 1,58%, в 2016 г. - 1,64%, в 2017 г. - 1,79%, в 2018 г. - 1,59%, в 2019 г. - 1,72%, в 2020 г. - 1,54% (табл. 1).

Освобождено несовершеннолетних осужденных от наказания (2015–2020 гг.) [9]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество осужденных	22816	23939	20631	18826	16858	14703
Всего освобождено осужденных от наказания:	2385	1523	1089	1214	1448	1369
Освобождено по амнистии - от лишения свободы	807	151	30	3	2	0
Освобождено по амнистии - от иных мер	517	82	18	2	0	0

Освобождено по другим основаниям - от лишения свободы	441	462	414	412	530	594
Освобождено по другим основаниям - от иных мер, в т. ч. наказание не назначалось	620	828	627	797	916	775
Освобождено с помещением в СУВУЗТ	362	394	370	301	291	227
Освобождено с применением других принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ)	597	722	506	658	705	564

Таблица 1

Нормативно-правовая основа деятельности СУВУЗТ в настоящее время находится в стадии глубокого реформирования, а потому является неполной.

Согласно ч. 12 ст. 66 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [10] для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода, в целях получения ими начального общего, основного общего и среднего общего образования уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации или субъектов Российской Федерации создаются специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типов.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» несовершеннолетние осужденные, которые освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ, помещаются в СУВУЗТ.

Основы осуществления образовательной, воспитательной и хозяйственно-экономической деятельности специального учебно-воспитательного учре-

ждения должны быть урегулированы соответствующим типовым положением. В связи с изданием Постановления Правительства Российской Федерации от 29 марта 2014 г. № 245 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [11], ранее действовавшее Постановление Правительства Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 420 «Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением» [12] утратило силу. Новое постановление до настоящего времени не принято.

Таким образом, представляется разумным отметить, что при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности следует помнить о приоритете интересов несовершеннолетнего при разрешении любых вопросов, связанных с предупреждением преступности, об отказе от доминирования контрольно-предупредительной практики и смещении акцентов в пользу охранно-защитной функции всей системы профилактики преступности [13].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25 Ст. 2954.

2. Филимонов В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М.: ЮрИнфоР-МГУ, 2008. 248 с. С. 154.

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. 1536 с.

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177

6. Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях за-

крытого типа: Постановление Правительства РФ от 11.07.2002 № 518 // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 28. Ст. 2873.

7. Об утверждении Правил медицинского освидетельствования несовершеннолетнего на наличие или отсутствие у него заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа: Постановление Правительства РФ от 28.03.2012 № 259 // Собрание законодательства РФ. 2002 2012. № 14. Ст. 1653.

8. Прозументов Л. М. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации. Томск: 2015. 176 с.

9. Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики [Электронный ресурс / Официальный сайт «http://crimestat.ru» - URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 21.07.2021)

10. Волошин В. В. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. ЕкатеринбургОб образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. (Часть I). ст. 7598.

11. О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29 марта 2014 г. № 245 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1636.

12. Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением: Постановление Правительства РФ от 25 апреля 1995 г. № 420 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1681

13. Волошин В. В. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 48 с. С. 24.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25 Art. 2954.

2. Filimonov V. D. Criminal liability under Russian law. P. 154.

3. On the judicial practice of the application of legislation regulating the peculiarities of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.02.2011 No. 1 (as amended on 29.11.2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 4.

4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical) / Ed. A. I. Chuchaev. Moscow: Prospect, 2019. 1536 p.

5. On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177

6. On the approval of the list of diseases that impede the maintenance and education of minors in special educational institutions of a closed type: Decree of the Government of the Russian Federation of July 11, 2002 No. 518 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002 No. 28. Art. 2873.

7. On the approval of the Rules for medical examination of a minor for the presence or absence of a disease that prevents his maintenance and training in a special educational and educational institution of a closed type: Resolution of the Government of the Russian Federation of March 28, 2012 N 259 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002 2012. No. 14. Art. 1653.

8. Prozuments L. M. Criminal liability of minors under the legislation of the Russian Federation. Tomsk: 2015.176 p.

9. Judicial statistics. URL: http://www.cdep.ru/ index.php? Id = 5

10. On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53. (Part I). Art. 7598.

11. On recognizing as invalid some acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of March 29, 2014 No. 245 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 14. Art. 1636.

12. On the approval of the Model Regulations on a special educational institution for children and adolescents with deviant behavior: Resolution of the Government of the Russian Federation of April 25, 1995 No. 420 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 18. Art. 1681

13. Voloshin V. V. Criminal law policy of Russia in relation to juvenile offenders and the role of responsibility in its implementation: author. diss. ... Dr. legal sciences. Yekaterinburg, 2008. 48 p. P. 24.

УДК/UDC 343.97

Противодействие религиозному экстремизму в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказания России

Ситникова Марина Петровна
соискатель степени кандидата юридических наук кафедры уголовного права и криминологии
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия
e-mail: solnyschko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема проявления и распространения религиозного экстремизма в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказания России. Подробно изложена вся совокупность факторов, способствующих появлению рассматриваемого явления в местах лишения свободы, которые в зависимости от различных оснований делятся на группы. Дается криминологическая характеристика религиозного экстремиста в исправительных учреждениях, а также исследуется виктимологическая составляющая исследуемой проблематики. Особое внимание автор обращает на процесс вербовки в радикальный ислам в стенах исправительного учреждения. С целью определения представления оперативных сотрудников о процессе вовлечения в религиозные экстремистские группировки было проведено исследование респондентов на предмет знаний данных о вербовочной деятельности, что позволило выявить недостаточную осведомленность об образе вербовщика. По результатам работы автором предложены некоторые меры противодействия религиозному экстремизму в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказания России.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, исправительное учреждение, радикальный ислам, религиозная организация, факторы религиозного экстремизма.

Countering religious extremism in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

Sitnikova Marina Petrovna
Candidate of the degree of Candidate of Law of the Department of Criminal Law and Criminology
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
e-mail: solnyschko@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of manifestation and spread of religious extremism in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The entire set of factors contributing to the appearance of the phenomenon under consideration in places of deprivation of liberty, which, depending on various grounds, are divided into groups, is described in detail. A criminological characteristic of a religious extremist in correctional institutions is given, and the victimological component of the problem under study is also investigated. The author pays special attention to the process of recruiting into radical Islam within the walls of a correctional institution. In order to determine the perception of operational officers about the process of involvement in religious extremist groups, a survey of respondents was carried out for knowledge of data on recruiting activities, which made it possible to reveal a lack of awareness of the recruiter's image. Based on the results of the work, the author proposed some measures to counter religious extremism in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Key words: religious extremism, correctional institution, radical Islam, religious organization, factors of religious extremism.

Экстремизм в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России (далее по тексту - ИУ ФСИН России) - это опасное явление, способствующее сплочению осужденных для группового сопротивления требованиям режима содержания в ИУ ФСИН России и проявляемое в противоправной деятельности некоторых подозревае-

мых, обвиняемых и осужденных по распространению крайне радикальных взглядов различного толка [1, с. 108].

Религиозный экстремизм в уголовно-исправительной системе (далее по тексту - УИС) - это вид тюремной субкультуры, представляющий определенную совокупность антиценностей, признаком которых является антагонистичность и противопоставленность традиционным гуманистическим ценностям и нормам массовой культуры. Подобное противопоставление дает осужденному некую возможность для реализации своей потребности в коммуникации в рамках изоляции от общества.

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (далее по тексту - УИК РФ) [2] основной целью УИС является исправление осужденных путем отбывания наказания за совершенное им преступление. Более конкретные цели и задачи также закреплены в Концепции федеральной целевой программы «Развитие УИС (2017–2025 гг.)» [3].

В настоящее время в ИУ ФСИН России содержатся более 1500 подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших преступления экстремистской направленности, из которых часть причастны к международным организациям [4, с. 192].

Наиболее распространен в ИУ ФСИН России экстремизм мусульманского толка, радикальные проявления которого угрожают внутренней безопасности ИУ (радикальный ислам). Однако такие экстремисты не считают себя преступниками - они лишь жертва «правящего режима», и в пределах ИУ враг для них лишь администрация. На основании этого осужденные с радикальным религиозным мировоззрением во время отбывания ими уголовного наказания объединяются в группы [5, с. 6].

Примером религиозного экстремизма в ИУ может служить случай, когда 9 июля 2013 г. главное управление МВД России по Приволжскому федеральному округу возбудило уголовное дело по ч. 2 ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) в отношении гражданина М. Он возглавлял Центральное духовное управ-

ление мусульман Ульяновской области в составе Совета муфтиев России и был обвинен в активном участии в деятельности тюремной ячейки экстремистской организации «Имарат Кавказа», которая была создана на территории ИК-2 Новоульяновска [6, с. 357].

Отсюда видно, что выработка комплекса мер, направленных на противодействие религиозному экстремизму в ИУ ФСИН России, представляется необходимой.

Факторы распространения религиозного экстремизма в ИУ России можно разделить на четыре группы:

1. Связанные непосредственно с ИУ и системой уголовно-исполнительного наказания:
   1.1. Территориальная расположенность ИУ, которая обуславливает религиозную, национальную, этническую неоднородность подозреваемых, обвиняемых, осужденных [7, с. 124].
   1.2. Коррупционная составляющая в УИС [8, с. 124].
   1.3. Низкий уровень информационного взаимодействия оперативных подразделений ИУ с правоохранительными ведомствами.
   1.4. сходство принципов экстремистских учений с тюремной субкультурой.
2. Связанные с сотрудниками ИУ:
   2.1. Давление со стороны религиозных экстремистов на администрацию ИУ путем манипуляции правами верующих [9, с. 150].
   2.2. Отсутствие у оперативных сотрудников ИУ необходимых знаний об экстремистской идеологии.
3. Связанные с осужденными в ИУ:
   3.1. Большое количество мигрантов среди осужденных-экстре мистов: под видом трудовых мигрантов на территории государства проникают иностранные боевики, придерживающиеся религиозной экстремистской идеологии.

3.2. Наличие у осужденных содержащей информацию о радикальных течениях литературы, которая попадает в руки осужденных с помощью корреспонденции [7, с. 124].

3.3. Возможность использования средств телекоммуникации осужденными, склонными к экстремистской деятельности.

3.4. Увеличение числа лиц, обращенных в новое вероисповедание (неофитов).

3.5. Крайне низкий уровень религиозного образования осужденных.

3.6. Наличие в ИУ лиц, совершивших преступления экстремистской направленности.

3.7. Источники финансирования, позволяющие членам экстремистской организации проводить идеологическую обработку и оказывать финансовую поддержку потенциальным последователям.

4. Связанные с религиозными организациями:

4.1. Непубличность деструктивной религиозной организации.

4.2. Осуществление через интернет-ресурсы религиозной организации вербовки адептов.

4.3. Хорошие психологические навыки членов деструктивной религиозной группы.

4.4. Отрицание любого инакомыслия фанатичными членами деструктивной религиозной группы [9, с. 150].

Особую опасность представляют и СМИ: с одной стороны, они отражают сложность всех происходящих процессов, а с другой - распространяют идеи, призывы и лозунги, которые усугубляют противоречия и расширяют зоны напряженности. По характеру и мотивам, т. е. сюжетной линии и жанру, публикации можно разделить на:

1. Власть и коррупция. СМИ активно приводит сведения об утрате контроля за состоянием борьбы с преступностью, коррупцией и иными антиобщественными проявлениями, о сращивании чиновников с оргпреступностью и т. д. Критикуется деятель-

ность правоохранительных органов, в результате чего формируется негативное отношение к сотрудникам правоохранительной системы в целом. После подобного рода идеологической обработки убийство религиозного лидера, сотрудника полиции воспринимаются обществом по принципу «так им и надо».

2. Власть и религия. Критикуется отсутствие необходимого диалога и взаимодействия власти и религиозных организаций во имя мира и безопасности. Освещается бездействие властей в отношении религиозных организаций, игнорирующих светские принципы власти. Критика не носит конструктивного характера и в ней не просматриваются идеи консолидации усилий власти и религий в решении государствообразующих задач, что вызывает недоверие общества. Особо отмечается отсутствие внутриконфессионального мира среди мусульман и раскол по важным каноническим вопросам, обрядам, ритуалам и срокам проведения религиозных праздников. Религиозные лидеры постоянно подвергаются систематическим нападкам со стороны СМИ. О ежедневной работе по взаимодействию с государством умалчивается. Экстремизм в одних публикациях отождествляется с исламом и шариатом, в других же источниках делается вывод о том, что он - результат слабости ислама и шариата.
3. Власть, ислам, образование. Игнорируется основополагающий принцип единства образования, образа жизни и управления обществом и государством. Предпринимаются информационные попытки противопоставления и обоснования несовместимости характеров, целей и задач религиозного и светского образования в России.

Так публикации отражают сложные вопросы отношений власти и религии, динамично развивающихся государственно-конфессиональных отношений. В этих условиях негативные информационные атаки и крайности в оценках роли и значения ислама в развитии общества опасны. Нет должного осознания чувствительности, уязвимости религиозной те-

матики и ответственности за слово, подрывающее единство религий, общества, государства и их солидарную ответственность за общую безопасность [10, с. 198].

За последнее десятилетие преступления в ИУ ФСИН России подверглись качественному и количественному изменению: появился ряд преступных деяний, связанных с модернизацией новейших технологий и разрастанием межрелигиозных, межэтнических конфликтов [11, с. 151].

В настоящее время статистика показывает, что более 18% осужденных за преступления экстремистской направленности - это члены религиозных экстремистских организаций [12, с. 26]. Многие из них являются выходцами из государств, где активно осуществляют свою деятельность международные экстремистские организации [13, с. 80].

На данном этапе происходит увеличение количества осужденных, исповедующих радикальные направления религии. Зачастую подобное происходит из-за смены обстановки путем помещения в изолированное учреждение либо в связи с угнетенным психологическим состоянием.

В настоящее время под влиянием религиозно-экстремистской идеологии в ИУ приняли ислам свыше 350 лиц и предполагается дальнейшее увеличение распространения идеологии радикального ислама в ИУ [11, с. 148], в частности такого его направления, как ваххабизм.

Основа вероучения ваххабитов есть требование придерживаться принципа тавхида (единобожия). Идеология ваххабитов заключается в признании источником вероучения Корана и достоверной Сунны. Также одно из ведущих мест отводится джихаду, под которым понимается вооруженная борьба за веру.

Экстремизм ваххабитов - это огромная проблема, которая не имеет решения через переговоры, поскольку сами ваххабиты не настроены на компромисс и считают свою позицию единственно верной. Для достижения своей цели они признают все методы, вплоть до убийств несогласных, что и представляет острую проблему государства и общества [14, с. 281].

В местах лишения свободы осужденный сталкивается с тюремной субкультурой и социумом, становится благодатным субстратом для адеп-

тов религиозного экстремизма, которые навязывают ему человеконенавистнические постулаты [1, с. 109].

Статистика также показывает, что основной возраст осужденных за религиозный экстремизм - от 18 до 38 лет [15, с. 102]. Как правило, такие осужденные держатся отдельно от основной массы и в соответствии со своими интересами, взглядами, с этнической и религиозной принадлежностью объединяются в группы.

Однако по поведению указанных лиц невозможно отнести их к отрицательным: каждая подобная группа осуществляет латентную деятельность по укреплению экстремистских идей и их пропаганде, привлекая в свои ряды новых сторонников. Такие группы также осуществляют поиск материальных средств для финансирования своей деятельности, планируют различного рода акции во время и после отбывания наказания [16, с. 136].

Необходимо знать, что в ИУ содержатся люди, которые исповедуют различные вероучения, но многие только лишь прикрывается религией, обращаясь к ней лишь для того, чтобы пользоваться некоторыми привилегиями, например, иметь свободный доступ посещения мечети, возможность пользоваться религиозной литературой и др. [7, с. 124].

Как правило, в основе деятельности осужденных за религиозный экстремизм лежит радикальная идея либо их совокупность [17, с. 100].

Рассматриваемой категории осужденных свойственны такие качества, как злость, агрессия, склонность к враждебному реагированию, тревожность, чувство вины, страх, фобии, депрессии, ночные кошмары и т. д. Указанные лица также отличаются социальной изолированностью, импульсивностью, враждебностью, преобладанием неконструктивных механизмов психологической защиты, склонностью находить причины с целью оправдания своих неудач внешними обстоятельствами, дефектами в волевой сфере, неспособностью упорно трудиться, конфликтами с окружающими [17, с. 101].

Также для осужденного за религиозный экстремизм характерны низкий уровень социальной адаптивности в сочетании с высоким уров-

нем тревожности; неумение и нежелание приспосабливаться к окружающим условиям; заострение внимание на одной, зачастую надуманной проблеме; отсутствие постоянных привязанностей и семьи. Данная категория лиц склонна к шизофрении либо иным психическим заболеваниям (биполярное расстройство личности).

Представители этнических групп осужденных имеют традиции, касающиеся внешнего вида, в т. ч. бороду. Для тех, кто исповедует исламскую религию, борода является неотъемлемым атрибутом (салафиты-ваххабиты) [7, с. 124].

Для выявления сторонников радикального течения ислама необходимо знать его отличия от иных направлений. Так, ваххабиты трактуют Коран буквально и отличаются враждебным отношением к культурным ценностям. Они стремятся к созданию новой исторической общности мусульман. Не принимающие их мировоззрение люди - главные враги вахабитов. Они также не признают государственные законы и решения светских судов, кроме шариатского. Их целью является создание единого исламского государства - халифата. Однако главной чертой ваххабитов является крайний радикализм по отношению к лицам, исповедующим иные религии, а также к мусульманам - последователям других направлений в исламе.

Ваххабиты отличаются тем, что в мечети они не надевают на голову тюбетейку и не пользуются четками, а в последнее время и вовсе называют себя салафитами [16, с.136].

Для своевременного реагирования на религиозные проявления экстремизма в ИУ важно знать, как происходит процесс вербовки. Вербовочная деятельность в ИУ является мощным криминальным явлением с четко определенными целями. Весьма сложным представляется выявление лиц, занимающихся распространением идеологии экстремизма в местах лишения свободы, ввиду недостаточного владения правоохранительными органами необходимой информацией [18, с. 26].

Для определения представления сотрудников ИУ о процессе вовлечения в экстремистские группировки мы исследовали 50 сотрудников

ИУ. Определяющим критерием был стаж служебной деятельности от 1 до 5 лет. Методом исследования являлись анкетирование, беседа, ассоциативный рисунок.

Первый этап исследования определил, что в целом сотрудники вполне достаточно владеют понятийным аппаратом и различают деяния, подпадающие под категорию «экстремизм», при этом респонденты заявили, что не могут быть завербованы.

Второй этап исследования выявил, что сотрудники не имеют четкого представления о внешнем облике вербовщика. В самом общем виде они ассоциируют экстремизм с исламом, предполагая, что распространитель экстремистских идей - молодой человек с бородой, четками, одетый в традиционный арабский наряд. Отметим, что в качестве агента не рассматривалась женщина, а также строго одетый мужчина славянской внешности. Также респонденты представляли процесс вербовки как активную деятельность вербовщика, в т. ч. его монолог. При этом вербовщик должен сразу говорить о политике, религии и т. д. На деле же сам процесс вербовки начинается с отдаленных тем, а склонение к экстремистской деятельности начинается позднее после установления крепкой эмоциональной связи.

Также респонденты утверждали, что экстремизм чаще распространяется через специальную литературу, реже через интернет-ресурсы и действия религиозных организаций. Практика же показывает, что 75% вербовочной работы осуществляется через общение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [19, с. 448].

Российские ученые на проблему вербовки заключенных в экстремистские организации обратили внимание только в 2012 г., поскольку к этому времени произошло массовое вовлечение осужденных в подобного рода преступные группировки.

Идеологической обработке, как правило, подвергаются лица молодого, реже среднего возраста, часто неоднократно судимые, не имеющие семьи, занимающие низшие позиции в криминальной среде, слабовольные и рассматривающие радикальный ислам как вариант личностного

развития. Они довольно легко поддаются влиянию, поэтому их можно использовать в качестве террористов-смертников или боевиков. Приверженцы радикального ислама начинают процесс психологической обработки сознания осужденных со знакомства с положениями Корана, преподнося их в выгодном для них ключе с целью принятия исламской веры. Далее обработка сознания индивида происходит посредством применения литературы экстремистской направленности. Желанию стать членом экстремистской группы способствуют высокая сплоченность заключенных из числа приверженцев ислама и их готовность отстаивать интересы своих собратьев в разного рода конфликтных ситуациях [11, с. 149].

Особенно остро стоит вопрос по тоталитарным сектам иностранного происхождения и деструктивным религиозным организациям, искажающим духовные ценности традиционного ислама. Так, например, осужденный Ш., отбывавший наказание в исправительно-трудовой колонии за совершение преступлений экстремистской направленности, ранее прошедший обучение в запрещенном в России учебном центре «Таблиги Джамаад» в Республике Индия, инициировал деятельность по созданию международного вышеуказанного религиозного объединения на территории ИК-4. Преступная деятельность осужденного Ш. в ходе проведения оперативных мероприятий была задокументирована и стала основанием привлечения его к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ [20, с. 18].

В целом всех вербуемых в ИУ можно разделить на две группы:

1. Из числа осужденных - лидеры группировок экстремистского толка распространяют свое влияние на спецконтингент с целью вовлечения осужденных в различные течения радикального ислама и участия в незаконных вооруженных формированиях после освобождения. В последнее время все больше появляется религиозных мусульманских общин - джамаатов, где непринужденно ведутся разговоры о религии с целью пропаганды ваххабитских (салафитских) идей. Результатом всего этого становит-

ся принятие осужденным ислама и готовность стать шахидом, воюя на стороне запрещенного на территории РФ ИГИЛ [21, с.12].

2. Из числа сотрудников УИС - недавно закончившие ведомственные образовательные учреждения молодые сотрудники УИС являются основными объектами атаки радикалов. Они представляют особую ценность для вербовки в связи с тем, что обладают общими знаниями по профессии: навыками ведения оперативной работы и хорошим уровнем владения оружием в совокупности со спортивной подготовкой.

Таким образом, для эффективного противодействия религиозному экстремизму в ИУ оперативным работникам необходимо владеть определенным объемом знаний в данной области, совершенствуя свой профессионализм путем посещения занятий по спецподготовке, обмена опытом с оперативными подразделениями иных правоохранных структур.

Сотрудникам ИУ также следует помнить, что перед ним - идейный противник, который действует от лица хорошо законспирированной организации, в совершенстве владея разнообразными психологическими техниками воздействия на людей и знанием священных книг различных религий.

Необходимо и взаимодействие с религиозными мусульманскими управлениями, занимающимся проблемой экстремизма, а также пошаговая разборка каждого факта проявления экстремизма с целью избрания наиболее эффективных методов борьбы с ним. Знание необходимой теории исламской религии дает возможность предположить дальнейшие намерения осужденного.

Воспитательную работу с осужденными необходимо начинать с первого дня их пребывания в ИУ, учитывая при этом индивидуальные особенности личности заключенного и влияние на него со стороны.

С учетом вышеизложенного для профилактики и предупреждения религиозного экстремизма в ИУ мы рекомендуем:

1) выявлять осужденных, испытывающих трудности в заключении, и проводить с ними индивидуально-воспитательную работу;
2) создать альтернативу для замены экстремистских взглядов осужденных, донося в доступной форме положение о том, что экстремизм в корне искажает систему общечеловеческих ценностей;
3) организовывать посещение ИУ жертвами, пострадавшими от экстремистской деятельности, с целью проведения беседы с участием жертв и заключенных;
4) изолировать наиболее радикальных исламистов от основной массы осужденных;
5) лишать заключенных-исламистов, подозреваемых в причастности к экстремизму, основных привилегий в виде телефонных звонков, доступа к телевизору, книгам и т. д., что приведет к расколу внутри радикальных групп;
6) знакомить сотрудников с особенностями поведения осужденных из числа экстремистов и обучать знаниям об исламе и о мусульманских религиозных обрядах.

Список литературы

1. Пономарев С. Б., Полищук В. Е. Взаимодействие религиозного экстремизма и тюремной субкультуры как социокультурных явлений // Сборник материалов на тему «Борьба с экстремизмом в уголовно-исполнительной системе». М.: Юридическая литература, 2019. 210 с.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 13.06.2021).

3. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»: Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 № 2808-р // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210073/ (дата обращения: 13.06.2021).

4. Румянцев Н. В. Некоторые вопросы организации профилактики экстремизма и терроризма в местах лишения свободы: современное состояние и пути совершенствования // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы всероссийской научно-практической конференции в 2 ч. Ч. 1. Самара: СЮИ ФСИН России, 2019. С. 191–193.

5. Капинус О. С. Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму и терроризму // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 3 (59). С. 5–13.

6. Хрулева В. В., Маслова И. С. О некоторых проблемах борьбы с религиозным экстремизмом в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука». 2018. № 3. С. 355–360.

7. Фомин И. С. Некоторые особенности поиска информации в исправительных учреждениях в сфере противодействии религиозному экстремизму // Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука». 2018. № 3. С. 123–125.

8. Горяинова К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд., перераб и доп. М.: Дельта-пресс, 2012. 832 с.

9. Румянцев Н. В., Нарусланов Э. Ф. Профилактика финансирования и иной противоправной экстремистской и террористической деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 148–152.

10. Бекмурзаев Б. А. Ислам и актуальные проблемы безопасности юга России. Махачкала: Дельта-пресс, 2011. 288 с.

11. Синельников А. С., Фомин И. С., Шерхов Р. Р. Актуальные вопросы противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в исправительных учреждениях оперативными подразделениями УИС // Право и государство: теория и практика. 2019. № 2 (170). С. 147–151.

12. Чайковский А. А. Проблемные вопросы формирования понятийного аппарата в деятельности оперативных подразделений по противодействию экстремизму в местах лишения свободы // Российская пенитенциарная система: актуальные правовые и практические вопросы. 2019. № 4. С. 25–30.

13. Куликов А. Г. Особенности оперативно-розыскного противодействия вовлечения лиц в экстремистские религиозные группы в местах лишения свободы // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: материалы всероссийской научно-практической конференции. Под ред. В. Л. Колесникова, К. М. Ханбабаева, М. Я. Яхъяева и др. Махачкала: Лотос, 2007. 752 с.

14. Ярлыкапов А. А. Ваххабиты о ваххабизме: идеология религиозно-политического экстремизма из первых рук // Актуальные проблемы противодей-

ствия религиозно-политическому экстремизму: материалы всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Лотос, 2017. 207 с.

15. Ештокин А. П. Политика противодействия экстремизму в местах лишения свободы как ставная часть стратегии национальной безопасности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 101–106.

16. Синельников А. С., Фомин И. С., Шерхов Р. Р. Противодействие терроризму и экстремизму оперативными подразделениями в условиях исправительных учреждений УИС // Право и государство: теория и практика. 2019. № 3 (171). С. 135–138.

17. Сочивко О. И. Психологическое сопровождение осужденных за преступления экстремистской направленности // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3 (48). С. 99–103.

18. Гуркина Т. А., Тепляков О. В. Пропагандистская деятельность в сфере противодействия идеологии экстремизма в местах принудительного содержания // Профессиональное образование и наука. 2019. № 2 (7). С. 26–35.

19. Сиранашвили Л. А. Экстремизм в современном обществе: интернет как фактор распространения экстремизма среди российской молодежи // Молодой ученый. 2018. № 50. С. 447–449.

20. Пертли Л. Ф., Ибрагимов О. А., Горенкова Е. В., Нарусланов Э. Ф. Обзор опыта работы учреждений и органов ФСИН России // Выявление, пресечение и раскрытие преступлений, совершенных членами деструктивных религиозных организаций в местах лишения свободы. М.: Лотос, 2016. 312 с.

21. Козин М. Н. Радикальный ислам в исправительных учреждениях: особенности распространения и меры профилактики // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2019. № 2. С. 12–14.

References

1. Ponomarev S. B., Polishchuk V. E. Interaction of religious extremism and prison subculture as sociocultural phenomena // Collection of materials on the topic "Fighting extremism in the penal system". Moscow: Legal Literature, 2019. 210 p.

2. The Criminal Executive Code of the Russian Federation dated 01/08/1997 No. 1-FZ (as amended on 06/11/2021) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (date of access: 13.06.2021).

3. On the approval of the Concept of the federal target program "Development of the penal system (2017–2025) ": Order of the Government of the Russian Federation of 23.12.2016 No. 2808-r // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210073/ (date of access: 13.06.2021).

4. Rumyantsev N. V. Some issues of organizing the prevention of extremism and terrorism in prisons: current state and ways of improvement // Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific and practical conference in 2 hours. Part 1. Samara: SUI FSIN of Russia, 2019. Pp. 191–193.

5. Kapinus O. S. The activities of the prosecutor's office in countering extremism and terrorism // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2017. No. 3 (59). Pp. 5–13.

6. Khruleva V. V., Maslova I. S. On some problems of combating religious extremism in the penitentiary system of the Russian Federation // Scientific and practical journal "Penitentiary Science". 2018. No. 3. Pp. 355–360.

7. Fomin I. S. Some features of information search in correctional institutions in the field of countering religious extremism // Scientific and practical journal "Penitentiary Science". 2018. No. 3. Pp. 123–125.

8. Goryainova K. K., Ovchinsky V. S., Sinilov G. K. Theory of operational-search activity: textbook. 2nd ed., Revised and enlarged. Moscow: Delta-press, 2012. 832 p.

9. Rumyantsev N. V., Naruslanov E. F. Prevention of financing and other illegal extremist and terrorist activities in the institutions of the penal system // Bulletin of economic security. 2019. No. 4. Pp. 148–152.

10. Bekmurzaev B. A. Islam and topical problems of security in the south of Russia. Makhachkala: Delta-press, 2011. 288 p.

11. Sinelnikov A. S., Fomin I. S., Sherkhov R. R. Topical issues of countering manifestations of extremism and terrorism in correctional institutions by operational units of the penal system // Law and state: theory and practice. 2019. No. 2 (170). Pp. 147–151.

12. Tchaikovsky A. A. Problematic issues of the formation of the conceptual apparatus in the activities of operational units to counter extremism in places of confinement // Russian penitentiary system: topical legal and practical issues. 2019. No. 4. Pp. 25–30.

13. Kulikov A. G. Features of operational-search counteraction to the involvement of persons in extremist religious groups in places of confinement // Actual problems of countering religious and political extremism: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Ed. V. L. Kolesnikova, K. M. Khanbabaeva, M. Ya. Yakhyaeva and others. Makhachkala: Lotos, 2007. 752 p.

14. Yarlykapov A. A. Wahhabis about Wahhabism: the ideology of religious and political extremism at first hand // Actual problems of countering religious and political extremism: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Makhachkala: Lotus, 2017. 207 p.

15. Eshtokin A. P. The policy of countering extremism in prisons as a fixed part of the national security strategy of Russia // Srednerusskiy Vestnik of Social Sciences. 2015. No. 2. Pp. 101–106.

16. Sinelnikov A. S., Fomin I. S., Sherkhov R. R. Countering terrorism and extremism by operational units in the conditions of correctional institutions of the penal system // Law and state: theory and practice. 2019. No. 3 (171). Pp. 135–138.

17. Sochivko O. I. Psychological support of those convicted of extremist crimes // Applied legal psychology. 2019. No. 3 (48). Pp. 99–103.

18. Gurkina T. A., Teplyakov O. V. Propaganda activities in the field of countering the ideology of extremism in places of forced detention // Professional education and science. 2019. No. 2 (7). Pp. 26–35.

19. Siranashvili L. A. Extremism in modern society: the Internet as a factor in the spread of extremism among Russian youth // Young Scientist. 2018. No. 50. Pp. 447–449.

20. Pertli L. F., Ibragimov O. A., Gorenkova E. V., Naruslanov E. F. Review of the experience of the institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia // Identification, suppression and disclosure of crimes committed by members of destructive religious organizations in places of imprisonment. Moscow: Lotos, 2016. 312 p.

21. Kozin M. N. Radical Islam in correctional institutions: features of distribution and preventive measures // Electronic scientific journal "Science Diary". 2019. No. 2. Pp. 12–14.

УДК/UDC 343.1

Использование цифровой информации в доказывании при расследовании преступлений

Тарасов Анатолий Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия
г. Краснодар, Россия
e-mail: tarasov-av@mail.ru

Аннотация

В статье затронуты основные проблемы использования цифровых технологий в расследовании преступлений. Рассматриваются возможности цифровых технологий для фиксации следов преступлений и доказывания в уголовном судопроизводстве. Отмечается, что, хотя правоприменитель стал широко использовать технические (электронные) средства в повседневной жизни, законодатель оставил вне поля правового регулирования целый ряд вопросов, возникающих в ходе применения этих средств. Наиболее актуальными проблемами применения цифровых технологий в расследовании преступлений являются легализация оперативно-розыскной цифровой информации, надлежащая фиксация результатов оперативно-розыскных мероприятий, изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий с точки зрения участия в них специалиста. Также обращается внимание на отсутствие закрепления ряда фундаментальных понятий в уголовно-процессуальном законодательстве. Автор приходит к выводу о том, что рассматриваемый институт требует дальнейшего осмысления и совершенствования со стороны законодателя.

Ключевые слова: цифровые технологии, интернет, следы преступления, цифровые средства фиксации, оперативно-розыскная деятельность, расследование преступлений.

Digital information in evidence in the investigation of crimes

Tarasov Anatoliy Vyacheslavovich
Candidate of Law, assistant professor, honored lawyer of Kuban
North Caucasus branch of the Russian State University of Justice
Krasnodar, Russia
e-mail: tarasov-av@mail.ru

Abstract

The article touches upon the main problems of using digital technologies in the investigation of crimes. The possibilities of digital technologies for fixing traces of crimes and proving them in criminal proceedings are considered. It is noted that, although the law enforcement officer began to widely use technical (electronic) means in everyday life, the legislator left outside the field of legal regulation a number of issues that arise in the course of the use of these means. The most pressing problems of the use of digital technologies in the investigation of crimes are the legalization of operational-investigative digital information, the proper recording of the results of operational-search activities, the seizure of electronic media during investigative actions from the point of view of the participation of a specialist in them. Attention is also drawn to the lack of consolidation of a number of fundamental concepts in the criminal procedure legislation. The author comes to the conclusion that the institution under consideration requires further understanding and improvement on the part of the legislator.

Key words: digital technologies, Internet, traces of crimes, digital means of fixation, operational investigations, crime investigation.

В современных условиях развития России, которые характеризуются внедрением во все области права новейших технологий, инновацией существующих систем, глобальной информатизацией общества, особо остро встает вопрос о применении в качестве доказательств информации с электронных носителей (далее по тексту - цифровая информация).

Казалось бы, технические средства к 2020 г. стали постоянными спутниками современного человека. Ежедневно общество тратит несколько часов на общение в социальных сетях, мессенджерах, по теле-

фону. В этом огромном информационным потоке, к сожалению, совершаются преступления. Все это, безусловно, должно включаться в процесс доказывания.

Тем не менее законодательство в этой части несовершенно: правоприменитель стал широко использовать технические средства, особенно электронные, а законодатель оставил вне поля правового регулирования целый ряд вопросов, возникающих в ходе применения этих средств. Создается впечатление, что законодатель недооценивает возможности, позволяющие эффективно применять названные средства с целью получения доказательств и для уголовно-процессуального доказывания. Ввиду этого не вызывает сомнения актуальность рассматриваемых вопросов в части существующих пробелов в законодательстве.

В первую очередь существенным пробелом является легализация оперативно-розыскной цифровой информации. Предлагаем рассмотреть ее на примере прослушивания телефонных переговоров.

Так, еще в 2016 г. в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее по тексту - Закон «Об ОРД») был введен новый пункт - «Получение компьютерной информации».

На сегодняшний день в соответствии с Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму"и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [2] и Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [3], внесшими изменения в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. №126 «О связи» [4] (далее по тексту - Закон «О связи»), в закон «Об ОРД», и еще в ряд нормативных правовых актов, вся цифровая информация аккумулируется у провайдеров. Так, информация о

любых соединениях между абонентами хранится в течение трех лет, а сама звуковая информация - в течение шести месяцев.

Ст. 64 Закона «О связи» регламентирует, что операторы связи обязаны при необходимости предоставлять цифровую информацию (текстовые сообщения, изображения, звуки, видео и иные сообщения пользователей услугами связи) уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Также в 2019 г. были внесены изменения в ст. 8 Закона «Об ОРД», согласно которым при соблюдении определенных условий «допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у несовершеннолетнего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов».

Таким образом, законодатель в целом регламентировал осуществление оперативно-розыскной деятельности в этой части и получение от операторов связи необходимых данных. Но логично возникает вопрос о способе использования таких данных (например, результатов прослушивания телефонных переговоров) в тех случаях, когда латентное преступление совершается «сегодня», а, допустим, цифровая информация, которую необходимо получить, появилась «до» (например, когда происходила подготовка к преступлению). Или в части таких составов, как мошенничество или коррупционные преступления, которые в принципе по своей природе латентные (ведь они могут быть скрыты на протяжении полугода или даже больше).

Как нами уже было отмечено ранее, цифровая информация о таких преступлениях также хранится. Но возникает парадокс в следующей части: если преступление расследуется в настоящее время, то согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее по тексту - УПК РФ) [5] следователь в судебном порядке получает судебное решение на прослушивание телефонных переговоров и, например, про-

слушивает цифровую информацию за шесть месяцев (уголовное дело в таком случае уже возбуждено). Оперативные подразделения также могут совершать подобные действия в рамках оперативно-розыскных мероприятий, но только на основании судебного решения, а затем передавать рассекреченные прослушанные телефонные переговоры следователю, который приобщает их к материалам дела, и они облачаются в доказательственную базу. В таких случаях цифровые доказательства законны.

Но как быть в ситуации, когда ни следователь, ни оперативные подразделения к суду не обращались, у них нет разрешения на прослушивание, но они знают, что цифровая информация сохранена на серверах и могут в течение шести месяцев получить эту информацию и прослушать. Как узаконить такую информацию? Ведь на тот момент судебного решения на прослушивание этих телефонов не было, а был лишь закон, упомянутый выше, обязывающий всех провайдеров сохранять такую информацию.

Таким образом, на сегодняшний момент складывается ситуация, когда определенная оперативно-розыскная информация не может быть легализована, поскольку ст. 89 УПК РФ регламентирует запрет использования результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Получается, что вышеуказанная возможность правоохранительных органов порой нивелируется УПК РФ, запрещающим использовать полученные результаты в качестве доказательств. Ведь непонятно, каким образом правоохранительным органам соблюсти все требования к доказательствам в так называемых неотложных ситуациях, когда медлить, например, с прослушиванием телефонных переговоров нельзя (когда они прослушиваются без решения суда).

Складывается судебная практика, согласно которой все полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий данные остаются лишь оперативно-значимой информацией, которую не представляется возможным легализовать. Так, например, в кассации приговор по уголовному делу был изменен: телефонные переговоры двух осужден-

ных исключены как недопустимые доказательства (как раз потому, что разрешалось прослушивать их переговоры только с момента вынесения постановлений, но не содержалось решение о законности и обоснованности уже проведенных «неотложных» мероприятий [6]).

Еще одним нерегламентированным законодателем моментом является надлежащая фиксация результатов оперативно-розыскных мероприятий.

Так, отсутствуют требования к технике, с помощью которой обеспечивается запись прослушиваемых телефонных переговоров, а также к носителям такой информации. Лишь в ст. 8 Закона «Об ОРД» закрепляется требование, согласно которому «фонограммы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность их прослушивания и тиражирования посторонними лицами». Но, по нашему мнению, указанной нормы в этом вопросе недостаточно.

Интересным также представляется рассмотрение проблемы изъятия электронных носителей информации при проведении следственных действий с точки зрения участия в них специалиста.

Согласно ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. Законодатель исходил из необходимости использования специальных знаний, однако на практике следователь вполне успешно справляется с этой задачей самостоятельно. Таким образом, зачастую указанная норма приводит к формальным нарушениям процедуры изъятия электронных носителей.

Целесообразным является внесение изменений в УПК РФ, согласно которым следователь вправе самостоятельно определять необходимость привлечения специалиста в каждом конкретном случае.

Заключительным пробелом, на наш взгляд, является недостаточность дефинитивного «фундамента» в УПК РФ, что в т. ч. сильнейшим образом тормозит и разработку вышеуказанных вопросов. Ведь в УПК

РФ легальное определение понятий «технические средства», «электронные носители» отсутствует.

Безусловно, ст. 2 Закона «О связи» вносит ясность в эти вопросы понятием «средства связи». А в п. 2 ст. 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [7] дается определение понятию «специальные технические средства, предназначенные для получения негласной информации». А в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» [8] даются определения понятий «информационное пространство», «технологически независимые программное обеспечение и сервис» и «сети связи нового поколения».

Тем не менее в УПК РФ понятийный аппарат не аккумулируется для наиболее точного понимания рассматриваемых вопросов, что является недостаточным для правового регулирования.

Можно сделать вывод о том, что размытость понятий порождает некорректность права, а такое неоднородное понимание в совокупности с отсутствием соответствующего регламентирования, на наш взгляд, сдерживает эффективное применение технических средств и электронных носителей на практике.

Электронное доказывание сейчас находится «в стадии осмысления и теоретического обоснования» [9]. При этом согласно статистическим данным, предоставленным на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, только в 2017 г. число преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось с 65 949 до 90 587. Их доля от числа всех зарегистрированных в России преступных деяний составляет 4,4% — это почти каждое 20-е преступление. Если в 2017 г. зарегистрировано 1 883 таких преступления (+7,7%), то за 2018 г. — около 2500 (+6%). При этом на 19,6% уменьшилось количество расследованных преступлений по указанным статьям (с 903 до 726), выросло на 30,5% (с 790 до 1031) число нераскрытых преступлений [10].

Следует согласиться с точкой зрения А. Е. Федюнина, полагающего, что отсутствие законодательно закрепленных понятий технических средств и электронных носителей не только влечет за собой неясность нормативно-правовых формулировок, но и негативно сказывается на качестве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел [11].

Суть вышеизложенного сводится к тому, что рассматриваемый институт требует дальнейшего осмысления, ведь, как совершенно справедливо отмечал В. Д. Зорькин, нельзя оторвать нормотворчество от правоприменения — это две стороны одной медали [12].

Список литературы

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ.14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

4. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 01.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 14.07.2003. № 28. Ст. 2895.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 24.12.200.1 № 52 (часть I). Ст. 492.

6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 48-О12-110 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201682/ (дата обращения: 08.03.2021).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

9. Григорьев В. Н. Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестник ВИПК МВД России. 2017. № 2 (42). С. 38–46.

10. О преступлениях, совершаемых с использованием современных информаци онно-коммуникационных технологий // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104/ (дата обращения: 08.03.2021).

11. Федюнин А. Е. Правовое регулирование технических средств в уголовном процессе: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД России, 2008. 390 с. С. 36.

12. Зорькин В. Д. Правоприменение как стратегическая проблема // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / Под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2011. С. 15–24. С. 20.

References

1. On operational-search activity: Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 33. Art. 3349.

2. On amendments to the Federal Law "On Countering Terrorism"and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensuring public safety: Federal Law of 06.07.2016 No. 374-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 28. Art. 4558.

3. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety: Federal Law of 06.07.2016 No. 375-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 28. Art. 4559.

4. On communication: Federal Law of 07.07.2003 No. 126-FZ (as amended on 01.11.2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. July 14, 2003. No. 28. Art. 2895.

5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 18, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 12.24.200.1 No. 52 (Part I). Art. 492.

6. The cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.12.2012 No. 48-O12-110 // Garant. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201682/ (date of access: 08.03.2021).

7. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 18.02.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 17.07.1996. No. 25. Art. 2954.

8. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 // Collected Legislation of the Russian Federation. 15.05.2017. No. 20. Art. 2901.

9. Grigoriev V. N. The results of the paradigm shift in the research of the criminal process // Bulletin of the VIPK Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (42). Pp. 38–46.

10. On crimes committed with the use of modern information and communication technologies // Official site of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104/ (date of accessed: 08.03.2021).

11. Fedyunin A. E. Legal regulation of technical means in criminal proceedings: author. diss. ... Dr. legal sciences. Saratov: SUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 390 p. P. 36.

12. Zorkin V. D. Law enforcement as a strategic problem // Law and law enforcement in Russia: interdisciplinary research / Ed. V. V. Volkov. Moscow: Statut, 2011. Pp. 15–24. P. 20.

УДК/UDC 343.98

Криминалистическая характеристика и материальная структура акта терроризма

Хлус Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN-код: 1560-4979

Петрова Мария Игоревна
студентка юридического факультета
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: maryavortep@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые проблемы криминалистического обеспечения противодействия акту терроризма. Результативность противодействия данному виду преступлений, по мнению авторов, находится в зависимости от наличия научно разработанной методики раскрытия и расследования, являющейся основным инструментом в деятельности органов уголовного преследования. Анализ уголовно-правовых признаков рассматриваемого преступления позволяет определить криминалистическую основу, необходимую для формирования методики его раскрытия и расследования. В качестве такой основы должны служить элементы материальной структуры, которыми являются субъект совершения терроризма, объект преступного посягательства и средство совершения преступления. Криминалистическая характеристика элементов материальной структуры акта терроризма будет способствовать определению направления практической деятельности и выбору необходимых тактических средств в каждом случае расследования данного вида преступлений.

Ключевые слова: акт терроризма, терроризм, криминалистическая характеристика, способ совершения преступления, материальная структура преступления, расследование, уголовное право.

Forensic characteristics and material structure of an act of terrorism

Khlus Aleksandr Mikhailovich
Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Forensic Science
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN Code: 1560-4979

Petrova Maria Igorevna
Student of the Faculty of Law
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: maryavortep@gmail.com

Abstract

The article examines some of the problems of forensic support for countering an act of terrorism. The effectiveness of countering this type of crime, according to the authors, depends on the availability of a scientifically developed method of disclosure and investigation, which is the main tool in the activities of the criminal prosecution authorities. The analysis of the criminal-legal signs of the crime in question makes it possible to determine the forensic basis necessary for the formation of a methodology for its disclosure and investigation. The elements of the material structure, which are the subject of the commission of terrorism, the object of the criminal encroachment and the means of committing the crime, should serve as such a basis. The forensic characteristics of the elements of the material structure of an act of terrorism will help determine the direction of practical activity and the choice of the necessary tactical means in each case of investigating this type of crime.

Key words: act of terrorisma, terrorism, forensic characteristics, the way the crime was committed, material structure of the crime, investigation, criminal law.

Первые упоминания о терроризме относятся к античным време-нам (Древний Рим, Иудея). Убийства с целью террора случались и в эпоху Средневековья. Позднее террор использовался даже в государственных

целях - это террор религиозный, политический (черносотенный, белый, красный, коричневый). Отличительная осо-бенность современного терроризма состоит в том, что непосредственными жертвами террора являются не только государственные, политические или религиозные деятели, но и случайные, невинные лица. Как явление терроризм представляет собой «акты насилия или угрозы насилием, цель которых - внушить страх и заставить действовать, или воздерживаться от действий в нужном направлении» [1, с. 78].

В последние десятилетия терроризм превратился в острейшую проблему современности. Он представляет угрозу для многих государств, т. к. террористическая деятельность направлена против их безопасности. В наши дни существует много террористических организаций, запрещенных в РФ, таких как, например, «Аль-Каида», «Джебхат ан-Нусра», «ХАМАС», «Исламское государство» (известное как «ИГИЛ») и др., которые реализуют свои цели посредством совершения тяжких преступлений насильственного характера.

Последней каплей в чаше терпения мирового сообщества явились террористические акты, произошедшие в США 11 сентября 2001 г. Наступил период, когда цивилизованные государства приняли единственно правильное решение - объявление непримиримой войны терроризму. Но успех в борьбе с этим социальным злом, являющимся причиной осложнения международных отношений и создающим угрозу международной безопасности, в полной мере зависит от согласованных, совместных действий государств, сотрудничающих в сфере антитеррористической деятельности. В связи с этим Республика Беларусь не может оставаться в стороне от участия в реализации в международном масштабе мер, направленных на борьбу с терроризмом. Учитывая это обстоятельство, высшие государственные органы Республики Беларусь находятся в ситуации решения многих проблем, связанных с терроризмом. Решение этих проблем должно быть основано на всестороннем познании терроризма как сложного и многогранного явления [2].

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее по тексту - УК РБ) содержит много различных статей (ст.124, 126, 289, 290, 2901–2905, 359, 361 УК и др.), которые относятся к группе преступлений террористического характера. Ключевую позицию среди деяний террористической направленности занимает акт терроризма (ст. 289 УК РБ), т. е. «совершение взрыва, поджога, затопления, иных деяний общеопасным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо устрашения населения, либо дестабилизации общественного порядка» [3].

Уголовный кодексе Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) предусматривает ответственность за «террористический акт», т. е. «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» (ст. 205 УК РФ) [4].

«Акт терроризма» и «террористический акт» в основном схожие по содержанию понятия, но В. П. Емельянов рекомендует их разграничивать по следующим основаниям:

1) акт терроризма охватывает не только последствия своих деяний, но и реальные угрозы, а террористический акт предполагает только совершившиеся действия;
2) объектом акта терроризма являются неопределенные невинные люди, а в террористическом акте жертва заранее определена;
3) в акте терроризма всегда используется общеопасный способ (взрыв, поджог, затопление и др.), в результате которого наносится вред не только людям, но и имуществу; что касает-

ся террористического акта, то последствия наступают для конкретных лиц [5].

Не вступая в дискуссию относительно предмета разграничения понятий «акт терроризма» и «террористический акт», остановимся на рассмотрении общего, что их объединяет: способы действий террористов, их целевая установка и последствия совершенного деяния.

Для эффективного противодействия терроризму необходимы его исследования по различным направлениям. Анализ этого явления «может быть произведен с различных точек зрения: политической, идеологической, экономической, криминологической, психологической и пр.» [2]. Не менее важным, по нашему мнению, является криминалистическое обеспечение деятельности по расследованию актов терроризма. В качестве главной составляющей криминалистического обеспечения правоохранительных органов служит методика расследования преступления, в данном случае акта терроризма.

Имеющаяся на сегодняшний день методика расследования актов терроризма основывается на рассмотрении элементов его криминалистической характеристики, точное количество которых не определено. Например, О. В. Евстигнеева, исследуя преступления, связанные с использованием взрывных устройств, называет следующие элементы криминалистической характеристики:

1) сведения о способе подготовки, совершения и сокрытия преступлений (в некоторых случаях о механизме их совершения);
2) данные об орудиях, используемых для совершения данной категории преступлений;
3) описание типичных материальных следов и наиболее вероятных мест их обнаружения;
4) данные о личности преступника, мотивах и целях его действий (либо характеристика преступных групп);
5) данные, характеризующие потерпевшего;
6) информация об отдельных обстоятельствах совершения преступлений (обстановка, место, время) [6, с. 28–29].

Одним из основных элементов криминалистической характеристики акта терроризма является способ совершения преступления. Исходя из определения, изложенного в ст. 205 УК РФ, законодателем выделены такие способы совершения, как взрыв, поджог, затопление и иные действия, а также угроза совершения таких действий (ст. 205 УК РФ). Можно сделать вывод, что для акта терроризма характерны «физические» (взрыв, поджог) способы его совершения. Террористический акт (ст. 205 УК РФ) кроме «физических» охватывает также и «информационные» (угроза взрывом, поджогом) способы деяния.

Значительный интерес представляет характеристика личности преступника, совершившего акт терроризма. На основе анализа уголовных дел Д. А. Влезько и К. А. Зуева выявили, что личности террористов можно охарактеризовать организованностью, иерархичностью, сплоченностью и конспиративностью. В данном преступлении участники группы сознательно жертвуют своими интересами, осуществляя план проведения акта терроризма [7].

Дополняя характеристику личности террориста, Б. А. Алиев отметил следующее: «У большинства террористов обнаруживается расстройство личности с высоким уровнем косвенной агрессии; механизм реализации акта терроризма обычно включает в себя аффектогенную мотивацию, психологическую самоактуализацию и развивается по схемам: утрата связей с обществом - оппозиция обществу - переживания общественного давления; фрустрация; желание лидерства. . . » [8, с. 43–44].

Местом совершения акта терроризма может служить любое удобное для террористов место, нередко с большим скоплением людей. По мнению Д. А. Влезько и К. А. Зуевой, места совершения акта подразделяются на три группы:

1) общественные места;
2) объекты, которые обеспечивают жизнедеятельность населения;
3) воинские объекты, имеющие воинский статус [7].

«Основной критерий при выборе времени - это присутствие большого количества населения и возможность причинения большого материального ущерба» [7].

Механизм следообразования при совершении акта терроризма связан с реализацией террористами насильственных методов, избранных ими для достижения своей цели.

Не анализируя все элементы криминалистической характеристики акта терроризма, заметим, что данная характеристика не акцентирует внимание на материальной структуре преступления.

В целях познания акта терроризма с криминалистической точки зрения предлагается определить последовательность изучения элементов его материальной структуры. Для этого необходимо выявить совокупность общих материальных элементов, обязательно имеющихся в наличии при совершении преступления.

Актуальность изучения материальной структуры терроризма обусловлена необходимостью совершенствования частной методики расследования данного вида преступления.

Анализ многообразия проявлений актов терроризма позволяет выделить в них следующие общие структурные элементы: субъект, совершивший акт терроризма; объект преступного посягательства; средство совершения преступления [9, с. 438–443].

В качестве субъекта как элемента материальной структуры актов терроризма, равно как и для других преступлений, связанных с терроризмом, всегда выступает человек. Он является центральным, связующим звеном в материальной структуре акта терроризма. С точки зрения криминалистики субъект совершения акта терроризма характеризуется как следообразующий и следовоспринимающий элемент преступной структуры, объединенный с иными составляющими ее элементами сложной системой связей [10, с. 163]. В соответствии со ст. 289 УК РБ субъектом акта терроризма признается вменяемое физическое лицо, которое достигло на момент совершения акта терроризма четырнадцатилетнего возраста. Субъектом данного преступления может быть как гражданин

Республики Беларусь, так и иностранный гражданин (подданный) или лицо, не имеющее гражданства, либо бипатрид (лицо, имеющее двойное гражданство).

Субъект может быть единоличным и множественным (ч. 2, 3 ст. 289 УК РБ - акт терроризма, совершенный организованной группой или организацией). По мнению Ю. М. Антоняна, «террористы-одиночки встречаются относительно редко, чаще террористы объединяются в группы, в которых весьма велика роль лидера. Это можно наблюдать в религиозных и сектантских образованиях, причастных к террору. . . » [11, с. 122–123].

В числе значимых для расследования общих свойств субъекта рассматриваются физические, социально-демографические, биологические, психофизиологические, психологические свойства. Например, социально-демографические данные о личности (пол, возраст, образование, национальность и др.) позволяют определить круг лиц с точки зрения их вероятного участия в совершении преступления.

Для субъекта, совершающего акт терроризма, характерно наличие не только указанных свойств, но и профессиональных умений, способностей, навыков. В большинстве случаев познание указанных свойств субъекта возможно на основе изучения следов, оставленных им на объектах, относящихся к иным элементам преступной структуры.

В непосредственной связи с субъектом находится объект преступления. В отличие от уголовного права, в криминалистике объект преступления следует представлять в виде материальной системы, на которую преступник оказывает непосредственное воздействие. Также и при совершении акта терроризма объект посягательства является материальной системой, на которую воздействует террорист для достижения своей преступной цели, которая не всегда связана с объектом посягательства. Спектр объектов при совершении актов терроризма достаточно широк: человек, предприятия, транспортные средства, имущество, средства связи, органы государства, чьи интересы нарушаются противоправным деянием, и др. Анализ объекта преступного посягательства позволяет опре-

делить пространственно-временные параметры изучения свойств личности преступника.

Для достижения цели совершения акта терроризма преступники используют средства совершения преступления. Способы подготовки и совершения актов терроризма многообразны и зависят от выбранного объекта преступного посягательства, возможностей террористов с учетом выбранной цели, а также средства совершения преступления. Согласно определению акта терроризма, приведенного в УК РБ, преступники совершают деяния посредством совершения взрыва, поджога, затопления, иных деяний общеопасным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий.

В качестве средств совершения преступления признаются материальные объекты, обеспечивающие наступление преступного результата, а также являющиеся связующим звеном между иными элементами преступной структуры. Как средства совершения преступления могут быть использованы различное огнестрельное оружие, мины, бомбы, самодельные взрывные устройства, химическое оружие и т. д. В целях реализации террористической угрозы в качестве средства совершения преступления могут использоваться письменные, фото-, видео- документы.

На обнаруженном в ходе расследования оружии могут быть следы пальцев рук, капли крови и волосы потерпевшего (при выстреле с близкого расстояния), посторонние вещества, перенесенные на оружие во время его хранения или ношения преступником (табак, пыль, волосы, микроволокно и пр.). Следы отпечатков пальцев следует искать не только на внешних, но и на внутренних поверхностях оружия.

Вышеперечисленные элементы относятся к общей материальной структуре акта терроризма. Мы считаем, что в основе методики расследования акта терроризма должна быть использована информация о его материальных элементах, которые, взаимодействуя в процессе совершения преступного деяния, оставляют следы в окружающей обстановке, способствующие выявлению и изобличению виновных.

Одновременное наличие всех вышеназванных элементов необязательно для отдельных актов терроризма. Возможны различные варианты сочетания элементов преступной структуры и связей между ними. Например, в структуре угрозы совершения акта терроризма обязательно присутствуют субъект и объект преступного посягательства, а средство совершения преступления может отсутствовать, т. к. информация о его наличии может быть сообщена устно.

Сведения об отдельных элементах системы преступления и их параметрах позволяют получать достоверные результаты при восстановлении картины конкретного преступного события, связанного с актом терроризма.

На основании изложенного для обсуждения затронутых проблем можно предложить следующие выводы:

1. Результативность противодействия актам терроризма во многом зависит от наличия научно разработанной и эффективной методики раскрытия и расследования, являющейся основным инструментом в деятельности органов уголовного преследования.
2. В качестве основы для формирования частной методики расследования акта терроризма должна служить его материальная структура.
3. Элементами материальной структуры акта терроризма являются субъект совершения преступления, объект преступного посягательства и средство совершения преступления.
4. Общая криминалистическая характеристика элементов материальной структуры акта терроризма будет способствовать определению направления практической деятельности в каждом случае расследования конкретного деяния.

Список литературы

1. Крылов Н. Б., Решетов Ю. А. Государственный терроризм — угроза международной безопасности // Советское государство и право. 1997. № 2. С. 78–80.

2. Степанян И. С. Понятие «акта» международного терроризма // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1 (88). С. 208–213.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 29.05.2021).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.05.2021).

5. Емельянов В. П. Террористический акт и акт терроризма: понятие, соотношение и разграничение // Сейчас.ру. Новсти России и мира. URL: https://www.lawmix.ru/comm/4966 (дата обращения: 31.05.2021).

6. Евстигнеева О. В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 215 с.

7. Влезько Д. А., Зуева К. А. Криминалистическая характеристика терроризма // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 963–978.

8. Алиев Б. А. Криминалистическое обеспечение антитеррористической деятельности правоохранительных органов и спецслужб. Баку: Ганун, 2010. 335 с.

9. Хлус А. М. Криминалистическое обеспечение противодействия терроризму // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе: Научные труды Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А. Н. Игнатова; Институт экономики и права (филиал) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучепедгиз», 2012. 578 с.

10. Хлус А. М. Субъект и объект преступления в аспекте наук уголовно-правового цикла // Постсоветское пространство: проблемы и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23.05.2019) / Под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. 238 с.

11. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. 167 с.

References

1. Krylov N. B., Reshetov Yu. A. State terrorism — a threat to international security // Soviet state and law. 1997. No. 2. Pp. 78–80.

2. Stepanyan I. S. The concept of an "act"of international terrorism // Yurist-Pravoved. 2019. № 1 (88). Pp. 208–213.

3. The Criminal Code of the Republic of Belarus dated 09.07.1999 No. 275-З // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (date of access: 29.05.2021).

4. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as revised on 06/11/2021) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_10699/ (date of access: 29.05.2021).

5. Emelyanov V. P. Terrorist act and act of terrorism: concept, correlation and differentiation // Now.ru. News of Russia and the world. URL: https://www.lawmix.ru/comm/4966 (date of access: 31.05.2021).

6. Evstigneeva O. V. Features of investigation of crimes committed with the use of explosive devices: dis. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 2001. 215 p.

7. Vlezko D. A., Zueva K. A. Criminalistic characteristics of terrorism // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 118. Pp. 963–978.

8. Aliev B. A. Forensic support of anti-terrorist activities of law enforcement agencies and special services. Baku: Ganun, 2010. 335 p.

9. Khlus A. M. Forensic support of countering terrorism // Countering xenophobia, extremism and terrorism in modern society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference / Ed. ed. A. N. Ignatov; Institute of Economics and Law (branch) of the OUP VPO "Academy of Labor and Social Relations"in Sevastopol. Simferopol: KRP Publishing House Krymuchepedgiz, 2012. 578 p.

10. Khlus A. M. The subject and object of a crime in the aspect of the sciences of the criminal law cycle // Post-Soviet space: problems and ways to solve them: materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, 23.05.2019) / Ed. ed. A. M. Bagmet. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019.238 p.

11. Antonyan Yu. M. Terrorism. Criminological and criminal law research. M., 1998. 167 p.

УДК/UDC 343.98

Уголовно-правовые и криминалистические аспекты деяний, инспирирующих самоубийство, в Республике Беларусь

Хлус Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN-код: 1560-4979

Присяжнюк Илона Анатольевна
студентка юридического факультета
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e -mail: ilonaprisyazhnyuk@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые уголовно-правовые и криминалистические проблемы противодействия доведению до самоубийства, склонению к самоубийству и пропаганде самоубийства. Отсутствие явных признаков, свидетельствующих о деянии, инспирирующем самоубийство, затрудняет принятие решения о возбуждении уголовного дела и может служить основой для прикрытия бездействия правоохранительных органов. Результативность противодействия данной группе преступлений, по мнению авторов, находится в зависимости от наличия эффективной методики их раскрытия и расследования, являющейся основным инструментом в деятельности органов уголовного преследования. Общие признаки рассматриваемых преступлений позволяют сформировать групповую методику их раскрытия и расследования. Основой для построения частной методики расследования преступных деяний, инспирирующих самоубийство, должна служить их материальная структура, элементами которой являются субъект совершения преступления, объект преступного посягательства и средство совершения преступления.

Ключевые слова: уголовное право, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, пропаганда самоубийства, расследование, криминалистика, методика расследования, материальная структура преступления.

Criminal and criminalistic aspects of acts instigating suicide

Khlus Aleksandr Mikhailovich
Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Forensic Science
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN Code: 1560-497

Prisyazhnyuk Ilona Anatolyevna
student of the Faculty of Law
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: ilonaprisyazhnyuk@gmail.com

Abstract

The article discusses some criminal-legal and forensic problems of counteraction to incitement to suicide, inducement to suicide and propaganda of suicide are considered. The absence of obvious signs indicating an act that inspires suicide makes it difficult to make a decision to initiate a criminal case and can serve as a basis for covering up the inaction of law enforcement agencies. The effectiveness of countering this group of crimes, according to the authors, depends on the availability of an effective methodology for their disclosure and investigation, which is the main tool in the activities of the criminal prosecution authorities. The general features of the crimes under consideration make it possible to form a group methodology for their disclosure and investigation. The basis for the construction of a private methodology for the investigation of criminal acts that inspire suicide should be their material structure, the elements of which are the subject of the crime, the object of the criminal encroachment and the means of committing the crime.

Key words: criminal law, driving to suicide, inducement to suicide, promotion of suicide, investigation, forensics, investigation technique, material structure of the crime.

Важнейшим конституционным правом в любом государстве является право на жизнь каждого человека. В соответствии со ст. 24 Конституции Республики Беларусь «государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств» [1].

Уголовно-правовые составы «Доведение до самоубийства» (ст. 145 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту - УК РБ)), «Склонение к самоубийству» (ст. 146 УК РБ), «Пропаганда самоубийства» (ст. 3421 УК РБ) [2] занимают особе место среди преступлений, посягающих на жизнь человека.

В Беларуси ежегодно совершается значительное количество самоубийств. Например, согласно статистике в 2019 г. совершено 1665 самоубийств. Для сравнения в этот же период совершено 291 убийство [3]. В то же время практически отсутствует судебная практика рассмотрения уголовных дел по ст. 145, 146, 3421 УК РБ [4]. Причины такой ситуации, по нашему мнению, кроются в следующем:

1. Факты самоубийств без должной проверки причин получают юридическую оценку в виде отказа в возбуждении уголовного дела со ссылкой на отсутствие в деянии состава преступления.
2. Объективность сложившейся ситуации и наличие внешних признаков, указывающих на самоубийство, позволяют органу уголовного преследования уклониться от обязанности тщательной проверки произошедшего и возбуждения уголовного дела при наличии к тому оснований.
3. Наблюдается сложность расследования рассматриваемых преступлений и установления доказательств наличия причинной связи между воздействием на человека и самим самоубийством или попыткой его совершения.
4. Отсутствие методик расследования доведения до самоубийства, склонения к самоубийству и пропаганды самоубийства весьма затрудняет процесс расследования.

Все это не только актуализирует уголовно-правовую проблему оценки деяний, инспирирующих самоубийство, но также определяет по-

требность в совершенствовании ее криминалистического обеспечения в связи с расследованием данных видов уголовных дел.

Ключевым звеном любого преступного деяния, а также элементом его уголовно-правового состава является субъект преступления. С точки зрения уголовного права субъектом рассматриваемых преступлений является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. По ч. 2 ст. 145 УК РБ дополнительным признаком субъекта доведения до самоубийства является материальная или иная зависимость потерпевшего от него.

В случае доведения до самоубийства субъект характеризуется как лицо, которое умышленными противоправными действиями, предусмотренными диспозицией ст. 145 УК РБ, привело другого человека к состоянию решимости совершить самоубийство. При склонении к самоубийству субъект преступления умышленно воздействует на сознание и волю другого человека, возбуждая у него решимость совершить самоубийство. Пропагандируя самоубийство, субъект также возбуждает решимость совершить самоубийство, распространяя о нем соответствующую информацию, адресуемую индивидуально-неопределенному кругу лиц.

Объективная сторона рассматриваемых составов преступлений различается совершаемыми виновным действиями. При доведении до самоубийства виновное лицо использует более жесткие способы воздействия на потерпевшего: жестокое обращение либо систематическое унижение его личного достоинства. Такие способы оказывают большее влияние на свободу волеизъявления потерпевшего, фактически вынуждают его совершить акт самоубийства, который является «не последствием, а необходимым условием уголовной ответственности за доведение до самоубийства» [5]. При склонении к самоубийству в качестве преступных выступают иные, более «мягкие» по сравнению с доведением до самоубийства действия: просьба, приказ, обман, поручение, совет, подкуп и т. п. При доведении до самоубийства или склонении к самоубийству предполагается воздействие на конкретного человека. Пропаганда самоубийства предполагает умышленное преступное воздействие на сознание

неопределенного круга лиц путем распространения в любой форме информации, возбуждающей интерес к акту самоубийства или совершению крайне опасных действий, которые могут привести к наступлению смерти.

В отношении объекта преступления нет единой точки зрения. Мы учитываем мнение ученых, считающих непосредственным объектом рассматриваемых преступлений право на жизнь, жизнь другого человека, а не общественные отношения, обеспечивающие ее безопасность [6, с. 123; 7]. В качестве непосредственного объекта доведения до самоубийства рассматривается гуманное и уважительное отношение к другому человеку, что согласуется с уголовным запретом на жестокое обращение с потерпевшим и систематическое унижение его личного достоинства [8, с. 160].

Повышенный общественный резонанс в средствах массовой информации получили факты организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» так называемых групп смерти, специальных игровых акций, содержащих в себе открытый или завуалированный призыв к совершению действий, связанных с повышенным риском для жизни, в т. ч. к самоубийству. Это повлекло появление в УК РБ ст. 3421, устанавливающей уголовную ответственность за пропаганду самоубийства.

Уголовно-правовой состав пропаганды самоубийства и склонения к самоубийству имеют общие признаки. Так же, как и при склонении к самоубийству, субъекты преступных действий при пропаганде самоубийства преследуют цель возбудить у потенциальной жертвы решимость совершить самоубийство. Но способы для этого виновный избирает другие, отличающие данное преступление от доведения до самоубийства или склонения к нему. С целью пропаганды самоубийства избираются различные формы распространения информации, реализация которой приводит либо потенциально может привести исполнителя к наступлению его смерти. В качестве средства распространения такой информации используются социальные сети и мессенджеры. Исполь-

зуя информационно-коммуникационную сеть «Интернет», организаторы опасных для жизни игр («Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Тихий дом», «Беги или умри», «Фея огня» и др.) предлагали молодым людям (как правило, несовершеннолетним) «увлекательные приключения», связанные с риском для жизни.

До введения в 2019 г. в УК РБ ст. 3421 подобные деяния квалифицировались как доведение до самоубийства или склонение к нему, в то время как их фактическая сторона не вполне согласовывается с признаками объективной стороны данных составов. Организаторы опасных игр, пропагандирующих самоубийство, используют эффективные методы психологического воздействия на сознание индивидуально-неопределенного круга лиц. Их деятельность заключалась в распространении культа смерти среди подростков, повествовании о другой реальности, попасть в которую можно только путем самоубийства. Иными словами, у подростков подавляли желание жить, развивали мысли о суициде. До введения в УК РБ ст. 3421, ч. 1 которой является формальным составом, данные деяния оставались вне внимания уголовной юстиции, если не влекли за собой самоубийство либо попытку самоубийства.

Одним из средств противодействия доведению до самоубийства, склонению к самоубийству либо пропаганде самоубийства является наличие научно разработанной и эффективной методики расследования данных преступлений. Наличие общих признаков в составах этих деяний дает основание для разработки групповой методики расследования указанных преступлений. Ее основными частями, по нашему мнению, должны быть информационно-теоретическая и практическая.

В информационно-теоретической части методики необходимо рассмотреть данные преступления с криминалистической точки зрения. С этой целью должны быть выделены общие и типичные элементы их материальной структуры, которым должна быть дана криминалистическая характеристика. Эта же часть методики должна содержать сведения об особенностях возбуждения уголовных дел по признакам рассматриваемых преступлений и перечисление обстоятельств, подлежащих установ-

лению по уголовному делу. Здесь же целесообразно указать на типичные ситуации первоначального этапа расследования.

В практической части методики, которая может именоваться методической, рассматриваются особенности тактики первоначальных следственных, иных процессуальных действий и непроцессуальных мероприятий. Учитывая специфику данных преступлений, заключительным элементом методики расследования данных преступлений целесообразно рассмотреть мероприятия профилактического характера.

Разрабатывая частную методику расследования данной группы преступлений, необходимо начинать с выделения типичных элементов их материальной структуры. В качестве общих материальных элементов преступной структуры можно выделить субъекта, совершившего деяние, объект преступного посягательства и средство совершения преступления. Для пропаганды самоубийства характерно наличие такого элемента, как предмет преступления. При этом материальную структуру данных преступлений мы рассматриваем в качестве основы составления их криминалистической характеристики.

Абстрактная уголовно-правовая трактовка понятия «субъект преступления» не содержит сведений, значимых с точки зрения криминалистики и указывающих на свойства и возможности субъекта как следообразующего и следовоспринимающего элемента преступной структуры. С точки зрения криминалистики субъектом совершения преступления всегда является конкретный человек, совершающий определенные действия, направленные на объект преступного посягательства и причиняющие ему различный вред.

Преступные действия субъектов совершения рассматриваемых преступлений совершаются до момента суицидального акта, направлены на потерпевшего. Например, преступное поведение субъекта доведения до самоубийства проявляются в следующем:

1. В психическом насилии в отношении жертвы преступления, т. е. в запугивании, угрозе причинить ей вред в будущем. Психический способ воздействия на потерпевшего в виде угрозы

представляет значительную сложность в доказывании факта преступных действий виновного. Это связано с отсутствием не только материальных, но в ряде случаев и идеальных следов в виде свидетельских показаний.

2. Жестокое обращение с потерпевшим лицом, заключающееся в суровом, безжалостном, беспощадном отношении к нему. Жестокое отношение к потерпевшему охватывает различные деяния, может выражаться как в активных действиях (избиении, издевательстве, мучении, истязании и т. п.), так и бездействии (лишение потерпевшего питания, крова и т. п.). Длительность такого поведения подозреваемого влечет за собой формирование доказательств в виде свидетельских показаний, а также материальных следов на теле жертвы.
3. Систематическое унижение личного достоинства потерпевшего представляет собой ряд одинаковых действий, выраженных в оскорблениях, травле или клевете. Унижение достоинства потерпевшего может происходить как в присутствии посторонних лиц, так и в их отсутствие.

Объектом преступного посягательства субъекта в преступлении доведения до самоубийства, склонения к нему или пропаганды самоубийства с точки зрения их материальной структуры является конкретное физическое лицо, совершившее суицидальный акт. Оно же подлежит тщательному осмотру на предмет выявления различных следов, которые указывают на предшествующее физическое воздействие для проверки наличия, например, признаков доведения до самоубийства. Так, в ходе осмотра на теле потерпевшего могут быть обнаружены следы жестокого обращения (побои, истязания и др.). Анализ обнаруженных в ходе осмотра места происшествия следов имеет также значение для подтверждения или исключения версии об инсценировке самоубийства.

При совершении склонения к самоубийству или пропаганды самоубийства отсутствуют следы физического воздействия со стороны подозреваемого. Механизм совершения этих преступлений иной, но сле-

ды воздействия на потерпевшего могут быть проявлены в результате тщательного криминалистического анализа взаимосвязи между потерпевшим и подозреваемым.

Элементом материальной структуры рассматриваемых преступлений являются средства их совершения, под которыми следует понимать материальные предметы, способствовавшие совершению или завершению начатого преступления, достижению намеченного результата.

Анализ объективной стороны состава доведение до самоубийства и пропаганды самоубийства позволяет говорить о наличии зависимости средств совершения преступления от способов их совершения.

Средство совершения преступления - это всегда материальный объект. Им не могут быть словесная угроза или словесное унижение личного достоинства. В качестве средств здесь будут их материально фиксированные проявления. Например, угроза применения насилия может сопровождаться демонстрацией предмета, который подозреваемый намерен применить, обещая реализовать угрозу. В этой ситуации данный предмет в преступной структуре следует рассматривать как средство совершения преступления. Именно этот предмет в сочетании со словами подозреваемого формирует у потерпевшего представление о реальности угрозы.

В зависимости от способа жестокого обращения с потерпевшим могут использоваться различные материальные предметы. Например, действия в связи с истязанием потерпевшего весьма разнообразны: «щипание, сечение, избиение плетью, укусы, втыкание иголок под ногти, защемление пальцев, вырывание волос, причинение множественных, но небольших повреждений тупыми или остроколющими предметами, воздействие термических факторов, принуждение к потреблению несъедобных предметов, испорченных продуктов, длительное лишение питья, пищи, тепла и др.» [9]. Из перечисленного те действия подозреваемого, которые совершались с использованием каких-либо предметов, позволяют выделить конкретные средства совершения деяния: плеть, иголки, тупые или остроколющие предметы и т. д.

В случае пропаганды самоубийства в качестве средства совершения преступления следует рассматривать ту материальную систему, которая была использована виновным для распространения информации. Например, это может быть компьютерная техника, компьютерная система, интернет-ресурсы и др.

Склонение к самоубийству полностью связано с психической сферой потерпевшего, а потому еще более высоколатентно по сравнению с доведением до самоубийства и выражается, как правило, в словах, жестах, письменных знаках, носящих как открытый, так и завуалированный характер. В таком случае о средствах совершения преступления можно говорить лишь в том случае, если эти слова, жесты нашли какое-либо материальное закрепление, например в записке, сообщении и т. д.

В качестве предмета преступления следует рассматривать информацию, которую пропагандирующий самоубийство доводит до индивидуально-неопределенного круга лиц. Именно эта информация содержит побудительный мотив к совершению потерпевшим действий, приводящих к наступлению смерти.

Рассматривая механизм совершения данных преступлений, следует отметить динамику взаимодействия вышеизложенных элементов материальной структуры друг с другом и с окружающей средой, которая находит выражение в первую очередь в образовании материальных и идеальных следов.

В наибольшей степени это характерно для пропаганды самоубийства при наличии случаев самоубийства (ч. 2, 3 ст. 3421 УК). Это дает возможность работы с гораздо большим набором материальных следов, свидетельствующих о четко выверенной психоэмоциональной тактике подозреваемого, направленной на возбуждение у потерпевшего аутоагрессивного поведения, т. е. агрессии, направленной на себя [10]. Так, установлению наличия признаков состава пропаганды самоубийства могут способствовать следующие следы:

1. Наличие в социальных сетях потерпевшего переписки в закрытых чатах групп смерти, содержащих постановку заданий для

«игры», связанной с нанесением себе увечий либо уходом из жизни.

2. В микроблоге на странице несовершеннолетнего размещен специально разработанный такими виртуальными сообществами шаблон-стих, содержащий просьбу разбудить его в 4:20 либо дать инструкцию и (или) задание, подкрепляемые набором хэштегов, по которым организаторы таких сообществ находят подходящих «жертв».
3. Наличие специальных рисунков, изображающих, например, китов и бабочек, выбранных в качестве основы для своеобразной ассоциации: киты выбрасываются на берег, бабочки живут один день.
4. Имеются свидетельские показания о том, что потерпевший до своего самоубийства рано пробуждался, что ему изначально было не свойственно. Ранний подъем связывается с необходимостью получения от организаторов «игры» нового задания, а также изучения аудио-, фото-, видеоматериалов, специальной литературы, оправдывающих суицид, а также способствующих деформации инстинкта самосохранения и девальвации смерти.
5. Во внимание принимается информация о резком отстранении потерпевшего незадолго до самоубийства от общения с родителями и друзьями.
6. Наличие на теле потерпевшего специфических порезов, иных повреждений, свидетельствующих о своего рода посвящении в члены группы смерти.

Некоторая следовая информация содержится в информационно-коммуникационной сети «Интернет». В связи с этим перед органом уголовного преследования возникает задача отыскания и изъятия средств совершения преступления. В этом качестве может выступать персональный компьютер виновного, с помощью которого он осуществлял выход в глобальную сеть, электронный носитель информации, в памяти кото-

рого содержится информация о сетевых подключениях преступника [11, с. 44].

При совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 3421 УК, когда имеется лишь факт распространения сведений, способных возбудить решимость совершить самоубийство, органу уголовного преследования предоставляется возможность работы с потенциальными жертвами преступления, которые в ходе расследования выступают в роли свидетелей.

В ходе расследования доведения до самоубийства, склонения к самоубийству или пропаганды самоубийства необходимо выяснить психологические особенности не только лиц, ставших жертвами данного преступления, но и лиц, его совершивших.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Отсутствие явных признаков, свидетельствующих о доведении до самоубийства, склонении к самоубийству или пропаганде самоубийства, затрудняет принятие решения о возбуждении уголовного дела, а в ряде случаев может служить основой для прикрытия бездействия правоохранительных органов.
2. Результативность противодействия рассматриваемым преступлениям во многом зависит от наличия научно разработанной и эффективной методики раскрытия и расследования, являющейся основным инструментом в деятельности органов уголовного преследования.
3. Наличие общих признаков рассматриваемых преступлений позволяет сформировать групповую методику их раскрытия и расследования.
4. В качестве основы для формирования частной методики расследования доведения до самоубийства, склонения к самоубийству и пропаганды самоубийства должна служить материальная структура данных преступлений, элементами которой являются субъект совершения преступления, объект преступного посягательства и средство совершения преступления.

5. Общая криминалистическая характеристика элементов материальной структуры данной группы преступлений будет способствовать определению направления практической деятельности в каждом конкретном случае их расследования.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. ((с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 17.05.2021).

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 17.05.2021).

3. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 год // Национальный статистический кабинет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/33c/33c0a6840b614b5885f5039f9a1f40cf.pdf (дата обращения: 17.05.2021).

4. Верховный Суд Республики Беларусь // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. Статистика. Архив. URL: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/ (дата обращения: 17.05.2021).

5. Марчук В. В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид // Судовы веснік. 2003. № 2. С. 29.

6. Аюпов В. Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 123–126.

7. Кишко Д. В., Эсаулова К. М. Сравнительная характеристика преступлений, связанных с самоубийством // Белорусское право во времени и пространстве: сборник тезисов докладов Республиканской научно-теоретической конференции студентов, магистрантов, аспирантов (Минск, 4 декабря 2019 года) / Под ред. И. П. Манкевич. УО «Белорусский государственный экономический университет». Минск: БГЭУ, 2020. С. 151–152.

8. Бабий Н. А. Преступления против жизни: алгоритмы квалификации. Минск: Тесей, 2009. 188 с.

9. Браусов А. М. Истязание // Белорусская юридическая энциклопедия: В 4 т. Т. 1. Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. С. 599–600.

10. Рудина А. В., Лакреева А. В. Автоагрессивное поведение: подходы к определению феномена // Вестник совета молодых ученых и специалистов челябинской области. 2018. Т. 2. № 1 (20). С. 81–83.

11. Пропастин С. В. Тактика обыска по преступлениям, совершенным с использованием интернет-технологий // Уголовный процесс. 2015. № 11. С. 44–54.

References

1. Constitution of the Republic of Belarus 1994 ((with amendments and additions adopted at republican referendums on November 24, 1996 and October 17, 2004) // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (date of access: 17.05.2021).

2. The Criminal Code of the Republic of Belarus dated 09.07.1999 No. 275-З // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (date of access: 17.05.2021).

3. Natural movement of the population in the Republic of Belarus for 2019 // National Statistical Office of the Republic of Belarus. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/33c/33c0a6840b614b5885f5039f9a1f40cf.pdf (date of access: 17.05.2021).

4. Supreme Court of the Republic of Belarus // Internet portal of courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus. Statistics. Archive. URL: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/ (date of access: 17.05.2021).

5. Marchuk V. V. Criminal legal assessment of acts that inspire suicide // Sudovi Vesnik. 2003. № 2. S. 29.

6. Ayupov V. Sh. On the question of the object of bringing to suicide // Bulletin of the Tomsk State University. 2012. No. 363. Pp. 123–126.

7. Kishko D. V., Esaulova K. M. Comparative characteristics of suicide crimes // Belarusian law in time and space: a collection of abstracts of the Republican scientific-theoretical conference of students, undergraduates, graduate students (Minsk, December 4, 2019) / Ed. I. P. Mankevich. EE "Belarusian State Economic University". Minsk: BSEU, 2020. Pp. 151–152.

8. Babiy N. A. Crimes Against Life: Qualification Algorithms. Minsk: Tesey, 2009. 188 p.

9. Brausov A. M. Torture // Belarusian Legal Encyclopedia: In 4 volumes. T. 1. Minsk: GIUST BSU, 2007. Pp. 599–600.

10. Rudina A. V., Lakreeva A. V. Autoaggressive behavior: approaches to the definition of the phenomenon // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2018. Vol. 2.No. 1 (20). Pp. 81–83.

11. Propastin S. V. Search tactics for crimes committed using Internet technologies // Criminal Procedure. 2015. No. 11. Pp. 44–54.

УДК/UDC 343.2/.7

Использование криптовалюты в преступных целях: уголовно-правовой аспект

Чернышев Дмитрий Борисович
преподаватель кафедры уголовного права
Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: SledstvieNT404@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, с точки зрения современного российского гражданского и уголовного права. Автор рассматривает два основных вопроса научной дискуссии о правовой сущности криптовалют - как предмета преступления и как орудия либо средства совершения преступления. В ходе исследования делается вывод о том, что до законодательно закрепленного статуса криптовалюты рассматривать ее в уголовно-правовом аспекте преждевременно. В настоящее время предметом преступления она являться не может по причине неопределенности ее гражданско-правовой сущности. Из этого вытекает, что уголовно-правовое значение для квалификации использование криптовалюты при совершении преступления не имеет и представляет интерес с уголовно-процессуальной и криминалистической точек зрения.

Ключевые слова: криптовалюта, квалификация, преступление, предмет, орудие, средства, правовой статус.

The use of cryptocurrency for criminal purposes: the criminal-legal aspect

Chernyshev Dmitriy Borisovich
Lecturer of the Department of Criminal Law
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Yekaterinburg, Russia
e-mail: SledstvieNT404@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems of criminal-legal qualification of crimes committed with the use of cryptocurrencies from the point of view of modern Russian civil and criminal law. The author considers two main issues of scientific discussion about the legal essence of cryptocurrencies - as a subject of a crime and as a tool or means of committing a crime. In the course of the study, it is concluded that it is premature to consider it in the criminal law aspect until the statutory status of cryptocurrency is considered. At present, it cannot be the subject of a crime due to the uncertainty of its civil legal essence. It follows from this that the use of cryptocurrency in the commission of a crime has no criminal legal significance for the qualification and is of interest from the criminal procedural and forensic points of view.

Key words: cryptocurrency, qualification, crime, object, tool, means, legal status.

Немногим более 10 лет прошло с момента появления первой криптовалюты - биткоина, и сегодня мы можем наблюдать, как уж сотни разновидностей данного явления современной цифровой экономики занимают прочные позиции в мировой финансовой системе. Российское информационное и экономическое пространство не является исключением. Вопросы легализации криптовалюты, встраивания ее в национальные правовые и финансовые системы всерьез обсуждаются на самом высоком уровне.

Безусловно, появление и нарастающая популярность криптовалюты полностью соответствует современным тенденциям по цифровизации всех отраслей жизни общества, и прежде всего экономической и информационной. Однако данное объективное явление имеет и оборотную сторону. Преступный мир видит в новых цифровых технологиях современные, надежные и эффективные инструменты для осуществления противоправной деятельности (совершения хищений) и сокрытия следов своих действий. И национальные правовые системы должны адекватно реагировать на изменяющиеся векторы преступной направленности.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению проблем использования криптовалют в противоправных целях среди ис-

следователей. Следует отметить работы А. Г. Демиевой, М. М. Долгиевой, С. Н. Заболотной, А. А. Коренной, Е. А. Корепановой, М. Ю. Милаевой, В. В. Осипова, Н. Е. Мерецкого, А. С. Рубцовой, М. В. Терпуговой, Е. Ф. Черкашина и др.

Все ученые подчеркивают повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых с использование криптовалюты, вызванную их высокой латентностью, особым характером следообразования и, как следствие, трудностями, связанными с их выявлением, раскрытием и расследованием. Особо следует отметить, что рассматриваемая проблема стоит на стыке нескольких отраслей права (в первую очередь гражданского и только во вторую уголовного, уголовно-процессуального), а также финансов и технологий. И если с технической и финансовой точек зрения природа, сущность и технологии использования криптовалюты уже достаточно изучены и объяснимы, то с юридической позиции данное явление еще в полной мере не объяснено.

Современная научная дискуссия относительно использования криптовалют в противоправных целях ведется в основном по двум направлениям: изучение криптовалюты как предмета хищения; использование криптовающты в качестве орудия либо средства совершения преступления и разработка криминалистических методик противодействия этому.

В настоящем исследовании мы попытаемся ответить на вопрос: возможно ли, и, что самое главное, необходимо ли на сегодняшний момент в принципе рассматривать криптовалюту в уголовно-правовом аспекте?

Отвечая на данный вопрос, необходимо кратко обозначить понятие рассматриваемого явления, его черты (положительные и отрицательные), использование криптовалюты в противоправных целях, проблемы ее правового статуса, направления использования.

Переходя к непосредственному решению поставленных задач, хотелось бы отметить, что уголовное право является материальной, охранительной отраслью права. В уголовно-правовой характеристике любого преступления на первом месте всегда находится объект - общественные

отношения, которым преступлением причиняется вред. Из этого следует, что охраняемые уголовным законом общественные отношения возникают раньше и они первичны по отношению к преступлению. Источником данных общественных отношений является конституционное и гражданское законодательство.

Как же российское законодательство определяет рассматриваемые общественные отношения? На сегодняшний день никак. Криптовалюта находится вне поля национального правового регулирования [1, с. 50]. При отсутствии легального определения различные исследователи наполняют его содержанием, вытекающим из технологических свойств, предназначения, направлений использования криптовалюты. Также в качестве источника применяются дефиниции, выработанные законодателями других стран. В частности, П. В. Тепляшин относит криптовалюту к разновидности электронных денег (правовой статус которых закреплен в российском законодательстве) [2, с. 149]. Министерство финансов Российской Федерации, воздерживаясь от законодательного закрепления соответствующей терминологии, тем не менее позиционирует киптовалюту как «денежный суррогат» [3].

Несмотря на отсутствие законодательно-закрепленного определения криптовалюты, отрицать существование данного явления бессмысленно, т. к. оно несет философскую сущность «вещи в себе» [4]. Поэтому необходимо обозначить основные черты криптовалюты, имеющие значение для ее изучения в уголовно-правовом аспекте.

В качестве преимуществ исследователи называют такие свойства, как децентрализованность, использование криптографических методов и усилий всех мощностей глобальной сети при «производстве», анонимность, способность перемещаться по миру без ограничений [5, с. 175].

Перечисляя недостатки криптовалюты (в уголовно-правовом аспекте), ученые зачастую повторяют указанные выше «преимущества». Так, в качестве недостатков отмечают анонимизацию личности владельцев криптовалют, что является одним из основных факторов, привлекающих интерес к ней со стороны преступников, т. к. это обеспечивает

безопасность при совершении хищений и проведении операций с похищенными (добытыми преступным путем) финансовыми активами [3; 6, с. 326]. Также криптовалюта, в отличие от «легальных денег», не обеспечена ответственностью субъекта эмиссии [7, с. 133]. Помимо этого, существует возможность использования криптовалюты в сокрытии доходов, уклонении от уплаты налогов, совершения нелегальных операций. Невозможно блокировать счета и наложить взыскания на денежные средства [8, с. 146].

Рассматривая использование криптовалюты в уголовно-правовом аспекте, следует отметить, что, как нами было отмечено выше, исследователи акцентируют внимание на двух проблемах:

1) криптовалюта как предмет преступления;
2) криптовалюта как средство и орудие совершения преступления.

Первый вопрос вызывает наибольшие затруднения, т. к. в связи с отмеченным выше неопределенным правовым статусом криптовалюты, природой ее происхождения, а также виртуальной сущностью с точки зрения современного российского гражданского права ее нельзя отнести ни к одному из видов объектов имущественных прав, т. к. криптовалюта не обладает формальными признаками денег и вещей. Отсутствует единство в данном вопросе и в законодательстве других государств, закрепляющих криптовалюту в одном случае в качестве платежного средства, в других - специфического товара, расчетной единицы, бездокуметарной ценой бумаги и т. д. [1, с.50]

Несмотря на ведущуюся дискуссию, согласно которой одни ученые относительно аргументировано относят криптовалюту к «иному имуществу» (подобной позиции придерживаются А. Г. Демиева [1], А. К. Чурилов [9]), а другие - к разновидности «электронных денег» (указанные взгляды высказывают в своих работах Э. Л. Сидоренко [10], Е. Ф. Черкашин [7]), до официального закрепления той либо иной позиции в гражданском законодательстве уголовное право не может опираться на указанные противоречивые точки зрения. А учитывая, что предметом хищения могут выступать лишь денежные средства и имущество, обла-

дающее вещными, экономическими и юридическими признаками [11, с. 91], мы приходим к выводу, что криптовалюта не может рассматриваться в рамках категории предмета хищения.

Второй вопрос (использование криптовалюты в качестве орудия либо средства совершения преступления), на наш взгляд, выглядит решаемым. Однако вновь сталкиваясь с отсутствием законодательного закрепления понятия криптовалюты, мы не можем учесть совершение преступления с использованием криптовалюты в качестве представляющего повышенную общественную опасность по наличию квалифицирующего факультативного признака объективной стороны преступления (способ, орудие). Поэтому изучение механизмов преступного поведения, связанных с использованием криптовалюты, имеет не уголовно-правовое, а прежде всего уголовно-процессуальное и криминалистическое значение. В связи с отсутствием правовых оснований для реформирования уголовного законодательства и отдельного учета преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, в настоящее время использование криптовалют в качестве средства и орудия совершения преступлений на применение действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации при их квалификации не влияет.

Таким образом, отвечая на поставленные перед исследованием вопросы, мы можем обозначить следующие выводы.

В текущей правовой реальности рассматривать криптовалюту в уголовно-правовом аспекте преждевременно. Безусловно, существование криптовалюты является объективной действительностью, и с преступлениями, совершаемыми с ее использованием, необходимо бороться уголовно-правовыми средствами, как и со всеми иными преступлениями, от которых рассматриваемые в настоящей статье по своей уголовно-правовой сущности не отличаются. Значение использованию криптовалют должно придаваться именно в уголовно-процессуальном и криминалистическом аспекте.

Более насущный вопрос исследования - нужно ли рассматривать криптовалюту в уголовно-правовом аспекте? Указанный вопрос отно-

сится к категории аксиологических, и для ответа на него мы должны решить - должно ли государство защищать криптовалюту как объект права собственности?

Безусловно, российский законодатель может пойти по пути других государств, пытающихся регулировать оборот криптовалюты на своей территории. В качестве примера можно привести опыт Республики Беларусь, где после легализации в 2018 г. цифровой валюты осуществление всех легальных операций с ней возможно только через резидентов «Парка высоких технологий», на которых, в свою очередь, возложена обязанность мониторинга подозрительных сделок, для чего им предоставлен свободный доступ к смарт-контрактам клиентов [12, с. 125]. Однако если задаться вопросом, можно ли считать такие законодательные меры обеспечивающими надлежащий контроль со стороны государства за рынком криптовалюты, то ответ будет отрицательным. Нельзя контролировать процессы и явления, не имея при этом возможности влияния на них. Поэтому все ограничительные и запретительные законодательные меры со стороны государства являются бессмысленными ввиду отсутствия реальных механизмов управления и контроля.

Другим вариантом поведения является игнорирование существования криптовалюты как объективной действительности, однако ввиду отмеченного выше уровня ее распространения данный путь также видится бессмысленным.

На наш взгляд, многие пользователи криптовалют в действительности преследуют прежде всего неправовые корыстные цели, связанные с совершением финансовых операций, требующих анонимности. Блокчейн-технологии при осуществлении финансовых расчетов используются такими лицами для сокрытия доходов от обязательного государственного учета и налогообложения, а также для совершения противозаконной деятельности.

Поэтому мы полагаем, что человек, осознанно использующий с указанными целями криптовалюты при совершении финансовых операций, должен одновременно понимать, что таким образом он добровольно до-

веряет себя и свои средства честности и порядочности таких же, как он, анонимов, использующих криптовалюты для тех же противоправных целей. И государство не должно защищать экономические интересы такого лица, поскольку они прямо противоречат правому режиму.

Список литературы

1. Демиева А. Г. Криптоваюта в России: особенности правового режима // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 50–52.

2. Тепляшин П. В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. 2017. № 10. С. 147–157.

3. О регулировании выпуска и оборота криптовалют: Письмо Минфина России от 02.10.2017 № 03-11-11/63996 // Российский налоговый портал. URL: http://taxpravo.ru/zakonodatelstvo/statya-397846-pismo_minfina_rossii_-ot_02102017_g__03_11_11_63996 (дата обращения: 31.05.2021).

4. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосский. М.: Аст, 2017. 784 с. Рубцова А. С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 172–181.

5. Осипов В. В., Мерецкий Н. Е. Уголовно-правовая характеристика способов свершения преступлений на рынке криптовалют // В сборнике: Человек в мире природы и культуры. Трибуна молодых. сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 324–328.

6. Черкашин Е. Ф. Проблемные вопросы, связанные с понятием «имущество», как предмета преступления, в свете предполагаемого введения в оборот криптоваюты // Личность. Право. Государство. 2018. № 3. С. 124–135.

7. Любшина Д. С., Золотарюк А. В. Криптовалюта как инновационный инструмент мировой торговли // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 145–146.

8. Чурилов А. К. К вопросу о правовой природе криптовалюты // Хозяйство и право. 2016. № 9. С. 93–99.

9. Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 129–137.

10. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. 2-е изд. М.: АНТЭЙ, 2000. 288 с.

11. Шнейдерова Д. И. Криптовалюта как предмет мошенничества в Республике Беларусь // В сборнике: Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2019. С. 184–189..

References

1. Demieva A. G. Cryptocurrency in Russia: Features of the Legal Regime // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. No. 6. Pp. 50–52.

2. Teplyashin P. V. The state of drug crime in the Russian Federation: basic criminological indicators and trends // Lex Russica. 2017. No. 10. Pp. 147–157.

3. On the regulation of the issue and turnover of cryptocurrencies: Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 02.10.2017 No. 03-11-11 / 63996 // Russian tax portal. URL: http://taxpravo.ru/zakonodatelstvo/statya-397846-pismo_minfina_-rossii_ot_02102017_g__03_11_11_63996 (date of access: 31.05.2021).

4. Kant I. Critique of Pure Reason / Tran. From germ. N. Losskiy. Moscow: Ast, 2017. 784 p.

5. Rubtsova A. S. Cryptocurrencies: subject and means of committing a crime // Bulletin of the University named after O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy). 2018. No. 12 (52). Pp. 172–181.

6. Osipov V. V., Meretskiy N. E. Criminal and legal characteristics of the methods of committing crimes in the cryptocurrency market // In the collection: Man in the world of nature and culture. The tribune of the young. collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. 2018. Pp. 324–328.

7. Cherkashin E. F. Problematic issues related to the concept of "property"as a subject of crime in the light of the alleged introduction of cryptocurrency into circulation // Personality. Right. State. 2018. No. 3. Pp. 124–135.

8. Lyubshina D. S., Zolotaryuk A. V. Cryptocurrency as an innovative tool of world trade // Interactive Science. 2016. No. 10. Pp. 145–146.

9. Churilov A. K. On the question of the legal nature of cryptocurrency // Economy and law. 2016. No. 9. Pp. 93–99.

10. Sidorenko E. L. Legal status of cryptocurrencies in the Russian Federation // Economy. Taxes. Right. 2018. No. 2. Pp. 129–137.

11. Kochoi S. M. Responsibility for mercenary crimes against property. 2nd ed. M.: ANTEI, 2000. 288 p.

12. Shneiderova D. I. Cryptocurrency as a subject of fraud in the Republic of Belarus // In the collection: Actual problems of criminal procedure and criminalistics. Collection of articles of the V International scientific and practical conference. 2019. Pp. 184–189.

УДК/UDC 343

Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений как «интрузивное» оперативно-розыскное мероприятие

Яковец Евгений Николаевич
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
ведущий научный сотрудник
Центр исследования проблем российского права «Эквитас»
г. Москва, Россия
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN-код: 8190-5220
Author ID: 524115

Аннотация

В статье рассматриваются сущность и содержание «интрузивного» оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», требующего получение судебного решения. Приводится дефиниция последнего, определяются нормативно-правовая основа его проведения, а также объекты, предметы, субъекты и другие элементы рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Анализируются подходы к оценке некоторых (несекретных) аспектов организации и тактики проведения указанного мероприятия. Уточняется порядок использования его результатов в уголовном судопроизводстве. Понятие указанного оперативно-розыскного мероприятия дифференцируется по отношению к административному досмотру почтовых и багажный отправлений, осуществляемому в соответствии с ч. 3 ст. 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», административной мере «цензура корреспонденции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, досмотр посылок, бандеролей в условиях учреждений системы исполнения наказаний», а также следственному мероприятию «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» (ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Обращается особое внимание на недопустимость нарушения норм действующего законодательства и соблюдение тайны связи при проведении указанного мероприятия.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; «интрузивные» оперативно-розыскные мероприятия; судебное решение; контроль почтовых отправлений, теле-

графных и иных сообщений; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; тайна связи.

Control of mail, telegraph and other messages as an "intrusive"operational search activity

Yakovets Evgeniy Nikolayevich
Doctor of Law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher
Equitas Center for the Study of Problems of Russian Law
Moscow, Russia
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN Code: 8190-5220
Author ID: 524115

Abstract

The article deals with the essence and content of the "intrusive"operational search activity "control of mail, telegraph and other messages which requires a court decision. The definition of the latter is given, the regulatory and legal basis for its implementation is determined, as well as the objects, objects, subjects and other elements of the operational search measure under consideration. Approaches to the assessment of some (unclassified) aspects of the organization and tactics of this event are analyzed. The procedure for using its results in criminal proceedings is specified. The concept of this operational-search activity is differentiated in relation to the administrative control of mail and baggage items, carried out in accordance with Part 3 of art. 48 of the Federal Law "On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances the administrative measure "censorship of correspondence of convicted persons and persons held in custody, inspection of parcels, parcels in the conditions of institutions of the penitentiary system as well as the investigative measure "seizure of postal and telegraph items, their inspection and seizure"(Article 185 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Special attention is paid to the inadmissibility of violating the norms of the current legislation and the observance of the secrecy of the communication during this event.

Key words: operational-search activity; "intrusive"operational-search activities; judicial decision; control of postal items, telegraph and other messages; seizure of postal-telegraph items, their inspection and seizure; secret communication.

Оперативно-розыскное мероприятие (далее по тексту - ОРМ) «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» (далее по тексту - КПО) - это основанное на оперативно-розыскном законодательстве конспиративное прочтение или просмотр письменной или иным способом зафиксированной на материальном носителе корреспонденции, а также конспиративное установление отправителя и (или) адресата для достижения целей оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту - ОРД) и решения ее антикриминальных задач [1, с. 246].

Данное ОРМ, требующее вынесения судебного решения, в отдельных научных работах характеризуется как «интрузивное» (т. е. «проникающее»).

КПО наряду с иными «интрузивными» ОРМ (прослушиванием телефонных переговоров, снятием информации с технических каналов связи и получением компьютерной информации) относится к категории оперативно-технических мероприятий (далее по тексту - ОТМ). Для его проведения требуется применение определенного набора технических средств (инструментария), без использования которых невозможно без видимых последствий распечатать конверт или иную упаковку с тем, чтобы прочитать текст.

Осуществление КПО регламентируется п. 9 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-Ф «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту - ФЗ об ОРД) [2]. Отдельные моменты, связанные с его осуществлением, нашли отражение в ст. 5–8, п. 1 ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 17 ФЗ об ОРД и в других нормативно-правовых актах, а именно: ч. 4, 5 ст. 15 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» [3]; ст. 63 и 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [4]; ст. 15 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» [5]; Указе Президента Российской Федерации от 1 сентября 1995 г. № 891 «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств» [6], «Правилах взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющи-

ми оперативно-розыскную деятельность», утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538 [7], «Требованиях к сетям и средствам почтовой связи для проведения оперативно-розыскных мероприятий», утвержденных Приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 65 [8]; «Требованиях к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Часть III. Требования к сетям телеграфной связи для проведения оперативно-разыскных мероприятий», утвержденных Приказом Минкомсвязи России от 27 июня 2016 г. № 285 [9].

При проведении КПО необходимо руководствоваться «Правилами оказания услуг почтовой связи», утвержденными Приказом Минкомсвязи России от 31 июля 2014 г. № 234 [10], а также «Правилами оказания услуг телеграфной связи», утвержденными Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. № 222 [11]. Наряду с этим для реализации результатов данного ОРМ в уголовном процессе применяют межведомственную «Инструкцию о результатах ОРД» [12].

По форме проведения КПО может быть исключительно негласным.

Субъектами проведения КПО являются:

1) инициаторы заданий - сотрудники оперативных подразделений;
2) сотрудники ОТП органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел, осуществляющие КПО по заданиям;
3) сотрудники предприятий связи, участвующие в проведении данного мероприятия.

Перлюстрация корреспонденции как направление сыскной деятельности имеет в России глубокие исторические корни. Как отмечают А. В. Бабаш и Г. П. Шанкин, учреждения, занимавшиеся просмотром почтовой корреспонденции и при необходимости ее дешифрованием, назывались «черными кабинетами». Окончательно они были сформированы к концу XVIII в. при Екатерине II в рамках органа политического сыска - Тайной экспедиции. Однако первый опыт их деятельности относится к периоду правления Елизаветы Петровны. Дешифрованная кор-

респонденция докладывалась непосредственно императрице, которая с большим вниманием относилась к этой стороне разведывательной деятельности. Основной перехват писем осуществлялся через почтамт Петербурга. Его руководитель Ф. Аш непосредственно подчинялся канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, который по роду своей деятельности ведал и службой перлюстрации корреспонденции. В ходе негласного надзора за почтовой перепиской нередко возникали проблемы с тайным распечатыванием конвертов и восстановлением нарушенных печатей. Для решения этой проблемы в штате ведомства Аша имелся мастер-«печатнорезчик», неплохой специалист своего дела, но и он не всегда справлялся с этими функциями [13].

В конце XIX в. «черные кабинеты» были переименованы в отделения секретной цензуры при почтамтах. Они по-прежнему занимались перлюстрацией корреспонденции лиц, подозревавшихся в антиправительственной деятельности. К тому времени эти подразделения превратились в филиалы отделений по охране порядка и общественной безопасности (так называемые охранные отделения, в просторечии - «охранка») - органов политической полиции [14]. На постоянной основе эти подразделения действовали при почтовых отделениях Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Киева, Харькова, Риги, Вильно, Томска и Тифлиса. Кроме того, существовали и временные пункты перлюстрации корреспонденции, создававшиеся по мере необходимости в различных городах Российской Империи. Работой всех этих учреждений руководил старший цензор петербургского почтамта.

Несмотря на столь разветвленную сеть отделений секретной цензуры, их деятельность считалась нелегальной и не была урегулирована какими-либо официальными нормативными актами, ориентированными на защиту тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений. На этот счет в распоряжении Министерства внутренних дел имелся единственный секретный высочайший указ Александра III на право перлюстрации корреспонденции. В запечатанном виде он хранился у специального чиновника Министерства внутренних дел, который на своей

должности проработал до самой революции 1917 г. и дослужился до чина действительного статского советника. О его полномочиях было известно только Министру Министерства внутренних дел, директору Департамента полиции и очень узкому кругу должностных лиц [15].

Подвергавшиеся проверке письма подразделялись на корреспонденцию «по подозрению» и «по наблюдению». Первая категория отправлений вскрывалась на основе имевшегося у операторов связи некоего «предчувствия» (профессионального опыта). Вторая перлюстрировалась по списку, который присылался Департаментом полиции. За качественную работу в интересах последнего и обеспечение ее конфиденциальности цензорам выплачивалась надбавка к жалованью, размер которой был больше, чем их основной оклад по должности. Например, в провинциальном калужском городском жандармском управлении почтовый чиновник за каждое выявленное письмо, представлявшее оперативный интерес для жандармов, получал по три рубля [16].

В современных условиях данное мероприятие направлено не только на защиту безопасности государства, но и на противодействие преступлениям общеуголовного и экономического характера. Поэтому его используют в своей деятельности все органы государственной власти, уполномоченные на осуществление ОРД.

Рассматриваемое ОРМ предполагает особый порядок проведения, поскольку оно самым непосредственным образом затрагивает тайну связи. В основе этого вида профессиональной тайны лежит информация, непосредственно связанная с личностью физического лица и его персональными данными, в связи с чем ненадлежащий порядок проведения КПО детерминирует в конечном итоге нарушение конституционных прав человека и гражданина на неприкосновенность его частной и семейной жизни.

Тайна связи - понятие весьма актуальное для анализа сущности не только КПО, но и прочих ОТМ. В соответствии с действующим законодательством к перечню сведений, составляющих тайну почтовой связи, относится:

1) информация о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи;
2) сами почтовые отправления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения;
3) информация о взаимодействии операторов связи с правоохранительными органами - субъектами ОРД.

Обязанность сохранения в тайне сведений, ставших известными работникам предприятий связи, регламентирована ст. 53, 63 Федерального закона «О связи» а также ст. 2, 5, 15 Федерального закона «О почтовой связи» [17].

Анализ содержания рассматриваемого ОРМ позволяет выделить две группы юридических условий его проведения - общеобязательные и характерные для экстренной ситуации.

Общеобязательными являются:

1. Наличие оперативной информации, предусмотренной ч. 2 с. 8 ФЗ об ОРД.
2. Получение судебного решения для начала проведения данного ОРМ (ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД) и продления срока его осуществления (ч. 6 ст. 9 ФЗ об ОРД). Срок контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений может составлять до 180 суток со дня получения судебного решения. Инициатор, располагая информацией о конкретных сроках поступления интересующей его информации, вправе провести в этот период ОРМ разового характера. При этом течение срока вынесенного решения не прерывается. При необходимости продления срока действия постановления судья выносит судебное решение на основании вновь представленных материалов.
3. Наличие документально оформленного задания оперативного подразделения (в форме мотивированного постановления, утвержденного соответствующим руководителем) для специализированного подразделения.

4. Проведение указанного мероприятия с использованием оперативно-технических сил и средств исключительно органов Федеральной службы безопасности или органов внутренних дел (ч. 4 ст. 6 ФЗ об ОРД).
5. Запрет на КПО по основаниям, предусмотренным п. 1–4 и 6 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД, в целях осуществления оперативно-проверочной работы. Исключением является возможность его осуществления для обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД (см. п. 5 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД).

Условия, характерные для экстренного проведения КПО, предполагают следующее:

1) наличие обстоятельств, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления;
2) получение данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу безопасности Российской Федерации.

В этих случаях предусмотрено:

1) оформление мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД;
2) наличие документально оформленного задания для участия в указанном мероприятии специализированных подразделений;
3) уведомление в течение 24 часов о начале проведения данного мероприятии суда (судьи);
4) при необходимости продолжения КПО - получение инициатором указанного ОРМ в течение 48 часов с момента его начала соответствующего судебного решения.

Место проведения рассматриваемого ОРМ законом не определено, хотя, по логике вещей, в качестве такового следует рассматривать предприятие почтовой связи, обслуживающее адрес проживания объекта КПО, в котором для проведения данного мероприятия выделяется специальное помещение [18].

В качестве объектов КПО рассматриваются физические лица - получатели и отправители почтовой, телеграфной и иной передаваемой по сетям электрической и почтовой связи корреспонденции, подозреваемые в совершении преступлений, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Предметом данного ОРМ является вся корреспонденция, поступающая в конкретный адрес или исходящая из него (письма, телеграммы, посылки, бандероли, прямые почтовые контейнеры, денежные переводы и иные сообщения), передаваемая по сетям почтовой и электрической связи.

К иным сообщениям ряд ученых, например О. А. Вагин и А. П. Исиченко, относят информацию, изложение и передача которой допускается вместе с почтовым переводом, а также сообщения, принимаемые от отправителя на бумажном или магнитном носителе для передачи электронным путем и доставляемые адресату воспроизведенными в физической или электронной форме (отправления электронной почты). Такие сообщения вручаются адресату в запечатанном виде как письменная корреспонденция [19].

Весьма широкий смысл вкладывал в понятие «иных сообщений» профессор А. Ю. Шумилов, который относил к ним любую, кроме почтового отправления и телеграфного сообщения, корреспонденцию, отправляемую по сети почтовой, электрической связи или иным способом [1, с. 247]. Однако при таком подходе «иные сообщения» будут включать в свой состав и ту корреспонденцию, которая отправляется по сетям электросвязи без участия операторов почтовой связи (факсы, телексы, компьютерная электронная почта и др.). Слежение за подобными видами отправлений к КПО не относится, а представляет собой ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» и «Получение компьютерной информации» [20].

Контроль почтовых, телеграфных и иных отправлений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, допускается при условии соблюдения режима секретного делопроизводства по мотиви-

рованному постановлению руководителя оперативно-розыскного органа, согласованному с соответствующим руководителем органа государственной власти, наделенного полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне.

Важным признаком КПО является то, что в ходе его осуществления согласно ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД оперативным подразделениям разрешено прерывать предоставление услуг связи (среди них различают услуги почтовой и электрической связи), а также изымать соответствующие предметы, материалы и сообщения в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица или угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности России.

Корреспонденция, содержащая признаки тайнописи, меточных средств, шифров и т. д. по согласованию с инициатором задания после ее документального оформления может быть доставлена адресату в целях последующего проведения иных ОРМ или следственных действий.

В случае обнаружения в почтовых отправлениях запрещенных к пересылке предметов и веществ организации Федеральной почтовой связи вне зависимости от проведения ОРМ имеют право на их задержание. О фактах обнаружения в почтовых отправлениях огнестрельного, сигнального, пневматического, газового оружия, боеприпасов, холодного оружия (включая метательное), электрошоковых устройств и искровых разрядников, а также основных частей огнестрельного оружия, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, радиоактивных, взрывчатых, ядовитых, едких, легковоспламеняющихся, других опасных веществ и задержании этих почтовых отправлений организации (объекты) Федеральной почтовой связи обязаны немедленно поставить в известность органы внутренних дел или органы Федеральной службы безопасности (если речь идет о внутренних почтовых отправлениях) либо таможенные органы (если речь идет о международных почтовых отправлениях). Сотрудники указанных органов в присутствии руководителя организации (объекта) Федеральной почтовой связи или его заместителя

производят изъятие запрещенных предметов и веществ с составлением акта, один экземпляр которого может направляться отправителю. Такой порядок уведомления отправителя исключается, когда по факту обнаружения указанных предметов и веществ ОВД или органами ФСБ принимается решение о проведении ОРМ [10].

При необходимости с отправлений, содержащихся в просматриваемой корреспонденции, могут сниматься копии, делаться фотоснимки, видеозапись содержимого, изыматься рукописные бланки, заполненные отправителем, отбираться образцы (пробы) предметов и веществ, сниматься отпечатки пальцев, отбираться потожировые выделения и др.

Профессор А. Е. Чечетин отмечает, что от КПО следует отличать административный досмотр почтовых и багажных отправлений, осуществляемых в соответствии с ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» должностными лицами органов внутренних дел, таможенных органов, федеральной службы безопасности при осуществлении контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные операции с наркотиками. Такой досмотр, не предполагающий обязательного судебного решения, несмотря на свой административно-правовой характер, может использоваться при решении задач ОРД [20].

Не подпадает под предмет рассматриваемого ОРМ и нелегальная переписка между заключенными, осуществляемая при посредничестве других заключенных, перемещаемых из одного места лишения свободы в другое либо из камеры в камеру, а также с использованием различных приспособлений для перемещения записок или писем [21]. На этот счет уголовно-исправительное законодательство отмечает, что переписка между содержащимися в исправительном учреждении (далее по тексту - ИУ) осужденными, не являющимися родственниками, осуществляется в порядке, определяемом Правилами внутреннего распорядка ИУ. Ее негласный контроль с помощью различных оперативных возможностей

не требует судебного решения, как не нуждается в нем и гласная цензура корреспонденции осужденных.

Известна позиция, согласно которой цензура корреспонденции осужденных, направляемая официальным порядком на волю и получаемая с воли, рассматривается в качестве гласной формы КПО. В п. 10 ч. 2 ст. 6 Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (утратил силу 18 августа 1995 г.) [22] она фигурировала даже в качестве самостоятельного ОРМ. По ныне действующему российскому законодательству цензура корреспонденции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, досмотр посылок, бандеролей в условиях учреждений системы исполнения наказаний ОРМ не образует, а является мерой административного контроля со стороны администрации ИУ. Срок осуществления подобной цензуры составляет не более трех рабочих дней, а в случае если письма, почтовые карточки и телеграммы написаны на иностранном языке - не более семи рабочих дней.

Не допускается цензура лишь той переписки осужденного, которую последний осуществляет с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исправительной системы, Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, а также иными инстанциями, фигурирующими в ч. 4 ст. 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УИК РФ).

Переписка осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре также не подлежит, за исключением случаев, если администрация ИУ получит достоверные данные о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих ситуациях контроль писем, почтовых карточек, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению начальника ИУ или его заместителя [23].

ОРМ «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» не следует путать и со следственным действием «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» (ст. 185 УПК РФ).

Суть наложения ареста на почтово-телеграфные отправления состоит в том, что учреждение связи, основываясь на судебном решении, задерживает почтово-телеграфные отправления, незамедлительно уведомляя об этом следователя (дознавателя), без разрешения которого указанные отправления не могут быть доставлены адресату.

Фактическими основаниями для принятия решения об аресте почтово-телеграфных отправлений являются достаточные данные, дающие основание полагать, что в бандеролях, посылках, других почтово-телеграфных отправлениях либо телеграммах или радиограммах могут содержаться имеющие значение для уголовного дела предметы, документы или сведения (ч. 1 ст. 185 УПК РФ), причем как во входящих, так и исходящих отправлениях.

Предмет данного следственного действия практически полностью совпадает с предметом КПО. Формальным основанием для ареста указанных отправлений и их выемки также является судебное решение о его проведении, принимаемое в порядке ст. 165 УПК РФ на основании ходатайства об этом дознавателя или следователя. Это ходатайство должно содержать следующие данные:

1) фамилия, имя, отчество и адрес лица, почтово-телеграфные отправления которого должны задерживаться;
2) основания наложения ареста, производства осмотра и выемки;
3) виды почтово-телеграфных отправлений, подлежащих аресту;
4) наименование учреждения связи, на которое возлагается обязанность задерживать соответствующие почтово-телеграфные отправления.

Следует подчеркнуть, что наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их выемка - это различные следственные действия, причем наложение ареста не предполагает обязательного осуществления вы-

емки. Проведенный вслед за наложением ареста осмотр корреспонденции может привести следователя к выводу о том, что проведение выемки нецелесообразно. В ст. 185 УПК РФ речь, в сущности, идет о трех самостоятельных, но взаимосвязанных между собой следственных действиях.

Арест на корреспонденцию накладывается в следующих целях:

1) ее осмотра;
2) последующего изъятия;
3) создания препятствий для обмена информацией в процессе расследования между заинтересованными лицами;
4) выявления лиц, участвовавших в совершении преступления;
5) установления мест, где скрываются разыскиваемые преступники;
6) выявления места сокрытия похищенного и орудий преступления.

В УПК РФ отсутствует перечень лиц, на корреспонденцию которых может налагаться арест. Как свидетельствует практика, он может быть наложен лишь на корреспонденцию подозреваемых, обвиняемых и связанных с ними лиц. Арест не накладывается на корреспонденцию свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства.

В каждом случае при осмотре почтово-телеграфных отправлений должен составляться протокол, в котором указывается, кем и какие почтово-телеграфные отправления были подвергнуты осмотру, скопированы, отправлены по адресу или задержаны. Если следователь (дознаватель) ограничивается осмотром без выемки задержанной корреспонденции, в протоколе полностью или частично фиксируется текст почтового отправления либо прилагается его копия, изготовленная с помощью множительной техники или фотоаппаратуры.

При производстве осмотра и выемки корреспонденции следователь обязан обеспечить сохранение в тайне ее содержания с учетом жестких правил, содержащихся в ст. 23 и в ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации. Нарушение указанных конституционных предписаний может повлечь за собой причинение морального вреда контролируемым лицам

и предъявление с их стороны в гражданско-правовом порядке требований о его компенсации [24].

Осмотр и выемка почтово-телеграфной корреспонденции должны производиться в присутствии понятых из числа работников почтово-телеграфных учреждений, что является одной из гарантий сохранения тайны переписки. В необходимых случаях для участия в осмотре и выемке почтово-телеграфных отправлений следователь (дознаватель) вправе пригласить специалиста, а также переводчика.

Арест на почтово-телеграфные отправления своим постановлением отменяет следователь (дознаватель). Отмена происходит, когда необходимость в этой мере отпадает, но в любом случае не позднее окончания предварительного следствия по данному уголовному делу. Приняв указанное постановление, следователь (дознаватель) незамедлительно уведомляет об этом суд, принявший решение о наложении ареста, и прокурора [25].

Таким образом, порядок проведения КПО и указанного следственного действия во многом совпадают. Основным различием между ними является то, что рассматриваемое ОРМ инициируется оперативными подразделениями и, как правило, в рамках оперативного делопроизводства до возбуждения уголовного дела.

Результаты КПО оформляются рапортом, справкой, актом сотрудника оперативного подразделения, сообщением конфиденциального источника. К рапорту могут прилагаться соответствующим образом упакованные материальные носители информации, полученные в ходе ОРМ.

Полученные документы вводятся в уголовный процесс путем допроса сотрудников оперативных подразделений (за исключением сотрудников ОТП и конфидентов), осмотра представленных предметов и документов, их приобщения к уголовному делу.

В заключение хотелось бы отметить, что проведение рассмотренного в данной статье ОРМ, как и в целом осуществление ОРД, требует повышенного внимания со стороны руководителей оперативно-розыскных органов. Крайне важно повышение профессионального уровня оператив-

ных сотрудников, специализирующихся на проведении КПО, и соблюдение всех нормативных предписаний. Помимо обобщения исторического опыта практической деятельности в данном направлении весьма актуальной является разработка теоретических положений, ориентированных на повышение эффективности осуществления «интрузивного» ОРМ при соблюдении баланса интересов личности, общества и государства в сфере противодействия преступности.

Список литературы

1. Основы оперативно-разыскной деятельности: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть / С. П. Жданов, О. Г. Карпович, Е. С. Недосекова и др.; предисл.: В. Б. Мантусова; под ред. А. Ю. Шумилова. Люберцы: РИО Российской таможенной академии, 2020. 430 с.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-Ф // Российская газета. 1995. 18 августа.

3. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ // Российская газета. 1995. 12 апреля.

4. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Российская газета. 2003. 10 июля.

5. О почтовой связи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ // Российская газета. 1999. 22 июля.

6. Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств: Указ Президента РФ от 01.09.1995 № 891 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 24. Ст. 2954.

7. Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: Постановление Правительства РФ от 27.08.2005 № 538 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 36. Ст. 3704.

8. Об утверждении требований к сетям и средствам почтовой связи для проведения оперативно-розыскных мероприятий: Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 19.05.2009 № 65 // Российская газета. 2009. 10 июля.

9. Об утверждении требований к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Часть III. Требования к сетям телеграфной связи для проведения оперативно-разыскных мероприятий: Приказ Минкомсвязи России от 27.06.2016 № 285 // Российская газета. 2016. 15 сентября.

10. Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи: Приказ Минкомсвязи России от 31.07.2014 № 234 // Российская газета. 2014. 31 декабря.

11. Об утверждении Правил оказания услуг телеграфной связи: Постановление Правительства РФ от 15.04.2005 № 222 // Российская газета. 2005. 29 апреля.

12. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК РФ от 27.09.2013
№ 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Российская газета. 2013. 13 декабря.

13. Бабаш А. В., Шанкин Г. П. История криптографии. М.: Гелиос АРВ, 2002. Ч. 1. 240 с. С. 218–223.

14. История спецслужб России / Сост. С. Шумов, А. Андреев. М.: Издательство «Крафт+», 2004. 464 с. С. 366–372.

15. Спиридович А. И. Записки жандарма. М.: Художественная литература (репринтное воспроизведение издания 1930 г.), 1991. 268 с. С. 24.

16. Смирнов М. П., Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность в Российской Империи в документах и комментариях (XVIII в. - февраль 1917 г.): монография. М.: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2010. 184 с. С. 116–117.

17. Яковец Е. Н. Основы правовой защиты информации и интеллектуальной собственности: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. 440 с. С. 217–218.

18. Требования к помещениям, предоставляемым оператором почтовой связи взаимодействующему подразделению уполномоченного органа: Приложение. Об утверждении требований к сетям и средствам почтовой связи для проведения оперативно-розыскных мероприятий: Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 19.05.2009 № 65 (с изм. и доп.) // Российская газета. 2009. 10 июля.

19. Вагин О. А., Исиченко А. П. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» со словарем законодательных терминов. М.: Экзамен, 2006. 479 с. С. 123.

20. Чечетин А. Е. Некоторые проблемные вопросы правового регулирования контроля почтовых отправлений // Оперативник (Сыщик). 2016. № 3(48). Июль. М.: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2016. С. 36–41.

21. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017. 712 с. С. 315.

22. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13.03.1992 № 2506-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ.1992. № 17. Ст. 892. (Утратил силу).

23. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Российская газета. 1997. 16 января.

24. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994. № 10 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-5677/ (дата обращения: 31.05.2021).

25. Рыжаков А. П. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и выемка: основания и порядок производства: Научно-практическое руководство. М.: Экзамен, 2007. 188 с.

References

1. Fundamentals of operational-search activity: a textbook in 2 volumes. Vol. 1: General part / S. P. Zhdanov, O. G. Karpovich, E. S. Nedosekova and others; foreword: V. B. Mantusova; ed. A. Yu. Shumilova. Lyubertsy: RIO of the Russian Customs Academy, 2020. 430 p.

2. On operational-search activity: Federal Law of 12.08.1995 No. 144-F (with amendments and additions) // Rossiyskaya Gazeta. 1995. 18 August.

3. On the Federal Security Service: Federal Law of 03.04.1995 No. 40-FZ (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 1995. 12 April.

4. On communications: Federal Law of 07.07.2003 No. 126-FZ (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 2003. 10 July.

5. On postal services: Federal Law of 17.07.1999 No. 176-FZ (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 1999. 22 July.

6. On streamlining the organization and conduct of operational-search measures using technical means: Decree of the President of the Russian Federation of 01.09.1995 No. 891 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 24. Art. 2954.

7. On the approval of the Rules for interaction of telecom operators with authorized state bodies carrying out operational-search activities: Decree of the Government of the Russian Federation of August 27, 2005 No. 538 (as amended and supplemented) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 36. Art. 3704.

8. On the approval of requirements for networks and means of postal communications for conducting operational-search activities: Order of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation of 19.05.2009 No. 65 (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 2009. 10 July.

9. On approval of requirements for telecommunication networks for carrying out operational-search activities. Part III. Requirements for telegraph communication networks for carrying out operational-search activities: Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia No. 285 dated June 27, 2016 // Rossiyskaya Gazeta. 2016. 15 September.

10. On approval of the Rules for the provision of postal services: Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia No. 234 dated July 31, 2014 (as amended on February 13, 2018) // Rossiyskaya Gazeta. 2014. 31 December.

11. On approval of the Rules for the provision of telegraph services: Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2005 No. 222 (as amended on January 31, 2012) // Rossiyskaya Gazeta. 2005. 29 April.

12. On approval of the Instruction on the procedure for presenting the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or to the court: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Federal Security Service of Russia, the Federal Security Service of Russia, the Federal Customs Service of Russia, the SVR of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, the Federal Drug Control Service of Russia, the Investigative Committee of the Russian Federation dated 27.09.2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Russian newspaper. 2013. 13 December.

13. Babash A. V., Shankin G. P. History of cryptography. Moscow: Helios ARV, 2002. Part 1. 240 p. Pp. 218–223.

14. History of the Russian special services / Comp. S. Shumov, A. Andreyev. M.: Publishing house "Kraft + 2004. 464 p. Pp. 366–372.

15. Spiridovich A. I. Notes of the gendarme. Moscow: Fiction (reprint of the 1930 edition), 1991. 268 p. P. 24.

16. Smirnov M. P., Shumilov A. Yu. Operational-search activity in the Russian Empire in documents and comments (18th century - February 1917): monograph. M.: Publishing house I. I. Shumilova, 2010. 184p. Pp. 116–117.

17. Yakovets E. N. Fundamentals of legal protection of information and intellectual property: textbook. allowance. 2nd ed., Add. and revised M .: Jurlitinform, 2013.440 p. Pp. 217–218.

18. Requirements for the premises provided by the postal operator to the interacting subdivision of the authorized body: Appendix. On the approval of the requirements for networks and means of postal communication for conducting operational-search activities: Order of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation of 05/19/2009 No. 65 (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 2009.10 July.

19. Vagin O. A., Isichenko A. P. An article-by-article commentary to the Federal Law "On Operational-Investigative Activities"with a dictionary of legislative terms. Moscow: Examination, 2006. 479 p. P. 123.

20. Chechyotin A. E. Some problematic issues of legal regulation of postage control // Operative (Sleuth). 2016. No. 3 (48). July. M.: Publishing house I. I. Shumilova, 2016. Pp. 36–41.

21. Theory of operational-search activity: textbook / Ed. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky. 4th ed., rev. and add. M.: INFRA-M, 2018. 712 p. P. 315.

22. On operational-search activities in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 13.03.1992 No. 2506-1 // Bulletin of the SND RF and the RF Armed Forces. 1992. No. 17. Art. 892. (Invalid).

23. The Criminal Executive Code of the Russian Federation dated 01/08/1997 No. 1-FZ (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 1997.16 January.

24. Some issues of application of legislation on compensation for moral harm: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 20.12.1994. No. 10 (as revised on 06.02.2007) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/ (date of access: 31.05.2021).

25. Ryzhakov A. P. Seizure of postal and telegraph shipments and seizure: grounds and procedure for production: Scientific and Practical Guide. Moscow: Examination, 2007. 188 p.